

АНДРЕЙ КАПУСТИН

ПЛАМЯ В ПАРУСАХ

— КНИГА I —
Летопись Эксильского края

Андрей Капустин

Пламя в Парусах

«Автор»

2025

Капустин А.

Пламя в Парусах / А. Капустин — «Автор», 2025

Молодой деревенский охотник северных кровей и имперского воспитания, смыслённый, любознательный и охочий до знаний, пробравшись однажды ночью туда, куда не следует, становится свидетелем тайного сговора дворян, о встрече которых лучше бы не знать никому. Предвидя скорое возмездие, юноша бросается в бега, но, путая за собой следы и ежесекундно оглядываясь, он и не замечает, как ступает на тропу ещё больших заговоров и невзгод.

© Капустин А., 2025

© Автор, 2025

Андрей Капустин

Пламя в Парусах

Пролог

Кого ни спроси, а поместье Беренхаурт во все времена являло пример исключительного комфорта и тёплого, домашнего уюта. В любую погоду, ото дня к ночи, из года в год. Даже для самого не в меру искущённого аристократического семейства это было так. И это было неизменно. Беренхаурт считался желанным призом, яркой мечтой, наградой за победы и выслугу. На заре новой эпохи за право владеть им велись войны, плелись при дворе интриги, лезвия кинжалов сдабривались страшнейшими из ядов. Его же использовали как основной лот на торгах, как последний аргумент в спорах, как приданое на свадьбу молодым. Дабы скрепить союз чем-то более значимым, нежели любовь и страсть.

Не единожды поместье переходило из рук в руки, и в том не было ничего удивительного.

Некогда Беренхаурт назывался совсем по-другому, – сейчас уже не важно, как именно, – и являлся не чем иным, как удельным аббатством, расположенным на плато меж Шеренерских гор. Во времена заката драконьего культа аббатство оказалось отнято у духовенства в пользу нужд и прихотей новых аристократических родов, и именно тогда-то и проявилась истинная красота этого места. Редкие рахитичные перелески были безжалостно вычищены, а на местах тех высажены сады и выложены парковые аллеи; болотца засыпаны, озёра и ручейки углублены. Буйным полевым цветам пришлось по душе здешняя почва, очищенная от сорняков и валежника, а само здание аббатства подверглось основательной перестройке. И всё это великолепие окружали хребты естественной горной котловины, отсекающие прочь весь остальной грешный мирок.

Однако если у кого и оставались сомнения в красоте и исключительной одухотворённости этих просторов, – осенняя пора с лёгкостью излечивала подобный недуг. Если Беренхаурт запросто мог утереть нос любому богатому имению, то *осенний* Беренхаурт превосходил даже себя самого. Что, в общем-то, и неудивительно для продуваемой всеми вольными ветрами долины Эшенгейл. Именно осень оставалась здесь истинным правителем. Осенние ненастья являлись на эту землю когда им вздумается, и только госпожа осень правила здесь бал. Глубокой осенью всё и началось.

Нынче в поместье было людно.

Речь, разумеется, шла не о суетливой челяди – не о поварах и виночерпиях, конюхах и садовниках, лакеях, постельничих, камеристках и всех прочих, коим нет числа и без кропотливого труда которых уют этого места оказался бы недостижим. Нет, это хозяин изволил созвать гостей.

Беренхаурт вот уже несколько лет принадлежал некоему Альвину Гурдраму Освальду, главе королевской тайной канцелярии, первому сыну своего отца, и человеку, чьё слово нерушимо; прозванному за свои благодеяния «гордостью королей-близнецов». Поместьем он владел безраздельно, и даже самый отчаянный глупец не рискнул бы оспаривать это его право. Как и не осмелился бы пренебречь подобным приглашением или заставлять хозяина ждать сверх всякой меры.

Потому и не вызывало удивления, что большая часть гостей уже прибыли.

Сам же господин Освальд коротал время с приближёнными в одном из скромных своих кабинетов – скромных, согласно его положению, разумеется, – и изучал пригласительные списки. С нетерпением он ожидал прибытия ещё двух герцогинь из Шередила и Осинской длани, а также королевского мастера по науке, семерых высших офицеров, семерых же гильдьеров, включая представителя и воровской гильдии, двух своих самых верных и умелых шпио-

нов, младшей троюродной сестрёнки и, наконец, как ни удивительно, одного самого ненавистного и смертельного своего врага.

Стук в резную дверь ведьминого дерева, расписанную золочёной краской и украшенную бархатом, неизменно обретал музыкальные нотки. Таково уж свойство этой древесины. Три удара, и каждый отдавал наивысшим почтением и расположением. Разумеется, это камергер. Только он умел *так* возвещать о своём визите.

– Прошу, входи, Абилейт, – распорядился господин Освальд.

Дверь отворилась, и в проёме показался человек строгого стиля в одежде, исключительных манер в поведении и абсолютной холодности в лице. Камергер.

– Ваше сиятельство! – поприветствовал он господина Освальда. – Госпожа герцогиня, госпожа юная графиня, господин граф, достопочтеннейший учёный... – продолжил, поочерёдно кланяясь каждому присутствующему.

Да, нынче в кабинете хозяина собралось изрядно гостей, и правила этикета неизменно требовали приветствовать каждого из них. Закончив, камергер поместья Беренхаурт повернулся к господину Освальду.

– Ваше сиятельство, – начал он, – ваш *особый* гость наконец-то прибыл. Сейчас его досматривает стража при непосредственном участии досточтимого Капитана.

– Хорошо, – ответил господин Освальд. – Хотя я и говорил, что это лишнее. Распорядись, чтобы обращались с ним не менее учтиво, чем со всеми прочими гостями, Абилейт. Самоуправства я не потерплю. И чтобы Капитан не затягивал сверх всякой меры и поспешил доставить *его* ко мне. На этом пока что всё. Ступай.

Но камергер помедлил.

– Господин, коль скоро я ваш управляющий и вашей милостью мне дано право не стесняться в собственных мыслях и выражениях... – Он потупился. Чутьочку изменился в лице. – Дозвольте настаивать, чтобы вы изменили своему решению и распорядились держать подле этого человека несколько стражников!..

– Абилейт, – улыбнулся господин Освальд. Улыбнулся той самой редкой для человека своего положения, возможностей и врагов улыбкой – искренней. – Я ценю твою заботу, старина, но это не стоит твоих переживаний. Если хочешь, разрешаю тебе расположить отряд стражи с Капитаном во главе за дверью. Пусть будут готовы ворваться по первому же моему зову, но не ранее. А теперь иди. Я не в настроении ждать.

Камергер поклонился в пояс и вышел. Разумеется, он собирался воспользоваться данным ему правом. Безопасность господина и его приближённых – превыше всего.

Тем не менее минул почти час, прежде чем последнего гостя господина Освальда доставили в кабинет. Дверь отворилась, и в проёме, окружённый конвоирами, показался человек в чёрном плаще и чёрной же широкополой шляпе по новой королевской моде. Хотя эту моду звали «новой» уже без малого век. Гость, разумеется, остался безоружен, но правая его ладонь так и покоилась на поясе, желая придержать отсутствующие ножны. Глаз было не разглядеть. Из-под низко опущенных полей шляпы виднелась лишь аккуратно подстриженная седая бородка.

Солдаты отсалютовали – поочерёдно, дабы пленник ни на миг не оставался без присмотра. Хотя человек в чёрном даже не шелохнулся. Он решил, что не станет вести себя подобно пленнику. Правда и играть роль почтенного гостя тоже не собирался.

Господин Освальд жестом отпустил конвоиров, и те с поклоном удалились. Взгляд камергера блеснул в коридоре за миг до того, как дверь за ними затворилась.

Воцарилось молчание, нарушаемое лишь мерным потрескиванием поленьев в очаге да завыванием ветра по ту сторону витражного стекла. Незнакомец чуть покачнулся на мысках, едва поворотил голову, сверкнул глазами из-под полей шляпы. Господин Освальд – его недруг, но в не меньшей мере давнишний приятель, – восседал в центральном кресле напротив камина, спиной к пламени. Лет сорока пяти отроду, нынешний хозяин Беренхаурта считался ещё совсем молодым, даже по меркам новой аристократии. И не в пример успешным! В кабинете, лишь в мелочах уступающем королевским гостевым палатам, помимо господина Освальда расположилась ещё целая прорва народу: несколько детишек, юноша, две девицы, дюжина разновозрастных лицемерных аристократов со своими дамами, один старик-учёный, один священник и ещё одна благовидная матрона. Кого-то он знал, кого-то нет. А помимо всех прочих – ещё трое летописцев, застывших над кафедрами с достойной восхищения неподвижностью. Притом все присутствующие, кроме, разумеется, летописцев, расположились весьма привольно, что напрямую говорило о неофициальном характере подобной встречи. Это не тот богатый приём, о котором раструбили по всем сторонам королевства, а скорее уютные домашние посиделки в тесном кругу.

Но сам-то он, доставленный сюда под конвоем, едва ли являлся членом этого круга.

Незнакомец улыбнулся. Сам не знал чему, – просто всё происходящее его вдруг позабавило. Обнаружив в нескольких шагах от себя незанятое кресло с тумбой, украшенной фруктами в вазе и вином в бутылки, он, отринув любое смущение, направился напрямик к нему.

– Позорное несоблюдение этикета, любезнейший, – прокричал один из нобилей, граф де Оклиаз. – Позорное, и весьма недалёковидное, замечу.

– Любезнейший граф, – отозвался незнакомец, устраиваясь в кресле и прилаживая свою шляпу на один из подлокотников. Под ней скрывалось лицо человека почтенных лет. Украшенные серебром седины подбородок и чело придавали ему умудрённости, а грубые, глубоко залегшие морщины навевали тоску по множеству выпавших на долю испытаний. – Среди всего многообразия ответов на вашу, замечу, вполне обоснованную претензию, я хотел бы объясниться такими словами: а не пойти бы вам к чёрту, любезнейший граф?!

Не ожидавший подобной дерзости нобиль аж крикнул, подавившись. Девицы захихикали вороватыми лисичками, дети заохали. Матрона шумно втянула воздух, ничуть, впрочем, не отвлекшись от листаемой книги. Летописцы заскрипели перьями. И только господин Освальд улыбнулся – лживой своей улыбкой, но не самой лживой.

– Скажи, достопочтимый Конрад, – начал он, – ты знаешь, зачем ты здесь?

Названный Конрадом меж тем взялся за бутылку вина:

– Ну, *достопочтимый* господин Освальд, сначала я решил, что вы хотели бы меня казнить. Избавиться, так сказать, от наболевшего бельма в глазу. Но тогда слишком уж много во всём этом мороки. Ваше здоровье! – Наполнил гранёный бокал вином и отпил глоточек. – По той же, кстати, причине я уверен, что вино не отравлено. Затем я подумал, что вы хотели бы меня публично унижить и уничтожить, – но после вспомнил, что это банально не ваш метод. Так что я пришёл к выводу, что у вас есть что мне предложить.

– Верно, – улыбнулся Освальд. – Хотя, правильной будет сказать, это у *вас* есть, что предложить мне. И я, намеренный это получить, предложу достойную оплату.

– Но у меня за душой нет ровным счётом ничего! – с полуулыбкой отвечивал Конрад, отставил вино и потянулся к яблоку, большому и красному, как бычье сердце.

Достал из-за полы плаща небольшой кинжал и принялся неспешно срезать им кожуру. Все присутствующие охнули. Все, кроме детей, летописцев и самого Освальда.

Хозяин же демонстративно похлопал в ладоши. И спокойно позвал стражу.

В тот же миг дверь распахнулась, и в кабинет ввалилась дюжина человек, вооруженных мечами, полэксами и менкатчерами, а возглавлял их усатый вояка, лицо которого являло карту множества жесточайших шрамов. Именно его и называли здесь Капитаном. Он был неуго-

мимым бойцом, опытным командиром и верным соратником. И он не был глупцом: увидав недавно конвоируемого, мирно сидящим в кресле с кинжалом в руке, сразу же всё понял и остановил своих людей. Спал с лица.

– Вот, полюбуюсь, Капитан. Кинжал! Он пронёс сюда кинжал. – Голос господина Освальда выражал самое красноречивое *ничего* из всех возможных.

– Господин. Своей честью клянусь, что мы обыскивали его со всем пристрастием. Я присутствовал при этом лично. После нас его проверил придворный чародей. Дважды. Ни во рту, ни под кожей, ни в... иных местах он не мог пронести оружие в этот дом.

Да, не мог. Но пронёс.

– Господин, – продолжил Капитан, – я подвёл вас, Господин. Но прежде чем понести наказание, дозвоьте распорядиться и обыскать всё...

– Капитан! Достопочтимый мой Капитан, молю, успокойся, – прервал его господин Освальд. – Я не виню тебя и вовсе не намерен тебя карать. Просто хотел показать тебе, старый ты вояка, что всё ещё есть фокусы, которыми даже тебя можно провести. Теперь можешь идти. Продолжай нести службу снаружи моих покоев.

Капитан тяжело отсалютовал и удалился. Освальд повернулся к своему гостю:

– Зря ты так с ним, он редкий образчик доблести и верности.

– Просто набиваю себе цену, – пожал плечами Конрад, вернув яблоко на место.

Нетронутым, если не считать срезанной шкурки.

– Ах да... касательно цены... Ну что ж, к делу! – объявил господин Освальд, и без того молчаливая толпа в его кабинете сделалась ещё тише. – Вот что я предлагаю: графство Ацерос – полная амнистия.

Ветер за окном затих. Дыхание у всех присутствующих – тоже. Стало слышно, как гости веселятся в противоположном крыле здания. Конрад так же выдохнул не сразу. Ошибка. Это было ошибкой – выдать так легко свою заинтересованность вопросом. Впрочем, а разве Освальд не знал, что так оно и будет? И разве он – Конрад, – не знал, что Освальд знает? Так или иначе – проклятье! – это, в сущности, уже не важно. Прозвучала цена, и настала пора обговорить услуги и... условия.

– Амнистия? Полная? – переспросил Конрад, принявшись набивать трубку табаком и сохраняя праздное выражение лица – исключительно проформы ради.

– Полная, – подтвердил господин Освальд. – И безоговорочная. Я освобожу всех пленных, дарую свободу всем невольникам. Верну все земли. В золоте возьму все лишения. Все, всем и за всё. Вот моё условие. А взамен я хочу получить его – Аридиана Блэкхарта. Всю его историю. *Настоящую* историю, разумеется, со всеми подробностями его жизни. Всем тем, что привело его к тому, кем и *чем* он стал. Истину, которую знаешь только ты, потому как только тебе он её и поведал. А ты в свою очередь поведаешь её мне.

Кто-то из приближённых хозяина тихонько шевельнулся. Заскрипели перья.

– Короли не одобряют, – заметил Конрад.

– Короли-близнецы прислушаются ко мне. А ежели нет, ну так не они одни держат власть в королевстве. Есть множество других, более прозорливых.

Это звучало чем дальше – тем серьёзнее. Сперва предложение невиданной щедрости к врагу, затем речи о нарушении клятвы. Благотельному мужу не пристало даже думать-то о таком, не то, что говорить вслух и всерьез. И тем не менее...

– Гарантии? – поинтересовался Конрад.

– Моё слово, – отчеканил господин Освальд.

– И только-то?

– Прочнее моего слова лишь моя репутация, добрейший Конрад. А та, в свою очередь, твёрже самого Божественного Откровения! Я всегда служил своему отечеству.

В кабинете слышались испуганные вздохи, зашептались молитвы, руки и пальцы замесались в святых знамениях. Целеустремлённости летописцев при всём при этом оставалось только позавидовать. С упрямством точащего скалы прибора они записывали каждое озвученное слово, – даже об измене и ереси, – и не подавали и тени беспокойства.

Напряжённую тишину нарушил смех. Смех Конрада, гостя-пленника, которому пообещали целое графство за рассказ. Он чиркнул огнём, закурил трубку и медленно выпустил завитки дыма ароматного эльфийского табака.

– Да будет так, – проговорил Конрад, коверкая слова зажатой в зубах трубкой. – Но рассказ мой будет не из коротких, потому советую набраться терпения. Это вам не те истории о чудаках, которым вечно везёт; немощах, которые сами даже нужду справиться не в состоянии, или безумцах, заброшенных неведомой силой в чудные миры.

Господин Освальд обернулся на своих приближённых:

– Вот оно. Слушайте! Слушайте внимательно! – рявкнул он в невесть откуда взявшемся гнев и нетерпении. – Здесь сегодня на ваших глазах будет вершиться история! Тех, кто упустит хотя бы мелочь, – важную или незначительную, – ждут позор и забвение!

– Да, именно что, *история* будет вершиться здесь! – подтвердил Конрад. – И пускай, как и каждая полнящаяся чудесами и неведомыми таинства история, эта... – Он затянулся и выпустил густые белесые клубы табачного дыма. – ...Начнётся с тумана.

Глава первая

Гость из тумана

А туман этим утром и впрямь оказался на редкость густым. Сплошная молочная пелена, –пусти стрелу в случайном направлении, и уже ярдов через семь-восемь она наверняка вонзится прямо в мутную падынь да так и останется из неё торчать. Сейчас, привалившись спиной к каменной глыбе и грея промокшие сапоги у костерка, я готов был поклясться, что впервые очутился на этой поляне – так сильно всё вокруг изменилось. Но нет, это всё те же трижды хоженные мною места, а моя родная деревня лежала лишь в полулиге на запад.

Я – охотник. Я молод ещё. Иные говорят: слишком молод, чтобы ходить по полям да лесам в одиночку. Наши края знатны кабанями и рысями, да и на медведя, не ровен час, нарваться можно. Но мне-то ни кабаны, ни медведи нипочём, – я по лесу тихонько ходил, будто мышка, да и слишком уж далеко в чащобу никогда в одиночку не забредал.

По правде сказать, сегодня я и вовсе не собирался в лес. Само получилось.

Что-то затрещало. Недавно освежёванная тушка не удержалась на распорке и соскользнула прямо в огонь. Я поспешил вернуть её на место и закрепил получше. Ну и головёшки водой из фляги залил, чтобы не горели, а лишь коптили. Крольчатину поджаривал; одного из нескольких бедолаг, попавшихся в силки, коего я выбрал себе на завтрак. Ещё немного, и будет готов; а остальные незадачливые его собратья дома отправятся в похлёбку. Три тушки покоились на походном плаще. По соседству с одной прелюбопытнейшей моей находкой.

Сегодняшним утром я проснулся ещё сильно затемно. Распахнул глаза, будто кто мне в них веточки поперёк век вставил, и глядел так в потолок отчего дома до тех самых пор, пока не понял, что больше уснуть уже не смогу. Мать, ясное дело, ещё спала, и отец тоже. Будить их – верный способ огрести нагоняй, а потому я тихонько поднялся и стал собирать вещички. Сперва думал сходить к охотничьему домику – проверить, как сохнут растянутые шкуры, но мой лук и всё необходимое было под рукой, а потому я направился напрямик в лес. Походил-побродил, о жизни подумал, проверил силки – те, которые сумел отыскать. В овраг скатился. Чуть позже напал на след луговой косули, – и как это она сюда забрела? – но выследить так и не сумел. Зато, собираясь в обратную дорогу, нашёл нечто удивительное.

Я снова взял находку в руки, оглядел со всех сторон. На диво точная фигурка голубицы – будто живая пичуга взяла да и обратилась в древо. Мастер мог бы гордиться такой поделкой, вот только эта была покрыта корой и выросла на ветке дерева; а, отломив её, мне ещё и листву пришлось обдирать. С самого прихода лета ходят слухи о таких вот диковинах в лесу: то голова зубра на стволе векового дуба отпечатается, то заяц на корневище как живой восседит. Охотники постарше всё чаще такие истории рассказывать стали, и я им по первости не верил... до этого вот самого момента.

Добытую голубицу я вознамерился забрать с собой. Хотел показать её отцу с матерью, вдруг чего интересного расскажут или похвалят? Но это подождёт; прежде я задумал ещё несколько дел, и ради них не лишним мне будет немного отдохнуть и подкрепиться.

Костерок выстрелил снопом искр; лёгкое дыхание ветерка повело стебли высокой травы в сторону. Зашелестели колосья, за клубился туман. Идиллия. Я снова привалился спиной к глыбе и, сложив руки на груди, прикрыл глаза. Глубоко и шумно вздохнул, наслаждаясь ароматами. Думал немного вздремнуть... но не сложилось.

На душе у меня вдруг сделалось беспокойно. Что-то – сразу и не смекнёшь что именно – меня встревожило. Что-то насторожило. Некий звук. Не звук даже, но одно лишь его ожидание. Как если бы сердце решило биться чуточку сильнее и громче. Эдакое топ... топ... топ... шаги, не иначе! Не разобрать, какого именно зверя; но зверя, без сомнения, крупного.

Я разлепил веки. В единственный миг поляна утратила всё своё умиротворение в моих глазах. Стебли травы теперь гневно хлестали на ветру, клубы тумана скрывали хищников и чудищ. Рука моя сама потянулась к луку, и я не стал её одёргивать.

Не то чтобы я был из пугливых, но отец мой, бывший гвардейский сотник, всегда повторял: «Можешь держать ухо востро – держи!». Я подхватил свой тисовый лук, выдернул четверку стрел из колчана и полез на верхушку каменной глыбы. Уселся на ней, как на смотровой башенке, наложил стрелу на тетиву и принялся, будто филин, крутить головой. Высматривал того, кто потревожил мой покой.

Сам себя в тот момент я воображал стражником на боевом посту, но, оказалось, кровь в моих венах проиграла напрасно. Во мгле проявился силуэт, и стоило ему только обрести форму, как стало очевидно, что никакой это не зверь и не чудище, а обычный человек, отмеряющий свой путь увесистым посохом. Странник. Обычный... да не совсем.

Головным убором ему служила чудная плетёная шляпа с широкими полями, больше походившая на корзину и скрывавшая лицо почти целиком. Белёная рубаха и горчичные штаны явно предназначались кому-то более тучному, а из-за алого кушака выглядывала обмотанная рукоять деревянной палки, которую незнакомец носил на манер меча в ножнах. На переброшенной через плечо верёвке болтался потёртый вещевой мешок.

За свои пятнадцать годков подобные одежды я видел лишь зарисованными в книгах, но никогда прежде не встречал воочию. Очевидно, глазам моим предстал чужеземец из некоей далёкой страны. И хотя только дураки относятся к чужакам легкомысленно, как я ни старался, а настороженность моя сменилась жгучим любопытством.

– Эй, эй! – окликнул я странника.

Окликнуть-то окликнул, но сделал это до того невежливо, – не убрав пальцев с тетивы, – что сам тотчас же и смутился. Незнакомец остановился, а я, перебросив лук через плечо, принялся поспешно разоружаться.

– Приветствую! – снова крикнул я, заталкивая неладные стрелы за пояс.

Незнакомец не ответил. Он остановился вполборота и на меня даже не взглянул. Хотя, если б и взглянул, наверняка из-за своей нелепой шляпы ничего бы не увидел. Казалось, он не смотрел, но лишь прислушивался, и у меня сразу же возникла догадка: может, он слеп? Это

объяснило бы шляпу, но... уж одинокому слепцу-то в наших краях точно неоткуда взяться и нечего делать.

Незнакомец меж тем отвернулся и зашагал прочь, не обмолвившись и словом. Он прошествовал мимо моего лагеря, ударяя посохом в землю, и стал постепенно удаляться.

– Эй, подожди! – крикнул я ему вослед и принялся торопливо спускаться.

Спустился. Точнее, скатился кубарем. Обломил одну из стрел, да ещё и в костёр наступил, вновь уронив тушку кролика на угли, но внимание чужеземца так и не привлёк.

И идти бы ему своей дорогой дальше... но так ведь брёл он в никуда!

Моя деревня, что носила название Падымкий, располагалась на косом полуострове, сквозь который бежала река, водопадом низвергаясь в море. Одно из самых глухих мест на всём Драриндаине, – крупнейшем из островов Атаранской гряды, что в Светлом море. Даже сборщики податей к нам сюда заглядывали нечасто, хотя до ближайшего городка всего-то пару дней пути. В Падымки вела единственная дорога, но среди скал у восточной окраины таилась ещё и малоприметная бухта. Бухта Контрабандистов, названная так вовсе не ради красного словца. Именно оттуда-то, морем, чужак и прибыл.

А ещё это значило, что и северные контрабандисты вновь нас посетили! А среди них водилось немало бравых молодцев, мудрых стариков и лихих девиц, что привозили нам сюда множество историй и диковинных сувениров. Жаль, разгружались подолгу – изведёшься, пока дождёшься.

Сама же деревня вовсе неспроста заимела такое название: хоть и вела к ней отвоёванная у леса дорога, но незнакомый с местностью путник наверняка заплутает, покуда не посчастливится ему разглядеть дым печных труб над холмами и изломами. Такая уж у нас земля. А в нынешний час печи не топили. Чужеземец шёл почти правильно, но взял слишком южнее. Совсем скоро он выйдет к клифу, который обрывается прямо в бурлящее море, и, коли жизнь ему дорога, неизбежно повернёт на север. Просто не сможет в тумане отыскать иного пути. Пройдёт мимо Падымков, хотя деревня будет у него прямо под боком, и наверняка на веки вечные пропадёт в густых лесах.

И, казалось бы, мне не было дела до его судьбы. Но ведь это не по-людски! Хоть он и чужак, но он на моей земле, и позволить ему плутать в безвестности значило бы не только совершить грех безразличия, но и поправить все правила и обычаи гостеприимства.

А священные те обычаи почитались у всех добрых людей по всей-всей земле, – так преподобный рассказывал. Возможно, и чужеземцу о них ведомо? Я смахнул с лица выбившиеся из очелья пряди и, шагнув ещё немного вперёд, прокричал:

– Гелиадр здравствует, путник!..

Чужак остановился. Обернулся. Довольно резко, ломано, но без видимого напряжения. Значит, язык он понимал, и ему так же не чужды почитаемые заветы.

– Друг?! – продолжил я меж тем. – Или же враг?

Таковыми являлись слова приветствия. Те, что я сумел запомнить, вычитав их некогда в книгах. В ответ чужеземец развернулся и направился прямо на меня, всё так же отмеряя шаги гулкими ударами посоха. Хотя на поверку тот оказался обычной корягой в человеческий рост.

– *Друг*, – прозвучал ответ, одобренный донельзя странным акцентом.

Сам я, надо сказать, был довольно высок для своих годков, но чужеземец заметно превосходил меня в росте, а взгляд его оказался тяжёл и умудрён опытом прожитых лет. Больше не оставалось сомнений, что он зряч. Вблизи его одежда казалась ещё более удивительной и замысловатой, а то, что я сперва принял за дубинку у него на поясе, в действительности оказалось причудливого вида мечом в ножнах, изогнутым, словно дуга полумесяца.

Я тяжко сплотнул и едва не подался прочь от чужеземца, так сильно его взгляд давил на меня. Однако он терпеливо ждал, и я понял, что должен продолжить приветствие.

Вот только теперь вспомнить правильные слова никак не получалось.

– Раз... раз ты друг, то дозволю приветствовать тебя на этой земле, чужестранец, – произнёс я и, лишь единожды запнувшись, немного утвердился в своей решимости. – Но знай, что ты сбился с пути и бредёшь обратно к морю. Если желаешь, я могу отвести тебя в свою деревню... но прежде, у меня там завтрак. Угостить?!

Последние слова я выпалил необдуманно и сам же им и ужаснулся. Вместо здравомыслия во мне сверх всякой меры разыграло любопытство. А это ошибка.

Более того, оглянувшись, я увидел разорённое моей собственной поспешностью место постоя. Вещи разворошены и раскиданы, костёр почти затух, еда в золе.

И тем не менее чужеземец отступил на шаг и произнёс плохо внятное: «*Почту за честь*». Я сперва даже и не понял, что он сказал. А поняв, поверил далеко не сразу!

Но это оказалось никакой не издёвкой, и злого умысла в словах чужеземца тоже не было. Он принял моё приглашение, и вместе мы устроились у костра. Я очистил пригоревшую тушку от золы и разделал её прямо на камнях; с собой у меня оставалось ещё несколько домашних лепёшек, полупустая фляга воды, да и пригоршня ягод набралась. Всё это я предложил своему гостю. Отказываться он не стал, хотя, скорее, из вежливости. У него же с собой в достатке нашлось сухофруктов и вяленого мяса, а ещё он предложил мне некий пряный напиток: разлил его по маленьким чашечкам, но не позволял к ним притронуться, пока те не нагрелись у костра. Вкусный, необычный, но слишком в нос шибал.

Отзавтракав, я наконец-то закончил допытывать чужеземца расспросами и предложил ему двинуться в путь. Только предупредил, что по дороге мне потребуются сделать ещё одну короткую остановку. Он возражать не стал, так что мы собрались и двинулись в путь.

Не прошло и получаса, как я предстал перед одиноким каменным постаментом, на котором покоилась бронзовая чаша. Опустился перед ним на одно колено. Это могила. Место захоронения моего деда, ушедшего из жизни ещё до моего рождения. И хотя я никогда не знал его, отец частенько потчевал меня удивительными историями его жизни – одна невероятнее другой. И потому я безмерно уважал его. В лучшие свои годы он был лихой авантюрист и торговец, ловелас, путешественник и мот, и из жизни ушёл в почтенном возрасте ста семнадцати лет. Не от ножа или стрелы, но прожив всё ему отпущенное. Гайо – верховное Божество света и пламени – забрал его в свою обитель.

Я потянулся к поясной сумке и достал связку пахучих трав, немного трута, масло и огниво. Сложил всё это в чашу, залил маслом и поджёг. Именно так у нас принято хоронить и поминать ушедших: в огне и огнём. Не все, ясное дело, удаивались богоугодных похорон: людей беднее или слабее верой упокаивали в сырой земле или холодных склепах. Но дед мой пускай и жил ярко, но оставался праведником.

Дело было сделано. Я поднялся, отряхнул колени, и вместе с чужеземцем мы направились в деревню. Об оставленной у привала дивной голубице я совсем позабыл.

– И ты так легко согласился стать его проводником?

Укор в голосе матери всегда отдавал лёгкой иронией, – словно ты совершил нечто необычайно глупое, и чудно, что сам этого ещё не осознал. Нынешний раз не стал исключением. Потому-то они с отцом так редко и спорили – стояли друг друга.

– Ну а что ещё мне было делать? – пожал я плечами. – Не пообещай я ему показать дорогу, он меня дальше и слушать бы не стал; ну а так поведал столько всего интересного! Он же прибыл издалека, мама. Он – путешественник!

Моя мать скривилась и бросила взгляд на чужеземца. Тот стоял чуть поодаль от охотничьего домика. Стоял как статуя, держа обе руки на виду и подальше от меча, и тем не менее

несколько человек из деревни демонстративно проверяли луки у него на виду, а стрелы держали под рукой.

– Ну и откуда он? Кто он таков, представился?

– Он назвался урождённым чаандийцем, мама. Сказал, что странствующий воин, что зовут его Такеда Кеш... Такеда Кенши, и чтобы я скорей отвёл его к господину нашей деревни.

– У нас в деревне нет господ, – отрезала мать.

А то я не знаю.

– Я ему так и ответил, на что он спросил, может ли рассчитывать найти у нас приют на один день и одну ночь? А после он обещался уйти. Я решил, что кто-нибудь его да приютит.

Мать нахмурилась, отчего племенные татуировки заплескали на её лице. «Энилин, пора уже выступать!» – вслух заметил один из охотников, но она только отмахнулась.

– Прости, мама, ты злишься?

– И да, и нет, – вздохнула она. – Ты не очень-то осторожен, Неро. Чужакам нельзя вот так просто доверяться. И тем более вести их домой и поворачиваться к ним спиной.

– Но я и не поворачивался...

– Я видела, как вы шли.

Я насупился. Замолчал. И хотя даже ежу понятно, что она, в общем-то, права, меня так и подмывало с ней как-нибудь поспорить. Только вот в голову ничего не шло.

Моя мать была охотницей, и среди всех прочих в нашей деревне она отличалась удивительным мастерством. Это по её стопам я пошёл, когда покинул академию, и она самолично учила меня всем премудростям. Как тихо ступать, как метко стрелять, как правильно чутать, смотреть и слушать, чтобы в дремучем лесу сойти за своего; какую воду пить, а какой промывать раны, какие коренья есть, а какие – нет, и всё в таком духе. Лучше, чем с охотой, она справлялась только со мной, если мне вдруг случалось набедокурить.

– Мама, в тебе говорит дочь Никс-Кхортемского владыки, – улыбнулся я. Так частенько говорил отец, и я понадеялся, что мама не обидится на такие слова. – Но мы же в империи. Неужто северные контрабандисты посмеют привезти сюда какого лиходея?

– Вот пусть бы они сами и разбирались с теми, кого привезли, сын! – *Сын...* Так она называла меня только когда злилась. Пришло время мне прикусить свой язык. – Будь уверен, я передам им весточку, что следующий их пассажир будет серебром оплачивать проход через нашу деревню.

Тут уж я подскочил и радостно ткнул пальцем в сторону чужеземца:

– Он как раз обещал мне серебряный за труды! Вот только монета ненашенская.

Мама одарила меня суровым взглядом. Посмотрела так и эдак – будто кошка, что решала, как лучше подступиться к мыши, – а потом махнула рукой. Взяла свои вещи и приготовилась к походу в лес.

– А-а, да и ладно, что уж там. Ступай, мелкий ты шkodник, серебряный на дороге не валяется, – проговорила она, выходя на веранду. – Только вот ещё что... Э-эй, мужичьё, кто проводит моего непутёвого сынка и этого чужеземца до деревни?!

Щёки у меня загорелись, а охотники позволили себе несколько смешков. Оно и понятно, среди них я был самым молодым, и даже то, что я первый и единственный сын своего отца, никоим образом их не подкупало. Но они ведь это по-доброму, а потому и мои уста тронула улыбка.

– Я схожу, – пробасил один из охотников. Здоровяк Гарки, единственный среди нас, кто предпочитал арбалет. Потому как легко мог взвести его прямо на весу голой рукой.

– Спасибо, Гарки, за мной должок, – кивнула мама, после чего вновь повернулась ко мне: – А ты, Неро, дома не задерживайся, а поторопись к отцу. Пускай задаст тебе дел до самого заката.

А вот эти слова меня серьёзно расстроили. Новой череды смешков я даже не заметил.

– Но... мама! Я хотел своей лодкой заняться и...

Но взгляд её стал непреклонен. Взгляд наследной владычицы, а вовсе не матери.

– Да, мама, я понял, – пробубнил я, – никаких возражений.

И бросил взгляд на лодочку, стоящую рядом с охотничьим домиком. Кхортемский ритуальный каяк для обряда инициации, который юноша самолично должен высечь из цельного ствола одним лишь ножом. Над ней я трудился уже по меньшей мере второй год. И осталось мне совсем-совсем немного.

Мой отец, как и брат его, как и их отец, и отец его отца, были урождёнными белолигйцами. Подданными империи, носящей имя «Белая лига». Или «Вайтлинген», как коверкали её чужестранцы. Её же подданным являлся и я сам. Однако сердце моё всегда лежало к Никс-Кхортему – краю вечных снегов, обласканному пристальным взглядом Призрачной луны. Тамошнюю негостеприимную землю обживали многочисленные племена северных горцев, – в народе чаще всего называемых просто северянами или нордами. И мать моя – именно их рода. Кровь, горячая настолько, что согревала в кхортемскую стужу, бежала по её венам.

И, на удивление, эта же кровь оказалась гуще крови дедов и прадедов моего отца.

Хотя в нынешний век опасно кичиться подобным родством.

Так или иначе я жадно впитывал всё, что касалось нордского жизненного уклада, и как бы отец с матерью ни пытались взнуздывать эту мою тягу, ничего-то у них не выходило. Сейчас мне было пятнадцать годков, а обряд инициации юноша проходил в четырнадцать. И пускай по законам империи я, как первый и единственный сын своего отца, считался мужчиной с того момента, как начинал трудиться и научался отвечать за собственные слова, но пройти никс-кхортемский обряд оставалось для меня пламенной мечтой.

Я со вздохом отвернулся от обструганной лодочки. «Ничего страшного, – подумал. – День ото дня я становлюсь и старше, и опытнее, а значит и ближе к намеченному. Нужно просто запастись терпением». И с такими мыслями направился к ожидающему меня Гарки и чужаку Такеде. Ни к чему тратить их время попусту.

Увы, тем утром меня ждало ещё одно разочарование. Гарки оставил нас на подступах к Падымкам, и вместе с Такедой я направился напрямик к деревенскому старосте. Его все так и называли: староста или старина Пит. Иногда просто: старик Пит. Сколько я себя помню, он был хмур, угрюм и, в общем-то, очень стар; а всё, что я про него знал, так это то, что когда-то он служил писарем у бывшего губернатора острова – Джозефа Халласа, и о том, что никогда он не любил про это вспоминать и об этом рассказывать.

Деревенские по пути с интересом поглядывали на чужеземца, смело ступающего рядом со мной, и каждый раз, здороваясь, мне приходилось отмахиваться от их немых вопросов. Благо, все знали, что моя мать водила с северными контрабандистами знакомство, а поскольку Падымкам от этого было в разы больше пользы, нежели вреда, – лишнего любопытства никто себе не позволял. Забавно, но тем единственным, кто, казалось, совершенно не удивился прибытию чаандийца, оказался некто Себастиан – ещё один недавний пришелец, прибывший в деревню морем пару месяцев назад и представившийся странствующим монахом и лекарем. Он отныне жил со старой травницей, учился у неё, помогал по хозяйству и никогда ничего худого не совершал. А ещё он был очень дружелюбен и общителен, и я понадеялся, что и Такеда окажется таким же. Но увы.

Добравшись до дома старосты, я вознамерился лично представить Такеду старику Питу, но чаандиец пролаял что-то на своем языке, уронил мне в руки причудливую монету и поспешил вперёд. Так целеустремлённо, что и дурак бы понял: пытаться догнать его – не лучшая затея. Староста как раз появился в дверях, и сразу же у них завязался разговор. Я, конечно, расстроился, но, ясное дело, пытаться подслушать не стал. Не на виду ж у всех, да ещё и середь бела дня.

По крайней мере, монета представляла немалый интерес. Крупный и толстый кругляш серебра с приметной царапиной и отверстием посередке. Увесистый – хотелось бы верить, что на сотню гион потянет, если обменять. А это немалая сумма. Я подбросил монету, поймал её и сунул в сумку, после чего направился домой. Мать взяла с меня слово поспешить к отцу, но она ничего не сказала по поводу завтрака и отдыха, а значит, вряд ли будет нарушением обещания, если я чуточку задержусь. «Только совсем чуточку», – думал я до тех самых пор, пока моя голова не коснулась домашней перины.

А затем я уснул сном праведника.

Мне редко снятся сны, но, если всё же снятся, я запоминаю их очень хорошо.

Сегодня сны не снились, а сам я будто и не спал вовсе. Было мне неудобно, то жарко, то холодно, отчего-то тревожно, и ещё – что-то постоянно щекотало мне лицо. Перед самым же пробуждением мне чудилось, словно кто-то зовёт меня по имени... А проснулся я и вовсе подпирая пол собственной щекой. Стоило только вдохнуть, как я подавился пылью и закашлялся.

– Не-еро!

Я вздрогнул и вскочил с пола до того быстро, что даже подпрыгнул. Сперва подумал: это отец, и сейчас он задаст мне хорошую трёпку за то, что валяюсь тут без дела; но затем до меня, заспанного, дошло – голос совсем не его. Только если он умел убедительно подражать девице лет эдак семнадцати, а я об этом и не знал.

– Ну и где лучше спится: на полу или в кровати? – поинтересовался всё тот же девичий голосок.

Я успокоился, зевнув, протёр слезящиеся от пыли глаза и повернулся к единственному оконцу, что у изголовья кровати. Там, на фоне изукрашенного в летние грёзы неба, красовалась улыбка как раз таки семнадцатилетней девицы. Звали её Лея. И прежде чем я успел поздороваться, она протянула руку и потрепала меня по волосам.

– А у тебя на голове петухи! – радостно заявила она. – Пыльные петухи. Будешь спать на полу – и твои волосы вместо тёмных станут серыми, как зола.

Хихикнув, девица отдернула руку прежде, чем я успел её ухватить. Ей не удалось бы, не будь я таким неуклюжим со сна. Мерзавка всегда подтрунивала надо мной, когда была уверена, что сможет выкрутиться, а в остальном вела себя вполне сносно. Ведь как и я, она тоже являлась первым – хотя и не единственным – ребёнком в семье. А значит, пускай и девица, но могла носить мужскую одежду, вести мужские разговоры, заниматься мужским трудом и подшучивать над теми из мужчин, кто помладше. Когда-то давно она даже полезла на меня с кулаками – не суть важно из-за чего именно, – но тогда я скрутил её по рукам и прижал к земле. После того случая не проходило и дня, чтобы она не появилась у моего порога, или я – у её. И никто из нас не был против.

– Петухи, куры... – буркнул я, нарочито изображая заспанность, чтобы она вновь ко мне полезла, ведь тогда уж ей точно не поздоровится! – Вот увидишь: ещё полгода, и мои волосы отрастут так же, как у отца. Я тогда тоже смогу носить их собранными в хвост.

– Ага! И будет у тебя там целый выводок вшей. Во-от такущих!

Пальцами она показала нечто, размером с хорошую картофелину.

– А вот и не будет! Буду смазывать их жиром или маслом, как делают солдаты и погонщики.

Но Лея продолжила строить рожицы и изображать всяких гигантских кусачих гадов. Признаться, её позёрство всегда веселило, хотя и – право же слово! – вела она себя чаще как скорморох с ярмарки, нежели как первая дочь своего отца.

– А потом они съедят все твои волосы, и ты станешь лысый, как приозёрный камень, – наконец закончила Лея. – И на макушке у тебя станет расти лишь склизкий мох.

– И даже тогда я буду не так страшен, как ты, страшилка! – осклабился я. – На тебя даже и столетний дворф с лицом, сморщенным как чернослив, не посмотрит.

– Главное, что ты смотришь – мне и этого хватит, – улыбнулась она. – Кстати, вот ещё что...

Девушка – внешне вполне, кстати, хорошенькая, – скрылась за оконной рамой, и только несколько прядок её длиннющих светлых волос остались на подоконнике. Через несколько мгновений она вынырнула, а я уже знал, что она мне покажет. Почувствовал запах выпечки.

– Во, держи! – Она протянула мне здоровенный калач, мягкий и исходящий паром. Да ещё и в меду, обваленный в толчёном орехе! Только из печи... что на самом-то деле удивляло.

Я принял калач, и на поверку тот оказался вкуснее, чем сперва представлялось. Такие можно достать только на ярмарках или в лавках крупных городских пекарен. Даже наш старый пекарь никогда таких не готовил... А с тех пор, как он преставился, в Падымках пекли лишь хлеб и простые пироги.

Лея, по-кошачьи положив голову на подоконник, поняла, о чём я думаю.

– У нас пекарь новый. Сегодня рано утром приехал. Ричардом кличут.

– Правда? – спросил я, чавкая. Просто не мог оторваться от калача. – И откуда он?

Лея пожала плечами:

– Из Гринлаго, откуда ж ещё? – ответила она, имея в виду ближайший приозёрный городок. – Приехал с зарёй, дарственную на дом показал и сразу за работу принялся.

– А выглядит как?

– Ну-у, как... – Тут она запнулась, – Обычно выглядит. Лицо такое широкое, суровое, нос с горбинкой, стрижен коротко и небрит. Волосы у него тёмные, глядит всё время с прищуром, но улыбка очень добрая... Да что я тебе рассказываю?! Сам его увидишь! Будто у нас так уж много незнакомцев бывает!..

– Сегодня, кстати, ещё один прибыл, – встрял я, прожевав. – Чаандиец. Воин. Я его на дальней опушке встретил и до деревни провёл.

Глаза у Леи так и загорелись.

– Ой! Расскажи! – взвизгнула она, подавшись вперёд.

Но тут я соорудил серьёзную мину и упёр руки в бока.

– Вот ещё! Хоть ты и *первая*, но это – дела сугубо мужские! О таком кому попало негоже рассказывать.

Стоило видеть выражение её лица. Она запнулась, потерялась при этих словах, замямлила. Месть моя оказалась лишь чуточку менее слаще медового калача.

– А... Ну... Эй! Да ты наверняка всё выдумал!.. Если расскажешь, я тебя поцелую!

– Поцелуй, и ещё два таких же калача! – заявил я и, прежде чем Лея успела возмутиться, выудил из сумки монету чаандийского серебра, потёртую, но тем не менее отбрасывающую яркого солнечного зайчика прямо на её удивлённое лицо.

– Ой... Да ну тебя! – крикнула она и, наморщив носик, исчезла за подоконником. – Ничего ты не получишь, выдумщик! – послышался её удаляющийся голос.

Но я-то прекрасно знал, что мысленно она уже согласилась. Сперва, разумеется, эта бес-тия сама попытается всё разузнать, – по крайней мере, так поступил бы я, – но в конце концов она неизбежно вернётся и станет допытывать меня расспросами. Так всегда происходило, когда я узнавал какую-нибудь интересность или доставал новую книжку. Тогда Лея из кожи вон лезла, лишь бы я ей всё поведал или зачитал вслух. Особенно это касалось книг, ведь грамоте она не обучена. И даже если сейчас сохранит обиду, то не страшно, ведь два калача я затребовал именно для того, чтобы один достался ей.

Всецело довольный собой, я вернул монету в поясную сумку и покинул свою комнату. Солнце почти заступило на полуденную вахту, а вместе с ним и мне следовало привести себя в порядок, прежде чем направляться к отцу. Главное, не переусердствовать, – чтобы не возникло сомнений, будто бы я лишь недавно воротился из лесу.

В это самое время отец мой должен был работать у реки. Оставив военное ремесло в прошлом, ныне он сделался обычным плотником. И нисколько о своём выборе не жалел. Из его уст я самолично слышал, что война и всё, что с ней связано, ему обрыдла; что в сердце его поселился мир, когда он встретил маму, и что старость он намерен дожидаться на родной стороне, в собственном доме. Даже моему желанию вступить в военную академию он противился до последнего; и был несказанно рад, когда мне пришлось её оставить.

Я вышел из дому и нос к носу столкнулся с ним самим, мгновенно позабыв, о чём я там думал и что хотел ему сказать. Отец, улыбнувшись в усы, положил руку мне на плечо. За его спиной, из-за соседской избы, выглядывала довольная своей каверзой Лея. Она, как я сразу догадался, рассказала ему, что я дрых тут без задних ног. Беда.

– О... Отец!.. – воскликнул я. Улыбка его, полнившаяся родительской любовью, смутила меня даже сильнее, чем если бы мне впервые довелось увидеть его в гневе. Для бывшего военного он всегда оставался на удивление мягок и терпелив. – Я... а я вот как раз собирался к тебе. Представляешь?! Сегодня в лесу я разыскал одну из тех диковин, о которых рассказывали охотники! Принёс её тебе, чтобы показать и... Да где же она?!

Тут-то я и вспомнил, что оставил древесную голубицу там, где повстречал чужеземца. Теперь уже никак не выйдет отвлечь отца этой находкой. Очень жаль. Понурый, под тяжестью лукавой улыбки своего родителя, я опустил голову и замолчал.

Наказания за праздность мне теперь не избежать.

До самого вечера я трудился с отцом и остальными плотниками и корабелями на скромной верфи, сооружённой на берегу запруды близ Падымков. Работы накопилось много, но дело оказалось вовсе не в моём наказании.

Вверх по реке лежал приозёрный городок Гринлаго, и раз в три-четыре месяца с деревенской верфи должно сходить барке, которую отправляли туда на продажу. Отец объяснил, что ныне у них приключилась заминка, и, дабы поспеть в срок, требовалась каждая пара рабочих рук, какие только удавалось сыскать в деревне. А раз для меня это оказалось обычной просьбой, а не повинностью, то и работать стало куда веселее.

К вечеру же, словно в награду за добрый труд, и вовсе произошло настоящее чудо.

Деревенские бабы собрались, выволокли огромный котёл и наварили на всех ухи, чтоб не пришлось их мужьям и сыновьям голодать во время работы. Взяв свою порцию, я направился к одному из холмов, с которого открывался замечательный вид на клиф и безбрежное море прямо за ним. Устроился там поудобнее и приготовился перекусить. Тут-то и произошло *чудо*. Все знали, что на Драриндаине жили драконы. Добрый люд почитал их как вестников самого Гайо, ибо ясно как день: только Божество света и огня в своей мудрости могло даровать зверю и силу, и мощь, и крылья, и само пламя, дабы извергать его из собственной пасти.

И именно одного из этих исполинов мне и посчастливилось углядеть на горизонте!

Сперва увиденному я не придал большого значения, – подумал, что это просто птица взмыла в небеса выше положенного. Но затем заметил, что слишком уж пернатая велика и быстра... Да и какая птица могла столь пронзительно сиять чернотой в свете закатного солнца? Я тогда ещё предположил, что, может быть, – лишь только может быть! – это действительно мог оказаться дракон, как исполин сам явил свою истинную природу, камнем рухнув в морскую пучину и подняв снопы брызг высотой с целую скалу! А затем взмыл обратно в небо, неся в

когтях некую громадную рыбину, – не иначе как себе на ужин! После этой его выходки никаких сомнений остаться уже не могло.

Я ажно подскочил, уронив миску с недоеденной ухой. Кровь моя так и взыграла от безудержного восторга. Увидеть дракона воочию... это без малого считалось почти что благословением! За моей спиной, у верфи, люд разразился удивлёнными возгласами. Взрослые мужи охали и ахали, будто малые дети; припадали на колени, склоняли головы и озаряли себя священным знамением, прикладывая ладони к груди. Я и сам склонился, гордый тем, что первым разглядел священного зверя. «Слава Гайю, – подумалось мне тогда. – До чего же удивительный сегодня день!»

А ведь он, день этот, ещё далёк от своего завершения...

Увидеть дракона было огромнейшей удачей! По крайней мере, в наших краях. Чрезвычайно редко эти исполины являли себя людям и нелюдам. Поговаривали, что, порой, они месяцами – а то и годами! – могли беспробудно спать в своих жилищах, и ни инквизитор, ни губернатор, ни даже Наместник не смели беспокоить их без дозволения драконьих жрецов. А ещё ходила молва, что гнездовьем им служили несметные груды золота! Брехали скорее всего, но звучало удивительно. Живого дракона в тот миг я видел целый второй раз в жизни, и мог с радостью поверить любым невероятным рассказам! На какое-то время в целом мире не осталось ничего невозможного.

Мою радость и восторг в равной мере разделял и каждый житель деревни. Мужики собрались, созвав недостающую старшину, и почти единодушно порешили устроить здесь и сейчас празднество, отложив все дела на потом. И получаса не прошло, как прямо на дороге близ верфи собрались вынесенные и наспех сколоченные столы. Тут же, где варили уху, сложили и запалили огромное кострище, пламя которого взвилось вдвое выше роста взрослого мужчины. Каждый достал из собственных закромов мяса и сыра. Сладости, каши и разносолы усыпали скатерти, едва те успели постелить. Бутылки с горилкой и вином оказались вмиг откупорены, схроны с сидром – разорены. Кто умел – принялся брэнчать на лютне, лупить в барабаны либо же мучить свирель. Сам я быстренько сбегал до дому и теперь, время от времени, радостно трубил в охотничий рожок, лишь изредка попадая в ритм общей какофонии. Снедь, веселье и музыка в тот вечер изливались без конца и края.

Солнце уже почти коснулось зубатого горизонта, когда по небу поползли серые дождевые тучи, хмурые, что наш староста, когда не выпится. Разумеется, праздничного настроения они нисколько не умаляли. Хотя ливень этой ночью обещал быть что надо!

Я вновь устроился на своём живописном холме и вперил взгляд в морскую даль, питая пару-тройку смелых надежд, что дракон вновь появится в небе. Надежд пустых и безосновательных, несбыточных, но столь приятных в этот добрый вечер. Я не сразу заметил, как ко мне подседа Лея. В руках она держала кружку с парящим питьём, источающим ароматы хвои и жжёнки, а из холщовой сумки выглядывала пара медовых калачей. Губы мои задёргались в желании скрыть улыбку. Внутренне я уже всю хвалил собственную прозорливость, но разум мой был вне всякой меры захвачен мыслями о далёком.

– Приветик! – забавно пропищала Лея. – Что, в дальние дали смотришь?

Я не ответил. Зачем бы? И так ведь очевидно.

– Слушай, – продолжила она, – я хотела извиниться перед тобой. Я вовсе и не собиралась рассказывать твоему папке, что ты баклуши бьёшь, просто... В общем, вот! – Она выудила один из калачей и протянула его мне. – Мир?!

Я принял угощение. Взглянул ей в лицо, хотя глубокая задумчивость всё также сильно владела мной.

– Ну *ми-ир* же!.. – с надеждой повторила она.

Я надломил калач и вручил ей половинку. Разумеется, у меня и в мыслях не было на неё обижаться. Лея мне, пожалуй, нравилась, да и дня не проходило, чтобы хоть одна из деревенских бабушек не заикнулась о сватовстве. Просто... я и сам не знал, в чём дело.

Мы посидели ещё немного, молча и притулившись друг к другу, лакомясь угощением. Мысли мои начали потихоньку возвращаться из заморских странствий, и когда я уже собрался поведать Лее обещанное, она неожиданно воскликнула:

– Ух ты, смотри, преподобный тоже тут! – радостно воскликнула девушка, указывая на мост, переброшенный через нашу речку. А затем, переведя взор вновь на меня, удручённо добавила: – О-ох нет!.. Только не это.

Голосок её задрожал, и, на самом-то деле, ей имелось отчего переживать.

Для Падымков существовал только один «преподобный». То был отец Кристофер Славинсон, глава небольшого удельного аббатства по ту сторону реки, которое едва ли кто припомнит, как называлось-то. Проживали там не более дюжины человек, которые нечасто покидали стены святого дома. Сам же отче Славинсон – совсем другое дело. Богослов являлся хорошим другом нашему селению, давним приятелем моим родным, да и мне самому – добрым товарищем. Он хоронил моего деда; освещал моё чело и нарекал именем, когда я родился; и он же, позже, учил меня грамоте и счёту. Преподобный долгие годы оставался единственным священником на десятки миль вокруг.

Но отчаяние Леи вовсе не тем вызвано.

Приезд отца Славинсона означал мою скорую поездку в город, ведь когда выпадал такой шанс, меня не могли удержать все поцелуи и все медовые калачи мира! И хотя отправляться в путь уже порядком поздновато, в удовольствии посетить Гринлаго я не намеревался себе отказать.

– Эй! А ну стой! – взвизгнула Лея, схватив меня за рукав рубахи, когда я сорвался с места. – Ты обещал! Ты же обещал, Неро, всё-всё мне рассказать, ну же!..

То ли мне показалось, то ли слезинки и впрямь блеснули в её красивых глазах. «А ведь действительно, я обещал, – подумалось мне. – Нехорошо получается». Я сдержал собственную поспешность, мысленно обругав себя последними словами. В голосе Леи плескалась обида за это, без малого, предательство, и сердце моё скорбно сжалось. Я притянул её к себе и легонько обнял.

– Прости, пожалуйста, – прошептал я. – Я не думал, что так получится. Обещаю, что привезу тебе какую-нибудь интересную книжку и буду читать её всю ночь напролёт. А ещё перескажу все-все рассказы того чаандийца.

Лея шмыгнула носиком:

– Правда?

Я вынул из её сумки калач и вручил ей же.

– Правда-правда!

Она улыбнулась и чуточку зарумянилась. Признаться честно, у меня и самого щёки горели, что угли в кузнечной жаровне. Я подумал: «Не поцеловать ли её?», но при одной только мысли о подобной смелости голова пошла кругом. Отец прав был на этот счёт. «С женщинами и на войне нужна одна и та же смелость», – частенько повторял он. Понемногу я постигал и эту его науку.

Отец Славинсон. Пузатый мужичонка в летах, с лысеющей макушкой и курчавой бородой, в потёртой церковной рясе, роспись которой давно стерлась от бесконечных стирок. Священных регалий и символов веры он не носил. Его «символом веры» являлся бурдюк с тем, что крепче, однако, спроси меня кто, – я бы и дня не смог припомнить, когда б взгляд и мысли преподобного затуманивались даже на краткий миг.

Восседал он на козлах своей старенькой и скрипучей телеги, которую тянула лошадка по кличке Эль. Несложно догадаться, кто её так назвал.

Распрощавшись с Леей, я поспешил прямо к нему. Телега преподобного как раз съехала с переброшенного через сток запруды мостика, а сам возникший не переставал напевать весёлую песенку. Слов не разобрать, но по опыту я знал, что речь там шла о каких-нибудь небывалых событиях – навряде таких, где герои священных писаний пропадом пропадали в публичных домах тем дольше, чем сомнительнее за теми водилась репутация. Разумеется, исключительно с целью спасения заблудших душ от греха распутства, не иначе.

Таков был отец Славинсон. Даже в своём юном возрасте я понимал, что он являлся ужасным священнослужителем... но оставался очень хорошим человеком и умудрённым наставником.

Увидав меня, спешащего навстречу, он оборвал песнь, прочистил горло и заговорил:

– Ох ты, ох ты! Кто же этот молодой человек, что самым первым так торопится поприветствовать старого священника?! Неужто это ты, малыш Неро? Я едва тебя узнал – воистину, растёшь ты не по дням, но по считаным часам.

Я улыбнулся, сложил руки на груди в священном знамении и шутливо поклонился.

– Полноте вам, святой отец! – ответил я, подражая храмовой помпезности в голосе. – И месяца не прошло с момента вашего последнего визита.

– Правда?! Что ж... как удивительно время летит. Я, пожалуй, готов бы поклясться, что в прошлую нашу поездку ты не сгибаясь мог пройти под днищем телеги... Ну да ладно. Запрыгивай-ка на козлы, мальчуган, да рассказывай: как там поживают добрый Брут и прекрасная Энилин?

Я взобрался, но не на козлы, а сразу в телегу. Там лежали кули и вязанки тканей из овчины и крапивы, бутылки настоек и масел, переписанные книги и всякое прочее, – словом, всё то, за счёт продажи чего аббатство и существовало.

– Отец, как и всегда, в добром здравии, преподобный, да и матушка тоже, – ответил я, завалившись на что-то мягкое и вперив взгляд в стремительно темнеющее небо. Откуда-то издалека слышались отголоски громовых раскатов. – А вот вы сегодня поздновато собрались.

– Добро, добро, – отвечал тот, пропустив моё замечание мимо ушей. – А у вас, как я погляжу, сегодня празднество! А повод каков?

Я рассказал преподобному о появлении дракона и обо всех прочих событиях сегодняшнего дня. Он слушал, кивая и многозначительно восклицая, а по поводу крылатого исполина заявил, что ничегошеньки не видел, хотя мне в это не верилось. Напротив, я решил, что это именно появление дракона и привело его сегодня к нам... Хотя какая в сущности разница?

Отец Славинсон время от времени возил немногочисленные товары аббатства в Гринлаго, а вместе с ним отправлялась и немалая часть того, что производилось в Падымках: от варенья и резных фигурок из кости и дерева, до клея, пеньки и малой пушнины. Нередко и контрабандисты передавали что-то до города.

И неизменно в каждую такую поездку я отправлялся вместе с ним.

Причин тому несколько. Гринлаго удачно расположился в самом сердце острова, а потому добро, товары и господский оброк со всех окрестных селений свозились туда. Вот в городе и выросла своя торговая фактория; а я, поскольку тяготел к счёту и наукам, сделался для отца Славинсона постоянным компаньоном. Мотал на ус всё, чему становился свидетелем, постигая премудрости торговли и товарообмена, раз уж разрешали. Ну и ему помогал, разумеется. Всё лучше, чем целый день строгать балки, шастать по лесам да мечтать заглянуть за горизонт. Хотя лес я любил.

Ну а ещё в Гринлаго есть библиотека! Словами не передать, как сильно я любил тайком пробираться туда, когда прочие дела оставались позади. И не собирался отказывать себе в этом

удовольствию, раз выпал шанс. Жаль, не дождался сегодня прихода контрабандистов, ну так не страшно, за пару-тройку дней моего отсутствия куда-то они не пропадут.

Остановив телегу, отец Славинсон приветствовал жителей Падымков, извинился за поздний приезд, угостился у праздничного стола и приступил к переписи того, что деревенские желали отправить с ним на продажу. Я же побежал домой – запрятать чужеземную монету, которую уже целый день с собой таскал, так-то она мне понравилась, а также собирать вещички: несколько листков пергамента, мое собственное гусиное перо и небольшую склянку чернил про запас. И, разумеется, подходящую случаю одежду.

Тёмную и неприметную, с охотничьими сапогами с загнутым мысом из самой мягкой кожи.

Не сказать наверняка: это горная гряда на горизонте таки сподобилась поглотить солнце или хмурые тучи окончательно сокрыли его от людских глаз? На землю опустилась несвойственная для этого времени потьма; поднялся ветер, мелкая морось то и дело била в лицо. Кожу стало пощипывать от колючего холодка, и, взглянув вверх, я без труда отыскал там отсветы Призрачной луны. Когда та появлялась на небосводе, – холодило даже в самый погожий денёк. Такие дела. Одним словом, погода такая, что и свинью нестыдно в дом запустить. Ещё недавно я считал, что воодушевление сего дня ничто неспособно умалить; сейчас же с *тем собою* я радостно вступил бы в жаркий спор.

Однако делать нечего. Товары погружены, нужные бумаги заполнены, а сам я ни за что бы не посмел отпустить доброго священника одного в путь-дорогу. Отцу Славинсону предлагали спокойно переночевать в Падымках и отправиться поутру, но он упёрся, заявив, что, дескать, ожидает его некое крайне важное дело, кое негоже задерживать на потом. Что это за дело, он, разумеется, сообщить не захотел.

Я вновь взглянул вдаль, – туда, где надеялся увидеть хотя бы проблеск закатного солнца. «Это просто непогода, – напомнил себе. – Кто станет опасаться дождя или там грозы?» Хотя Лея немного побаивалась. В этот самый момент сверкнуло, и миг спустя докатился громовой раскат, настолько мощный и жестокий, что птицы целыми стаями со своих насестов посрывались.

– Сын, ты точно уверен, что хочешь отправляться сегодня? – послышался отцовский голос, когда звуки мира начали понемногу возвращаться.

Своими могучими ручищами он ухватил меня за под мышки и помог взобраться в телегу. Для своих годков я выглядел более чем взросло, но в отцовских руках по-прежнему ощущал себя мелюзгой, – такого он был богатырского сложения.

– Конечно, отец, как и всегда. Сегодня – особенно! У меня доброе предчувствие, – ответил я, улыбнувшись, но соврал.

Несмотря на всю необычность сегодняшнего дня, несмотря на празднество, несмотря... ни на что, – на душе у меня становилось тем неспокойнее, чем пуще темнело небо. И в то же время всё моё нутро жгло от предвкушения, когда библиотека вновь окажется в моём распоряжении. Шершавую пыль ветхих томов я уже ощущал на кончиках пальцев, а запах пергаментной бумаги нет-нет, да и угадывался в порывах озорного ветра. И всё же...

Очередная волна холодной мороси оросила с головы до пят, и я, озябши, вздрогнул. Но сделал вид, что мне она нипочём.

Отец с улыбкой покивал и сходил за своей старой накидкой из воловьей шерсти. Той самой, оставшейся у него со времён службы на Никс-Кхортеском пограничье. Она правда тяжеловата для меня, – ощущалась, как взваленный на плечи мешок соли, – зато ей нипочём ни дождь, ни снег, ни даже стрела. А хмурое небо и впрямь выглядело так, словно готовилось

разразиться не каплями, но стрелами. К тому же пересчитывать зарубки от мечей на дубовой материи – отдельное удовольствие.

Я сразу в неё и укутался. Настал момент прощания.

– Тогда в добрый путь! – заключил он, приобняв мать. – Сын, береги себя и веди...

– *Веди себя, как подобает взрослому.* Разумеется, отец! Разве когда бывало иначе?

Они с матерью заулыбались. Бывало конечно же. И не раз.

– И не имей привычки перебивать отца, младшенький! – с улыбкой отрезала мама. С охоты она вернулась ещё к началу празднества и даже облачилась в нарядное платье, хотя женскую одежду на дух не переносила. Взглянув на преподобного, она добавила уже более серьёзно: – Добрый Кристофер, ты ведь присмотришь за этим юным негодяем?

– Разумеется, Энилин, слово даю, – отозвался тот. Славинсон, как и я, тоже разжился походным плащом, укутавшись в него с ног до головы, а лошадку свою от непогоды укрыл попоной из вошёной кожи. Эль держалась молодцом, не капризничала. – Не переживайте, друзья мои, со мной ни один проказник не забалует. Всё будет по воле Всевышнего! Уповайте на Светлого Гайо... хм, даже в такую непогоду. До скорой встречи!

Преподобный щёлкнул вожжами, и телега, со скрипом и чавканьем грязи из-под осей, тронулась с места. Проводить нас вышла едва ли не половина деревни: даже старик Пит, хотя он единственный относился к Славинсону предвзято. Даже Лея, хотя гроз она побаивалась и на дух не переносила столь же сильно, сколь и высоты.

Даже Себастиан. Он вроде человек разговорчивый, но большей частью держался особняком. Ну а ныне, видно, в честь гульбища, изменил своим привычкам.

Я попрощался с ними со всеми.

Проезжая мимо старого домишки пекаря, что единственный стоял на отшибе, я не без удивления приметил того чаандийца – Такеду, – которого не видел с самого утра. Он делил веранду с незнакомцем: крепким мужиком среднего роста, с тёмными коротко остриженными волосами и основательной щетиной. Окажись я к нему ближе, наверняка разглядел бы ещё и нос с горбинкой; а прищур и отсюда виден. Значит, это и есть наш новый пекарь Ричард. За недавним праздничным столом я его вроде приметил, но совершенно не рассмотрел; а дальше он и вовсе куда-то подевался. «Стеснительный, наверное, – подумалось мне. – Как все добряки». И тем удивительнее казалось то, что они с чаандийцем так скоро нашли общий язык.

Уступив мимолётному порыву, я приподнялся и помахал на прощание им обоим тоже.

На удивление, Ричард ответил! Облокотившись на поручень, он зажал курительную трубку в зубах и поднял освободившуюся руку. Значит, правду Лея о нём сказала: человек он хороший, такое видно сразу.

Эх, милая моя Лея...

Жаль, я тогда не знал, что вновь увидеть её мне уже не суждено.

Дождь обрушивался прибоем, то усиливаясь, то ослабевая. А вот ветер ни на миг не оставлял попыток сорвать с головы капюшон и забраться под одежду. Отец Славинсон затянул какую-то заунывную песнь, а мне пришло в голову получше укрыть поклажу под брезентом, – его края то и дело вырывало из креплений хладными порывами, а товарам лучше не мокнуть зазря.

«Тише едешь – дальше будешь», – истина для наших мест. По ощущениям, времени прошло всего ничего, а Падымки уже скрылись из виду. Будто поросшая колея, по которой мы катились, пролежала тут просто так, и вела хорошо если к обрыву с живописным видом на море, а то и вовсе оканчивалась ничем. Потому-то в нашу деревню так редко попадали путники

из Гринлаго и других ближайших поселений. Они знали, что вдоль реки, на границе с лесом, есть некая дорога.

«А куда ведёт-то она?»

«Да уж поди ведёт куда-нибудь...»

На том разговоры и оканчивались.

Единственными нерегулярными, но узнаваемыми посетителями для Падымков оставались сборщики податей, гвардейские конные разъезды да дворфские торгаши, – последние забредали в основном по ошибке, с пути сбившись. И жаловались ещё, что, мол, невозможно ж ориентироваться на местности без гулкой скалы над головой, а лишь глядя на солнце и эти точки в ночной темноте.

Но они хотя бы весёлые, байки травили, диковинные штуки показывали. А вот мытарям у нас лучше б вообще не появляться! После них всегда что-то недоброе приключалось.

Сверкнуло. На этот раз особенно ярко. И грохот такой – утробный, аж речка рябью пошла.

Я вынырнул из-под накидки, хотел спросить у преподобного: правда ли, что гроза случается из-за божьего гнева? Он же всё-таки священник, должен знать! Но замолк на полуслове, ничего не произнес. Отец Славинсон явно пребывал не в духе и свою песнь уже не распевал, а недовольно бубнил. А может и просто бурчал. Вероятно, гневается на то *дело*, что вынудило его отправиться в дорогу. Я тогда целиком обратился в слух, надеясь расслышать интересные подробности. Но всё впустую. Преподобный заметил, что я притих, и захлопнул рот на замок. Вот я и остался ни с чем.

С новой силой зарядил дождь.

Раз уж беседа не задалась, я глянул на небо, желая полюбоваться Призрачной луной или хотя бы её отблеском среди туч. Но даже та пряталась хорошо. Хотя она по-прежнему где-то там, уж я-то знал: покуда не поглотит её горизонт, будет ощущаться особенно зябко. Сколько её ни высматривай, лишь очередную тяжёлую каплю лбом поймаешь, и потому я вновь закутаться в накидку. Завернулся как в одеяло, нахлобучил капюшон на всю голову и скоренько пригрелся.

Дождей нечего бояться, ведь в Никс-Кхортме их не бывает – там снежные бури! И ничего, норды живут, путешествуют, тяжбы решают, не жалуются. Вот и нам нечего.

Под такие-то и смежные с ними мысли я сам не заметил, как задремал.

✧ 〰 ✧

Не сказать наверняка, сколь долго длился отдых, но пробудили меня лязг железа, чавканье грязи под десятками пар сапог, а ещё голоса! И тут стоит принять моё удивление на веру, ведь все подобные звуки для нашей сáкмы и впрямь были не меньшей редкостью, чем дракон на горизонте. Особенно в столь поздний час. И в эдакую гадкую погоду.

Я встrepенулcя. Поднялся с места немного неловко и потянул капюшон с лица, но вышло так, что холоднящая дождевая вода, собравшаяся в складках, полилась мне ровнёхонько за шиворот. Как вышло мне при этом не вскрикнуть – даже не знаю. Но то, что я перед собой увидел едва прояснился взор и отступили корчи, поразило куда сильнее, чем эта немилосердная побудка:

Мимо телеги брёл целый отряд белолигийских гвардейцев: промокших до нитки, в грязных по самые колени ботфортах, с лицами хмурыми, что грозное небо. Шли свободным строем, даже не пытаюсь чеканить шаг; арбалетчики рядом с мечниками, большинство – без щитов или павез, и почти никто не носил уставных накидок. А это непорядок.

Вёл всех их пеший командир, который топал во главе и которого я признал лишь по белой кайме его плаща. Вернее, белой она была когда-то, но ныне выцвела до оттенка гнилых

свинячьих зубов. А ведь ещё по военной академии я помнил, что за подобную небрежность грозил трибунал. Одно дело: попачкать офицерский плащ в крови и грязи во время боя, и совсем другое – довести его до состояния тряпки на марше; когда державе угрожают разве что волки да сбрендившие от жары оводы. Ну и непогода ещё. Гвардия – это тебе не просто наёмная стража! Доблесть и дисциплина ценились здесь дороже довольствия и наград.

И тем не менее ладонь моя сама сжалась в кулак и рванулась к груди. Простое военное приветствие, когда не знаешь, кто перед тобой... ну или заспанный. Солдатский быт я уважал, потому не отсалютовать служакам было выше моих сил. Жаль только, что привычка сработала раньше, чем я углядел неладное. А ведь оно более чем очевидно.

Мне неведомо, как это заведено в других белолигийских провинциях, но в нашем краю гвардейские разъезды наведывались в города, хутора и сёла хотя бы раз в месяц. Просто чтобы показать всем и каждому: гвардия – бдит.

Для Падымков, правда, это создавало немало неприятностей: моей матери и другим нордам приходилось пережидать в лесах – они на этой земле вне закона. И ведь иногда на несколько дней затягивалось! К тому же худо будет, если офицеры вдруг выведуют, что наши с контрабандистами якшаются. Тут уж простым выкупом, как со сборщиками податей, дело наверняка не разрешится.

То-то их у нас в деревне недолюбливают. Пусть я юн ещё, но в таких вещах уже соображал.

Что же до этих встреченных нами гвардейцев, то тут совсем другое:

Да, солдатам дан приказ выдвигаться, и они его выполняли – тут всё понятно, приказы не обсуждаются. Но хотел бы я взглянуть на того, в чью светлую голову пришла мысль отправить гвардейцев на марш сейчас, в такую-то погоду! Ради чего, интересно? Почему не конный разъезд? Почему командир отряда сам шлэндает по грязи, вместо того чтобы ехать верхом? Почему он так неопрытен; почему идёт во главе колонны, где его легко сразит стрела снайпера, а не в центре или хотя бы в арьергарде? И ещё с десятков других «почему».

Мне пришло в голову, что отряд, вероятно, просто впал в немилость у командования, вот и отбывает повинность. Но тогда возникает другой вопрос – вопрос уставного оружия, ибо с ним тоже всё неладно. Гвардейские подразделения снаряжались и вооружались не абы чем, формировались не как попало, но под конкретную задачу; и плох офицер, который пошлёт солдат с мечами на конницу, не выдав им ни единого копья. У проходящего же отряда я углядел всего понемногу: длинные сабли, палаши, пару бердышей, топоры, рогаины и даже окованную дубину. С миру по нитке.

Хотя всех прочих перещеголял некий тип, шедший вровень с командиром. Возвышался он на целую голову, а свой абсурдно большой меч – длиной без малого в человеческий рост! – небрежно взвалил на плечо и нёс без видимых усилий. Доводилось мне видеть всяческое двухручное оружие в академии, но чтоб такое – ни разу. Слишком длинная рукоять, слишком широкая гарда. Будто бы со знамени сорвали полотнище и взяли его за клот. Такой меч выглядел неудобно и непрактично... но, грозно, тут уж не поспоришь.

Да и сам хозяин меча – своему оружию под стать. Вместо доспеха носил богато украшенную куртку с пышными рукавами, но нисколько даже не пытался защитить её от непогоды. Сам он был лыс, начисто выбрит, улыбчив и светлоглаз. На его лице застыло выражение прямо-таки блаженной беззаботности, и этим своим напускным дружелюбием он, признаться честно, пугал до икоты.

Однако мне и в голову не пришло отвести взор. Разглядывал я его с интересом; и его, и всех прочих гвардейцев. Сам же лысый силач, заметив моё любопытство, усмехнулся и чуть подбросил меч на плечо. Вроде как устраивая его поудобнее. Но так, чтобы тот «случайно» показался из ножен.

А затем в голос рассмеялся. Это моё изумление его развеселило, не иначе. А всё потому, что клинок огромного меча оказался не обычным, прямым, как у всех прочих мечей, а волнообразным, будто само пламя драконово! Зачем оно так причудливо выковано, я и малейшего представления не имел, однако сразу догадался, что оружие совсем непростое.

Как и сам этот человек

Это был *наёмник*! Настоящий наёмник, а не какой-то там гильдейский смутьян.

Но тут на меня зло зыркнул уже сам командир отряда, и вот под тяжестью его лихого взгляда я опустил глаза.

Отряд прошествовал мимо, а один из последних гвардейцев со злобной усмешкой вдруг взял, размахнулся шестопёром, коему на поясе не виселось, вот он к руке и прилип, – да и саданул по телеге, ощутимо нас встряхнув. Даже Эль испуганно фыркнула. Ну а мы с отцом Славинсоном притихли и сделали вид, будто колесо в яму попало, вот и трянуло. Все радости этого дня как корова языком слизала. Хорошо ещё, что только по телеге, а не по темечку кому-то из нас.

Только когда гвардейцы достаточно отделились, и спины их стали не больше фаланги пальца на вытянутой руке, мы с преподобным выдохнули.

– Фу-ух. Ну дела... – произнёс он дрогнувшим голосом.

Но в отличие от него, я из себя и слова выдавить не мог. Горло будто чужой рукой сдавило. И куда гвардейский отряд окончательно не скрылся из виду, не отпускало.

Лишь после этого у меня получилось взять себя в руки.

– Проклятье... – выругался я прям при священнике. – Может... может, это новобранцы? Или просто отряд такой разудалый, что позволяет себе всякие неуставные вольности, а, преподобный?!

– А? Что? – спросил отец Славинсон, не иначе как позабыв, что я еду с ним. – А-а!.. Ох не знаю, малыш Неро. Не знаю. И, видит Гайо, знать не хочу! Пуцай идут с богом, да куда подальше.

Я отвернулся и вновь взглянул на пустующую ныне дорогу позади нас. Дрожь прошлась по всему телу от затылка и до самых пят. Пальцы сами сжались в кулаки.

– Идут в Падымки, – заметил я. Куда ж ещё могли идти этой дорогой? – Ещё этот наёмник... Отец Славинсон! Может, того, ну, повернём обратно, как думаете?!

Я аж сам собственным словам не поверил. Преподобный глянул из-за плеча и уставился на меня, аки филин на полёвку. Глаза округлил – того и гляди клюнет. Но пухлый священник ответил вполне рассудительно:

– Ну, повернём мы, и что? И дальше-то чего делать будем, ась?

И верно, никакого ответа у меня на это не нашлось. Опередить гвардейцев у нас возможности нет, да и будь иначе, чем это поможет? А попробуем, и командир заподозрит, что мы предупредить своих и скрыть какую-нибудь тайну спешим. Уж точно ни к чему хорошему не приведёт.

Я вновь закутался в плащ. Гадкое предчувствие сохранялось ещё какое-то время, хотя не так сложно оказалось убедить себя в том, что нам просто попался отряд самых смурных гвардейцев на всём Драриндаине. Но одна последняя мысль так и не давала мне покоя: что это за наёмник такой?

Ведь к услугам профессиональных, а не простых цеховых наёмников, гвардия не прибегала. Уж в мирное-то время точно.

До паромной переправы мы добрались сильно затемно. Холодный ветер увёл непогоду прочь с нашего пути, однако горизонт по-прежнему играл отсветами далёких молний, донося

их гневное эхо. Призрачная тоже отправилась восвояси, и с её уходом хоть чуточку потеплело, а в небе на ночную вахту заступила Первая – *Истинная* эксилийская луна. И эта за тучами скрываться не стала.

Но всё равно темень стояла непроглядная, и последний отрезок пути отец Славинсон правил телегой то ли по памяти, то ли со Всевышней помощью. Фонарь мы решили зажигать – в темноте оно как-то поспокойнее. Гнёт неприятной встречи всё ещё довлел надо мной, и, даже выбросив из головы всяческое скверное, я то и дело бросал взгляд на дорогу позади. Опасаясь – но одновременно и надеясь – разглядеть там ответ факелов того гвардейского патруля, выступившего в обратный путь.

Однако вскоре я окончательно выбился из сил, стал клевать носом и с трудом удерживал глаза открытыми. Наблюдение за тылами пришлось свернуть.

В очередной миг, когда тяжести собственных век пришлось уступить, огни долгожданной переправы наконец забрезжили на нашем пути. Вывалившиеся заспанные паромщики – там и люди, и дворфы, – несмотря на поздний час, оставались приветливы и за дело взялись с огоньком. Часть из них поспешила к телеге; остальные же принялись подготавливать паром к отбытию.

Переправа работала постоянно, однако ночью услуга стоила дороже. Оно и неудивительно – основными клиентами являлись дворфы-торговцы, чьи Великие врата в подгорье – «Величии», как они сами их называли, – располагались по эту сторону реки. Именно с них-то, как однажды шепнул мне на ухо один низкорослый бородач, и «...драли как с графьёв!». Всегда забавляло и удивляло, с какой же лёгкостью дворфы обирают своих соплеменников. Но, видимо, у них это в порядке вещей.

Эль распрягли и ввели на паром под уздцы, телегу вкатили руками. Для трудящихся на переправе крепышей это так же легко, как подкову согнуть. Те ещё силачи.

И таким не откажешь, когда примутся насчитывать оплату.

Переправиться с берега на берег стоило десять гион. Вечером и ночью – двадцать. За проход телеги или экипажа брали ещё двадцатку; а если с грузом – то все пятьдесят. А сверх того досмотр, торговые пошлины и неустойка за внеочередную отправку полупустого парома. Всего набегало сто девяносто гион за всё; если платить сугубо медной чеканкой, то кошель выйдет такой, каким и прибить можно. Сумма немалая. Коли б нашёлся глупец, совсем не думающий о будущем, то на эти деньги смог бы он дней десять жить безбедно – пить не самый разбавленный эль и закусывать не слишком жёсткой солониной, – покуда б не обнищал.

Благо, у преподобного имелась договорённость с торговой факторией, о чём он незамедлительно показал нужную бумагу. Сумма урезалась аж на треть.

Зазвенело. Расплатился отец Славинсон чистыми медяками и грязным серебром, а недобор покрыл черновыми обрезками. Обычное дело. Паромщики, конечно, попробовали урвать лишка, но с преподобным поди ещё поторгуйся – всю плешь проест.

Я же к тому времени уже почти спал, – почти третий сон досматривал! – но хотелось мне кое-что спросить, и я себя пересиливал, дожидаясь, когда эти там dosporyтся.

Наконец, когда дела утрясли и паромщик направился к своим, я ухватил его за рукав:

– Добрый человек, – заговорил спросонья. – Скажи: а не вы ли переправляли гвардейский отряд наемни? Чего они такие смурные-то?

Но тот в ответ только головой покачал, сказав, что никакие гвардейцы переправой вот уже неделю не переправлялись. И от тех слов у меня кровь с лица схлынула. Скверно стало на душе. Про себя я даже решил, что этой ночью уснуть уж точно не смогу, но усталость распорядилась на свой несправедливый лад. Стоило мне только моргнуть...

Как мы сошли с парома, я уже не запомнил, как добрались до постоялого двора – тоже. От переправы до него пару десятков вёрст-то наберётся, так что, по-видимому, на месте мы оказались с самой ранней зарёй. Себя я обнаружил на конюшенном сеновале, прямо над стой-

лом, где отдыхала Эль. Удивляться тут нечему, такая ночёвка втрое дешевле съёмной комнаты, вот и вся хитрость. Отец Славинсон дрых неподалёку, в телеге.

Когда окончательно рассвело и немного подсохло, продолжили путь.

Утро выдалось тёплым и солнечным. Позавтракав сухарями и сыром, я для себя решил, что довольно мне уже трястись в телеге, а потому сподобился прыгнуть и немного пройтись на своих двоих: размять нывшие с безделья мышцы и разогнать застоялую кровь. Мать частенько повторяла, что когда двигаешься мало, то мясо у тебя дряхлеет и жилы ссыхаются. А раз это её слова, значит так оно и есть, и лучше подобного избегать.

Вот только чем ближе к городу, тем сложнее становилось ступать пешком. Бескрайние ровные равнины всё сильнее разглаживались, будто скатерть – на обеденном столе, а дубравы, овраги и буйное многотравье – уступало посевным полям и межам. Теперь уже куда ни брось взгляд, всюду он натыкался если не на деревню, то на хуторок; тут и там отыскивал озёрца, сад или охотничьи перелески. Здешние места обжиты вдоль и поперёк, и потому дорога всё сильнее забивалась прочими телегами и повозками, конниками, погонщиками скотины и всеми прочими. Дорожная пыль стояла коромыслом, в которой бляенье, перекрикивания, топот и скрипы мешались в один гомон. Пешему человеку тут угодить под копыта или оси – что плюнуть. Вот я и забрался обратно в телегу, супротив всякого своего желания.

И вот так до самого вечера.

Отец Славинсон встретил неких своих старых знакомых, что вели в город пару нагруженных осликов, и тут же завязалась у них оживлённая беседа, мне совершенно не интересная. Потому-то я, устроившись на том, что мягче всего, всецело погрузился в собственные размышления.

Ведь подумать имелось о чём.

Прикрыв глаза, я принялся вспоминать события вчерашнего дня во всех мельчайших подробностях, какие приходили на ум. Перед мысленным взором они кружились всё равно что опавшие листья осенней порой. Так и эдак я прилаживал их друг к другу, ожидая, что вот сейчас-то сплетутся в единое целое, и я разгадаю какую-нибудь тайну... Но, увы, всё без толку.

Мимо с криками: «Дорогу! Дорогу гонцу, несчастные!» – промчался всадник. Скакуна своего он гнал без жалости, а пыль за ним поднималась вдвое больше той, что вставала от всех телег и повозок на дороге. В этой-то пыли он скоренько и затерялся, даже выкрики его поглотило душное марево. Эль недовольно фыркнула и мотнула головой; кто-то из путников не преминул бросить вдогонку спешащему пару бранных слов. Я же только крепче призадумался:

«Ну, вот и ещё одно неясное знаменье, – мысленно сказал себе. – Гонец, скачущий во весь опор... Не иначе, как с дурными вестями! Интересно, к кому и о чём?» Кто б ответил.

Предположения и всяческие догадки продолжили донимать меня, пока городок Гринлаго неспешно подымался из-за пыльного смога. Пускай ещё светло, но в небе над ним уже заигались первые звёзды, и мне показалось, что лучше уж любоваться ими, чем забивать голову непонятным.

От размышлений я перешёл к мечтам.

«Ну, зато появилось множество того, о чем интересно разузнать в библиотеке», – подумалось мне. И вот уже эта мысль показалась наиболее рассудительной, а потому другими утруждать себя я не стал. Просто позволил взору и дальше наслаждаться небом оттенка янтарной лазури, по которому щедрой рукою рассыпали крупную звёздную соль.

Вот бы ещё поменьше этой дорожной пыли...

Нет нужды подробно описывать время, проведённое в торговой фактории. Место это шумное и беспокойное; скупалось и продавалось здесь всё, что душе угодно, – за любую цену

и в любом количестве. Притом действительно *в любом*, ведь тот или иной товар подчас существовал лишь в виде клочка пергаментной бумаги, заверенной печаткой торговой гильдии. А там поди ещё разберись, действительно ли приобретённое добро занимает место на означенных складах, или же склады эти пусты? Но это как будто бы никого не волновало, ведь заверенные бумаги с сургучной печатью, похоже, ценились при всём при этом намного дороже. Хитрая торгашеская премудрость, которую я старался постичь.

И, стоит признать, давалась она нелегко.

Потому-то я покамест присматривался к торговле иного рода. К «настоящей торговле», как я её про себя называл, – той, где всамделишный товар не подменялся купчей, а в качестве оплаты взимались увесистые монеты, а не расписанные векселя. Собственно, великое многообразие этих самых монет меня особенно подкупало. Привычные белолигийские гионы соседствовали здесь с увесистыми дворфскими арта́нами, инквизиторские саинт-кроны с эспарскими и саид’анхамскими агрбами, а ещё ллены, сонерены, волотецкие дари и многие, многие другие. Всё здесь шло в дело. Всё приносило доход. Кто-то и вовсе торговал мерами рубленого серебра; кто-то рассчитывался драгоценными камнями; кто-то уплачивал счёт лакированными дощечками ведьмино́го дерева, и те принимались.

Торговая фактория была маленьким городом в городе, со своими – как я скоренько уяснил, – возможностями и неурядицами. И хотя сегодня меня особенно подмывало пристать к первому же меняле, показать ему чаандийскую монету и расспросить про неё всё-всё, а в особенности сколько она стоит, я себя сдерживал и помалкивал.

Ну а дела вёл отец Славинсон, который, едва переступая порог фактории, – преображался. Походка его приобретала важность, поступь – вес, а о цене на привезённые товары он договаривался не как священник, но словно бы лихой торгаш прямиком из страны Перекупщиков.

Единственное, чего ему не хватало, так это зорких молодых глаз. Вот тут-то я и пригоди́лся, пересчитывая монеты и сверяя остаток. Ну и тайком надеясь, что насчитается какая-нибудь лишняя, которую я смогу тайком оставить себе.

Однако сегодняшним вечером это интересовало меня меньше, чем когда-либо. Да что уж там, я с радостью сам бы заплатил за скорейшее наступление ночи! И вот наконец-то она пришла. Тёплая и спокойная; готовая хранить тайны.

Закончив дела в фактории, мы с преподобным отправились к собору Пресвятого Слимма Элийского – неизменному месту нашей обычной стоянки в городе. Отца Славинсона там знали и уважали; а мне отводилась келья на верхнем этаже одной из башен. И пускай она теснее старого чулана, я находил её уютной и почти что родной. И если не спалось, то часами мог любоваться в зарешёченное оконце.

Побросав в угол весь свой скарб, я поспешил к преподобному на поклон. Ни одна моя ночная вылазка не обходилась без его дозволения. И, разумеется, благословения.

А всё дело в том, что моё увлечение библиотечными книгами... сложно назвать невинным. В одежду тёмных тонов я переодевался отнюдь неспроста.

Всё потому, что библиотека Гринлаго находилась в личном ведении не кого-нибудь, а самого бургомистра, и посещать её разрешалось мужам учёным, благородной знати, умелым мастеровым и прочим скрягам. Ну а честному простолюдину, вроде меня, с одними медяками в кармане, путь туда заказан. При свете дня, по крайней мере. А вот ночью – совсем другое дело.

Об этой хитрости мне однажды поведал сам преподобный, и это стало нашей с ним маленькой тайной. Здание библиотеки угнездилось по соседству с личной резиденцией бургомистра, но сам он туда захаживал редко. Вот наружные ворота и охранялись посменно всего одним стражником, больше просто не требовалось. И в полуночный караул обычно заступал некий Гренно, приходившийся отцу Славинсону свояком. По натуре он человек простой и косноязычный, но благодаря его попустительству и покровительству преподобного, – посещать

библиотеку я мог едва ли не каждую ночь. Единственным условием оставалась незаметность. И меня, умелого охотника, это устраивало.

Ну а о том, как всё повернётся, если я всё же попадусь, нечего и думать. Я – не попадусь!

В поздний час те добрые люди, что не спали в своих кроватях, предавались гульбе и кутежу. Мастерские, красильни и цеха опустевали; таверны и увеселительные дома – напротив. Скорым шагом я шёл по тёмным улочкам и благодаря росту и одежде едва ли отличался от полуночных гуляк. Стража на меня и малейшего внимания не обращала; они и не должны, но чем старательнее ведёшь себя непринуждённо, тем сильнее кажется, что сейчас подойдут и спросят.

И вот наконец резиденция бургомистра, выходящая воротами главного дома на площадь, что не опустевала даже по ночам. Несмотря на людность, было здесь довольно тихо, но оно и понятно: мало найдётся смельчаков, пусть бы и разгорячённых вином, удумавших буянить близ господских покоев. Уже приходилось мне наблюдать, как личная гвардия проучала таких смутьянов, мешающих градоначальнику отдыхать. Батогами и плетью их отгоняли куда подальше; а если какой отчаянный лавочник зазывал громче положенного, то громили его прилавки и изымали товар.

Держась в тени ближайших домов, я обошёл площадь стороной, а затем призраком поплыл вдоль каменной стены, скрывавшей здание библиотеки от любопытных глаз. Высотой эта стена со взрослого мужика, взобравшегося на табурет, а сверху ещё и стальными кольями утыкана. Так что даже окажись под рукой ладная лестница или крепкая верёвка, всё равно перелезть нелегко будет.

Но мне и без надобности пытаться, ведь сегодня тот самый Гренно в карауле.

Подойдя к кованым воротам и убедившись, что никто за мной намеренно не следит, – да и кому оно надо? – я тихонько постучал по прутьям:

– Эй, добрый Гренно, ты меня слышишь? Это я, Неро. Досточтимый Гренно, ау!..

Миг спустя «досточтимый» Гренно натурально выпал из сторожки прямо мне навстречу – споткнулся о порожек. Может, тоже на душу принял, может, дрых... а может и просто оступился, с кем не бывает?

– К-кто... кого там среди ночи ещё принесло?! – спросил стражник нетерпеливо.

– Тише, тише, добрый Гренно! Это же я, Неро, – вновь представился ему. – Неро Вандегард, подопечный Кристофера Славинсона, твоего...

– Ах, да-да-да. Вспомнил – рыкнул Гренно недовольно и заспанно. – Ну и... чего тебе, э-э?

Я кивнул в сторону расчищенной дорожки, что вела во мрак сада и упиралась в высокое каменное здание с выровненными стенами и пологой крышей.

– А-а, ну да, ну да, ты ведь у нас мальчишка учёный шибко.

Гренно зазвенел ключной связкой и отпер в воротах небольшую калитку, через которую я мышью шмыгнул вовнутрь. С непростительным грохотом запер её за мной.

– Надолго? – поинтересовался стражник.

– Лишь кое-что посмотреть. Ещё до рассвета меня и след простынет, – ответил я, изобразив честность.

Ну да, конечно... Скорее моря превратятся в молоко и мёд, чем кто-то или что-то заставит меня убраться из библиотеки раньше, чем пролетит хотя бы половина ночи! Каждый раз так. Хотя случались у меня и скверные вылазки, когда приходилось закругляться раньше намеренного. Как-то раз посчастливилось мне застать кого-то из прислуги – крепкого юнца и невообразимо миловидную девицу, – что на целую ночь заняли читальную залу, всецело отдавшись не штудированию, но друг дружке. Тогда-то да, я ушёл несолоно хлебавши, ведь даже подглядеть не получилось.

Но сегодня-то всё будет иначе! Сама сегодняшняя ночь ощущалась по-особенному, и даже в воздухе витал прекрасный аромат развенчанных тайн. Именно такое выражение и пришлось мне на язык, пока я тихонько пробирался вдоль придорожных клумб. Пройдёт совсем немного времени, и я трижды прокляну свою наивность, но это будет потом. А сейчас – у меня аж руки дрожали! Не от холода, хотя ночка выдалась прохладной.

Я приблизился к массивным двойным дверям из так хорошо знакомого мне алого дуба, приоткрыл створку и ступил вовнутрь. Тяжёлая, она затворилась за мной совсем неслышно.

Тишина, стоявшая в библиотеке, по первости оглушала. Казалось, можно расслышать, как пляшут огоньки в масляных лампах, как капля топлёного воска скатывается в подсвечник и как нежный ветерок треплет шёлковую гардину напротив единственного отворённого окна. Свечи, как и масло для лампадок, стояли недёшево, но отчего-то здесь их жгли каждую ночь. По-видимому, всё же существовала вероятность того, что господину бургомистру или кому-то из домоправителей вздумается погрузиться в чтение посреди ночи, но на моей памяти такого не случалось ни разу.

Едва оказавшись внутри, я привалился к дверному косяку и позволил себе перевести дух без лишней на то спешки. У библиотечного порога меня всегда охватывало некое возбуждение, но сегодня даже оно казалось во сто крат сильнее обычного. Мурашки по спине, приятное покалывание на кончиках пальцев, срывающееся дыхание... приятные ощущения, по которым я успевал соскучиться.

Но к делу! Усилием воли я овладел собственным волнением, отлип от стены и на цыпочках, так тихо, как только позволяли подошвы мягких охотничьих сапог с загнутыми носами, двинулся вперёд.

Библиотека в глазах своих визитёров представляла обширной залой, первый этаж которой сплошь заставлен книжными шкафами, высотой со всадника, привставшего на стремянах. В чью-то светлую головушку пришла идея составить эти самые шкафы на манер лабиринта. Не слишком замысловатого, к радости единственного незваного гостя, но идея всё же паршивая. Ночью здесь правили бал таинственность и книжная пыль, а полки ломились от несчётного количества выцветших корешков, рукописных записок и тугих стопок пожелтевших свитков. Настоящее сокровище, хотя мне доводилось слушать глупцов, твердящих, что нечто подобное не более чем барахло. Но на то они и глупцы.

Второй же этаж и третий наравне с ним представляли собой антресоли, что вольготно раскинулись по левую руку от входа и с которых всё помещение просматривалось с той лёгкостью, как если бы оно лежало на ладони. Разве что впотьмах немного разглядишь. Там располагались многочисленные читальные столы и кафедры, под защитой витрин хранились редкие рукописи и тома, и там же угнездился «Архив» – царь-книга с описью всего, что поступало в библиотеку, покоилось в ней или изымалось прочь. Туда-то я и направился.

Поднявшись по одной из двух винтовых лесенок, что часовыми встали по обеим сторонам залы, я взял со стола незажжённую лампу, запалил её фитилёк у ближайшей свечи и подступил к Архиву. Книга эта покоилась на внушительном постаменте и весила, наверное, целый пуд. Её вид сам по себе внушал уважение к коллекции бургомистра, так ещё и за ней простирался весь первый этаж библиотеки, позволяя листающему ощутить себя на господском месте; а на противоположной стене как раз красовались витражные окна в человеческий рост. Зашторенные, они сияли копьями лунного света, и только одно из них оставалось отворено, позволяя бродячему ветерку играть с занавесью.

Но мне-то совершенно не ко времени любоваться красотами этой расчудесной ночи.

Я облизнул кончики пальцев и перелистнул несколько страниц. Нынче меня интересовали любые упоминания о драконах и о Чаанде: научные и исторические труды, легенды, небылицы... Не успел ещё фитиль моей лампы разгореться в полную силу, а я уже выбрал семь приглянувшихся мне трудов по чаандийской народности и четыре – касающихся драконов. И тем единственным, что меня смутило, были неразборчивые пометки напротив «драконьих» книг. Выведенные красными чернилами, будто всамделишной кровью. Как я ни вглядывался, но в пляшущем свете лампадки написанное в них разобрать не удалось.

Вообще все книги в Архиве сопровождались описью: на какой полке произведение покоилось, о чём повествовало, кто предполагаемый автор, в каком году какой эпохи труд завершён и всё прочее в том же духе. Ну и разумеется, как сама книга выглядит и какой гравировкой украшена. Иной раз ведь не найдёшь, особенно в ночи. И никаких красных пометок на полях... до этого момента.

«Да и шут бы с ними», – подумал я и пошёл выискивать желаемое. И вот тогда-то вскрылось, что это за пометки такие. Нужные книги по Чаанду я отыскал быстро; порядок хранения рукописей в библиотеке соблюдался неукоснительно. А насчёт драконов... предназначенные этим книгам полки дерзко пустовали.

Удивлённый вне всякой меры, я сложил два выбранных трактата на свободную кафедру и взялся дальше изучать Архив. Выбрал ещё четыре книги на драконью тематику; напротив каждой неизменно стояла загадочная пометка. Отправился на их поиски.

Вернулся ни с чем.

Трижды или четырежды я сверялся с Архивом. Каждый раз просматривал помеченную полку от и до. Всё впустую! Неизменно драконьи книги оказывались изъяты...

Нечего сказать, досада моя не знала предела, а помимо того это ещё и странно. Удивительно и странно. Но разочарование – не мой союзник сегодня! Я закусил губу и принялся штудировать Архив, намереваясь во что бы то ни стало отыскать хоть одну драконью книгу, пускай та даже окажется последней. И вскоре мне улыбнулась удача! Видно, поверья не врал: Гелиадр и впрямь воздаёт за настойчивость.

Книга нашлась. Судя по описи, некий внушительный и богатый фолиант с пометкой «У...», выведенной в Архиве венценосным росчерком. «Утерян, – сперва подумал я. – А может уникален».

Оказалось – второе. Труд располагался на верхнем этаже антресоли и на этот раз прилежно ожидал меня на означенном месте, нигде не таясь. А кроме того, выглядел он *воистину* уникально.

Книга – нет, скорее, настоящая реликвия! – хранилась за закрытой витриной, позволяя только смотреть и восторгаться, но ни в коем случае не трогать. Литое стекло толщиной с палец отделяло меня от заветного приза, а замочная скважина походила на ухмылку шута. Настолько издевательскую, что первой же моей мыслью стало: *разбить!*

Но, разумеется, поступать так я не стал. В жизни бы не решился на подобное.

Но и руки опускать не намеревался! Поднял повыше лампу и принялся глядеть по сторонам в надежде, что, быть может, заветный ключик окажется где-то неподалёку. Хотя умом-то понимал, что ни в жизнь такой удаче не бывать! Кто в здравом рассудке оставит ключ от столь ценного раритета рядом с местом, где тот хранится? Ключу этому лежать бы сейчас в личных покоях бургомистра под его подушкой, на шее, в руке, а то и вовсе в...

Свет лампы вдруг выхватил из темноты очертания тумбы и, скользнув по её краям, сверкнул лучистым отблеском мне прямо в глаза. Я обомлел.

Ключ. И вправду – всамделишный ключик! Бронзовый, но отполирован до золотого блеска. Лежал на чуть запылённой поверхности одиноко и сиротливо, словно только и дожидаясь, когда его заметят. И хотя нечего и надеяться, что он подойдёт к витрине, я тут же потянулся к сверкнувшему.

Однако руку свою задержал на половине пути. Ведь если я возьму его, и он действительно подойдёт к этой витрине, – разве не окажется это воровством? Наверняка. Ну а народная молва на этот счёт гласила предельно ясно: ни одно подобное злодеяние не остаётся безнаказанным! Вор – *худиший* из преступников...

Так я и застыл с протянутой рукой, будто пригоршню мрака вздумал ухватить.

Однако уже в следующий миг опомнился, собрался с духом и уже без тени смущения сгрёб-таки злосчастный ключик с тумбы.

«Чушь! – подумал я. – Никакое это не воровство, ведь я не собираюсь ничего красть! Просто прочту пару-тройку страниц, после чего верну книжицу на отведённое ей место в целостности и сохранности. Никто и не узнает!» Да и сам ключик, вторя этим мыслям, ладонь совершенно не обжигал. Лежал так же безобидно и тихо, как и в целом моё здесь присутствие. Вот я и решился, поняв, что ничем не запятнаю свою совесть и не возьму никакого греха на душу.

И вот, ступая теперь аккуратно, как если бы с ключом в руках мои шаги сделались стократ тяжелее прежнего, – я приблизился к витрине и... отпер её без всякого труда. Ничуть этому даже не удивился. Стекло крышка поднялась легко, натянув цепочки-украшения. И вот он – заветный фолиант! Оплетённый в мягкую кожу исключительной выделки, украшенный тиснением в виде драконьих ликів, укреплённый посеребрёнными уголками и покоящийся в обтянутой бархатом нише... Даже касаться этой книги уже казалось огромной честью! И, получается, я вполне достоин.

Довольный собой, я со всем почтением извлек фолиант из его ложа, прикрыл витрину, а ключик положил на прежнее место. Возвратился к кафедре, огляделся по сторонам, убеждаясь, что одинок, и с содроганием сердца перелистнул первые несколько страниц взмокшими пальцами.

В тот же миг всё прочее утратило для меня значение и даже само время замедлило свой ход. Остались лишь шершавый шелест старинной бумаги да пляшущие в свете лампадки тени, обступившие меня, подобно стенкам тёмного колодца.

Титульный лист встречал причудливой и витиеватой, но совершенно непонятной росписью, где даже границ отдельных букв не получалось угадать, сколько ни пытайся. Зато ниже красовался перевод названия, дописанный явно позже, которое я и так уже знал благодаря Архиву: «Драконья династия» – так звалась эта книжица.

Первые несколько страниц оказались исписаны тем же незнакомым языком, и я уж побоялся, что придётся довольствоваться просмотром одних гравюр. Но вскоре стало попадаться всё больше привычной для нашего края саинциальной письменности, понятной всякому грамотному человеку. И вот тогда-то книга окончательно подчинила себе всё моё внимание без остатка. О прочих набранных на ночь трудах я совершенно позабыл.

Начиналось всё вполне безобидно. Так, как и ожидаешь, взявшись за самое обычное чтение.

Я листал страницы, с интересом разглядывал зарисовки, наслаждался рукописным текстом и теми образами, кои он щедро рисовал в моём воображении. То, что казалось невозможным даже во снах, Драконья династия позволяла фантазировать с лёгкостью. И не сразу я обратил внимание, что прочитанное ненадолго-то сохранялось в моей голове. Стоило только перевести взор, перелистнуть очередную страницу или просто моргнуть, – как все образы стирались безвозвратно. Хотя никогда прежде я не жаловался на подобную скорую забывчивость! А смотришь обратно, хочешь повторить так некстати позабытое, – но тех текстов уже не находишь, вместо них попадают совсем другие.

И чем дольше это продолжалось, тем сильнее тревожило.

Постепенно Драконью династию стало сложно читать. Почти что больно! Вроде это простые буквы, складывающиеся в обычные слова, но каждая последующая строчка стала как

ягода малины, за которой тянешься в глубь куста, рана руки до крови. Только вместо рук терзался разум! Я глядел на страницы, но уже с трудом различал написанное; не столько читал сам, но будто бы слушал чьи-то тихие нащёптывания... Это точно был не мой внутренний голос! Мой звучал иначе! Но даже так услышанные откровения стремительно забывались. И только на душе продолжало тлеть непонятно когда поселившееся там смятение, засевшее подобно стреле между страхом и страстным желанием узнать *больше*, услышать *вновь*... Но в этот раз разобрать невнятный шёпот, запомнить сказанное!

Быстро же эти плоды утратили свой вкус.

Попытавшись оторваться от чтения, я потерпел постыдную неудачу. Не пускало! Как если бы чьи-то ладони легли на мои плечи и не позволяли отступить от кафедры ни на шаг. Дыхание моё сделалось прерывистым, руки дрожали, бумага ловила и впитывала беззвучные капли. Письмена и вторившие тексту гравюры насмешливо плясали и извивались у меня перед взором, пускали языки чернильного пламени, хлопали рисованными крыльями, стремясь сорваться со страниц. Хотя и по-прежнему оставались не более чем недвижимыми рисунками, исполненными тушью. «Это всё мне мерещится, – убеждал я себя. – Это просто усталость». Кого я пытался обмануть? Даже тени вокруг осмелели настолько, что уже не таясь порывались укунить лампу за горящий фитиль.

Безуспешно противясь этому, я перелистнул очередную страницу. Поранил палец об острый край. Бумага окрасилась алым. Вышел неумелый, неуместный мазок, перечеркнувший часть строки. И тотчас же шепотки разгневались! Они повелели быть внимательным. Велели читать дальше, раз я уж здесь. Голос, не громче мыслей, зазвучал отчётливее; теперь окончательно стало понятно, что не я его думаю, но некто это говорит!

Я вздрогнул, захотел оглянуться, решив, что кто-то всё-таки подкрался ко мне, и всё это злые трюки надо мной, пойманным врасплох. Но стоило попытаться, как очередная воображаемая ладонь схватила меня ещё и за волосы, направив лицо в книгу. «Читай!». Я нашёл в себе силы упереться, вознамерился рвануться прочь от кафедры... но так и остался на прежнем месте. «Читай!» Рука моя легла на страницу, кровь из пореза оставила новый след на чернилах, и тогда дёрнул рукой, прочертив новую алую полосу. Утопив ещё дюжину символов в крови, перечеркнул, словно исключив, целые строчки. И может совпадение, но и на плечах, и на затылке, и на сердце злая хватка ослабла... Нет, не ослабла, но дрогнула. «Читай!!!» – гневно зашипели призрачные голоса мне прямо на ухо.

– Н-нет! – выкрикнул я в голос, вконец позабыв, где нахожусь и что лучше бы не шуметь.

Боль вспыхнула у меня во лбу, аж искры из глаз посыпались! Я пошатнулся, схватился за кафедру, едва не опрокинув со стойки масляную лампу, но свой взор наконец-то сумел отвести в сторону, буквально отодрав его от злых страниц. И лишь тогда, обессиленный, повалился на пол.

Так я и застыл, ошарашенный, со сбившимся дыханием и колотящимся сердцем. Зажмурил веки, отчётливо слыша, как на пол градинками падали слёзы. Кап... кап... кап...

Только это и мог расслышать помимо шума собственной крови в висках.

Наконец, судорожно и прерывисто выдохнув, я с горем пополам уgomонил и обезумевшее сердце, и разрозненные мысли, и собственное же рваное дыхание. А как получилось, вспыхнул гнев!

«Что за треклятое наваждение?! – едва не зарычал я, благо, вовремя опомнившись, и слова огласили лишь стенки моего черепа. – Что... что это за книга такая? Что она со мной вытворяла?!»

А в том, что именно *книга* являлась всему виной, я и не сомневался! Окажись это иной недуг, – отравился ли я, перегрелся на солнце или просто сбрендил, – разве излечился бы он здесь и сейчас, стоило мне только перечеркнуть страницу и отвести взор? Разумеется, нет! Но что же тогда за морок одолел меня?! Ведь зачарованные книги, лишаящие человека рас-

судка, встречаются лишь в древних легендах, высокопарных проповедях и ещё детских байках. Только там, и больше нигде! Разве нет?!!

Я поднял взор на кафедру и бросил гневный взгляд на Драконью династию. Книга лежала так же тихо, как и полагалось любой другой. Её страницы не перелистывались сами собой, письма не полыхали, ни одна гравюра не порывалась сбегать. Тем не менее, поднявшись, я наотмашь хлестнул по переплёту, захлопнув эту треклятую рукопись, от греха подальше!..

И тут же что-то с лязгом грохнуло и заскрипело, занавесь напротив отворённого окна вспорхнула разбойничьей накидкой, а в помещение ворвался ветра порыв. Сквозняк. Рывком распахнулись библиотечные двери, с размаху они саданули о близстоящие стены, а по полу – настойчиво и жёстко – застучали чьи-то торопливые шаги.

На миг я позабыл себя. Взор мой вновь помутился, дыхание застряло в горле, судорога стянула грудь заиндевшей цепью, а кровь сделалась холоднее вод ручья в зимнюю пору.

Лишь каким-то десятым чувством я уразумел, что это посторонние проникли в здание библиотеки, и что мне следует скорее загасить лампу, дабы не выдать себя. Смятение моё оказалось настолько сильнее страха, что это я тотчас же и проделал: поднял плафон, сдул испуганный огонёк и ладонью разогнал робкие потёки дыма, дабы те быстрее развеялись среди книжной затхлости. После чего стрёб фолиант с кафедры и забился с ним под ближайший стол.

И только после этого горько осознал, в какую же лютую беду угодил.

Голова моя пошла кругом, перед взором заплясали чёртики. Я едва удержался от того, чтобы не пасть прямо тут, лишившись чувств. А ведь случись оно так, и для меня точно всё будет кончено.

Шутка ли, но взбодрила меня брань бургомистра: его гневный голос, оказывается, звучал, как рёв молодого тура. До самых потрохов пробирало. Ругань шла откуда-то из-за стен; бранился он зло и страшно! В какой-то миг и вовсе почудилось, что человек этот спешит исключительно по мою душу – желает лично покарать нарушителя! В моих мыслях тотчас пронеслись колодки, побои, а то и что похуже. Темница, например. Или плаха... И, представляя подобное, я лишь крепче съёживался под столом, кляня свою несчастную судьбу.

Даже и не заметил, как закусил корешок прижимаемой к груди книги. Все силы ушли на то, чтобы не зарыдать от нахлынувшего страха, горечи и досады...

А вот и сам бургомистр: и десяти ударов сердца не прошло, как он ворвался в библиотеку, появившись в дверях коридора для прислуги. Громко ступая, прошагал мимо того места, где я скрывался, и направился к винтовой лестнице; а следом за ним семенили ещё двое. Он громко и торопливо дышал, и с каждым вторым выдохом с его уст срывалось новое гневливое проклятие.

Однако на меня он и толики своего внимания не обратил! Ни он сам, ни слуги, что семенили следом. А это означало, что я, – слава Гайо! – по-видимому, ошибся: бургомистр торопился вовсе не по мою душу, и про меня, скорее всего, даже и не подозревал.

Мало конечно в том поводов для радости, но чтоб перепуганному юноше, прятавшемуся под столом, удалось взять себя в руки, – хватило и того.

Я утёр катившиеся без конца горячие слёзы, отдышался и, за неимением ничего другого, целиком обратился в слух.

И как раз вовремя. Бургомистр, спустившись на первый этаж, внезапно затих, будто ругань встряла ему поперёк горла. Тишина повисла такая, что страх мой, едва отступив, вспыхнул с новой силой. Что разгневало этого человека? И уж тем более что заставило его столь внезапно замолчать?! Любопытство взяло верх, и я, закусив губу и всё так же прижимая книгу

к груди, выбрался из-под стола и подполз к балюстраде. Хотя бы одним глазком глянуть, что же там такое происходит.

Картина мне открылась следующая:

Трое стояли напротив дверей библиотеки, прямо перед замершим бургомистром. Первый – это Гренно. Привратник. Расположился он ближе всех к выходу и, судя по всему, готовился удрать под любым, даже самым неблагоприятным предлогом. Впотьмах его лицо виделось серым. Застывший на нём испуг оказался мне знаком и очень хорошо понятен; я его разделял полностью.

Зато двое других незваных гостей, напротив, пребывали в абсолютном спокойствии. Страх, неловкость и предубеждение нисколько их не стесняли.

То были некие благочестивые господа, не иначе. Юношу, с зализанными назад волосами цвета воронова крыла и одежде под стать, выдавало лицо – благородное, надменное и бесконечно целеустремлённое, хотя и скрытое на три четверти тенью, аки полумесяц. А женщина рядом с ним: высокая и стройная, в тёмном искристом платье не по погоде, и с вуалью, скрывающей её лицо успешнее всяких теней. Возвышалась она и над юношей, и над бургомистром и держалась с тем исключительным величием, пред которым разве что бездушному камню под силу не склониться.

Да и то лишь потому, что камни – извечно павши ниц.

Слуги так и поступили. Грохнулись об пол как по команде, наверняка разбив коленки в кровь. Да я и сам припал ещё ниже, хотя скорее под гнётом всё того же страха, нежели с почтением к знатным господам. А вот бургомистр сумел остаться недвижим.

И, на поверку, это очень скоро начало казаться странным. Стоял он *слишком* неподвижно! Будто дерево или статуя какая-нибудь. Так продолжалось мгновение, другое, третье... И вот мне на ум сама собой явилась жутковатая мысль: не иначе как бургомистр... уже мёртв! Вообразить нечто подобное оказалось проще простого – как всего мгновение назад ему нанесли коварный и стремительный удар кинжалом прямо в сердце, и как он затих в своей гневной тираде. А через миг-другой его бездыханное тело рухнет на пол, и слуги вместе с несчастным Гренно осознают наконец, что увиденное подвело финальную черту и их жизням тоже...

Но нет. Бургомистр был жив-живёхонек. Я вздрогнул, когда он неожиданно отмер и выхватил некий конверт из рук темноволосого юноши. Высокие потолки библиотеки огласились треском раздираемой в приступе гнева бумаги.

– Со всем почтением, господин бургомистр, в этом нет необходимости, – начал юноша прохладным, как северные ветра, тоном. – Рекомендательное письмо от...

– В бездновых глубинах видал я ваши рекомендательные письма! – взорвался бургомистр, прервав его и продолжая изрывать послание на мелкие клочки. – Знаю я, кто вы. Вы воры! Воры, что раз за разом повадились грабить мою бесценную коллекцию!

– *Экспроприировать*, – мелодично подметила женщина, чьё лицо скрывала вуаль. – И далеко не всю вашу коллекцию, господин, а лишь немногие из трудов. К тому же не стоит забывать, изъятие проходит с благословения и в пользу его Высокопреосвященства, посему вам потребно считать, что данное «воровство» производится не по прихоти, но во спасение вашей бессмертной души.

Эти слова – или, скорее, сама интонация – бургомистров пыл-то поостудила. Да что уж там, голос незнакомки даже мой испуг сумел умиротворить. Легче стало взять себя в руки. Особенно оттого, что не случилось никакого смертоубийства, и мне не пришлось становиться ему свидетелем.

– *Экс-про-при-и-ро-вать*, – повторил я тихонечко, пробуя это непонятное словечко на вкус.

Чудное. Речь тех, кто, как говаривал отец, на свет родился с серебряной ложницей во рту, – она вся такая вот замурдёная. А ещё он рассказывал, что когда в армии сотником служил, то

частенько с высокородными господами виделся. Говорил, что даже дышать нашенским воздухом им непривычно и как-то тяжко. Не то, что нам самим, обычным-то людям. Только сейчас мне подумалось, что, может, это он буквально имел в виду?

Но я задумался, отвлёкся. Даже чуточку замечтался, позабыв, в какой беде нахожусь. И когда взгляд мой, оторвавшись от таинственной троицы дворян, поплыл в никуда, мне случилось углядеть ещё кое-что интересное. То, что сызнава сковало мои потроха ледяными цепями! Уже в который раз. Кто-то ещё проник в здание библиотеки! Пробирался неслышно сквозь лабиринт книжных шкафов, пока знатники там беседовали. Некая загадочная тень, зловещая сущность, от одного вида которой у меня зашевелились волосы на затылке.

– ... Так, вы оба – пшли вон отсюда! Ждите в моих покоях, кувшин вина мне подогрейте! – меж тем рыкнул бургомистр прислужникам. – А ты, стражник, как там тебя?

– Гренно, ваш-бродие!

– Молчи! Иди сторожить что должен, и молись, чтобы я не припомнил поутру твоего имени.

Приказания эти тотчас исполнились: входные двери хлопнули, унеся за собой перепуганного привратника, а близстоящая винтовая лестница задрожала от спешных шагов. Я же заполз и забился обратно под стол, как пёс, и рот себе рукавом закрыл, чтобы проходящие мимо точно не слышали.

Слуги тихонько протрусили мимо, перешёптываясь. Дверь за ними затворилась и шаги их затихли. Меня они не заприметили, и теперь стало на две пары глаз меньше; но это радовало не так сильно и вообще мало что меняло, ведь все мои мысли отныне обращены к той гибкой и ловкой тени, у которой будто и хозяина-то нет, раз двигалась она столь стремительно и тихо. Мало мне здесь непрошенных полуночных гостей да взбеленившегося хозяина дома, так теперь ещё и это!..

Да и кто бы ответил: что в действительности предстало моим глазам? Это наёмный убийца или, может, разум наконец подвёл меня, и я узрел собственный кошмар наяву?! Вымученный стон вырвался из моего зажатого рта, но даже в том, чтобы скрывать его, не оставалось никакого толку. Ясно как день, мне не удастся прятаться под этим несчастным столом вечно. Ведь если не сейчас, то с рассветом меня наверняка обнаружат! Всё ныне восстало против меня. Даже моё сердце принялось отбивать дробь до того громкую, что незваные гости вот-вот должны позабыть о своих распрях и воскликнуть нечто наподобие: «Что это за шум? Пойдёмте и отыщем того, кто здесь скрывается!»

Да, так всё и будет. И никакой помощи мне ждать просто неоткуда.

Я, может, и мог бы последовать за прислугой, – воспользоваться тем ходом, откуда недавно появился бургомистр... но не рискнул. Тамошних помещений я не знал, не помнил, закрывали дверь на ключ или нет, да и кто убережёт меня от случайной встречи с прочими обитателями сего дома? Никто. Как ни прискорбно, но здесь и сейчас мне не на кого понадеяться!

Кроме себя самого.

И вот когда я это осознал, в голове моей сверкнула мысль, словно из огнива высеченная искра: «Окно! Окно же!» Тотчас же я бросил взгляд на занавесь, трепещущую на фоне ночной синевы, и понял: вот оно, моё спасение! Вот как стоит попытаться отсюда сбежать.

Даром что путь к окну ныне стал вотчиной той загадочной тени, проникшей сюда. Но даже призрачная надежда на побег затмила все прочие превратности, и я решил, что нужно попытаться.

Отняв от лица руку, я несколько раз вдохнул глубоко и размеренно, пускай и слышно, как учила мама. Она говорила: больше воздуха в лёгких, дольше получится бежать и быстрее думать. Именно этим я и занялся, утерев последние слёзы, – крепко взялся за раздумья:

«Время уходит, но меня пока не заметили; повлиять я могу на одно, но не на другое. И ещё та проклятая тень, что шастала тут где-то среди лабиринта шкафов! Если она лишь мой

оживший испуг, то очень хорошо. Призрак не навредит так, как оковы стражников и палаческая плеть. Но если я прав, и это действительно подосланный убийца...»

Тут, при одной только мысли об этом, дрожь пробежала по моей спине.

«Соберись, Неро. Будь это и впрямь *убийца*, коварный злодей, отнимающий жизнь из тени, то будь я трижды проклят, если он здесь по мою душу! Нет, у него наверняка какая-то иная цель. И раз он продолжает красться мимо книг и рукописей, то либо ищет что-то, либо... ну конечно же! Значит, он движется ко второй винтовой лестнице. Кем бы ни оказалась его жертва, он желает подкараулить её в другом месте!»

Поняв это, я едва себя рукой по лбу не хлопнул, так всё выглядело просто. И если я всё понял правильно, значит и путь мой теперь ясен: спуститься, добраться до окна, минуя предательский лунный свет, что разил снаружи, и...

– ...А, да чёрт бы с вами! Идёмте, посмотримте Архив. Увидите ущерб, принесённый вашими махинации! – вдруг пророкотал надломленным голосом бургомистр так, что я каждое расслышал его слово.

Архив... они сюда идут! Догадка тотчас же подтвердилась топотом шагов; значит, моё время на раздумье вышло. Благо я успел придумать, как спуститься. Сейчас или никогда!

Собрав волю в кулак и всем сердцем уповая на божескую справедливость, крепкие половицы и мягкую подошву своих сапог, я выбрался из-под стола и опрометью – так тихо, как позволяли мне ноги, привыкшие топтать лесной мох, – метнулся к балюстраде. Припал к ней всем телом и, помогая себе единственной рукой, перевалился через поручень. Передо мной раскинулся весь первый этаж; омытые сумеречным светом книжные шкафы на фоне утопающего во тьме пола. Один такой как раз стоял в единственном широком шаге от меня.

Но стоит ему не выдержать моего веса... или сам я оступлюсь впотьмах...

Винтовая лестница загромыкала от шагов тех, кому нет нужды таиться; свет лампы лизнул пальцы моей руки, напоминая, что нужно спешить. Времени на раздумья и сомнения не осталось, и тогда я шагнул вперёд, понадеявшись на удачу. Прямо туда, во тьму. Зажмурился, не сумев с собой совладать. Ну а когда моя стопа, вместо того чтобы провалиться в пустоту, утвердилась на тихонько скрипнувшей древесине, я едва в ладоши не хлопнул, даром что у меня одна рука занята.

Пользуя книжные полки как лестничные перекладыны, я тихонько полез вниз, оставляя следы на пыли. Старался и тут не шуметь, ведь напряжённая беседа загадочной троицы дворян миг спустя продолжилась уже прямо над моей головой. Они пришли туда, откуда я сбежал вот только что; и по-прежнему не ведали о посторонних в их владениях!

Но стоит помнить, что посторонних-то нынче двое. И как и я, тот, второй, сейчас где-то здесь.

Нога моя шаркнула о пол, и я, спустившись, тотчас пригнулся, замерев как на охоте. Меня обступило гробовое спокойствие, а приглушённый говор дворян на антресоли доносился будто бы издалека. Ничто в окружающем не указывало на то, что я остался кем-то услышан или замечен. И ни следа убийцы. Но зато спасительное окно мерцало подобно путеводному маяку! Лишь два ряда книжных шкафов – словно крепостные стены – отделяли меня от спасения. Испытания отчаянием, страхом и приткостью остались позади, и теперь на моём пути лежал лабиринт.

Дивясь своему неведь откуда взявшемуся бесстрашию, я двинулся к цели. Ступал медленно и тихо, пригибался, лънул к тёмным углам и всякий раз сворачивал в сторону, противоположную той, куда двигался недавно виденный мною нарушитель. Красться по полу оказалось куда сложнее, чем по подлеску. На ровных досках не поставишь ногу на мягкий мох, заходя не разглядишь кустарник и не удержишь ступню над веткой, что непременно переломится под весом идущего. Здесь скрипучая половица мастерски таилась вплоть до момента, когда будет уже поздно её миновать. И потому шёл я как никогда аккуратно, раз за разом утирая пот со лба.

И также щедро нахваливал себя за всякий шаг, который оставался беззвучен.

Но всё сильнее меня беспокоило собственное неведенье откуда взявшееся бесстрашие. Это позже я узнал, что так бывает, – сердце не может терзаться постоянно и в моменты наивысшего напряжения ему под силу сделаться твёрдым как камень. Охладеть к незначительному и творить лишь то, что должно. Но в тот миг я всерьёз задумался, как бы подобная смелость не сыграла со мной злую шутку. Ведь сделавшись легкомысленным и неосторожным, я вполне мог навлечь на себя новые беды, а их и без того хватало.

Увы, так и случилось, беспокоился я не напрасно. Оказывается, это моё хладнокровие – как и страх до него, – копилось в сердце аки вино в чаше. С непривычки сосуд переполнился очень скоро.

Я достиг окна. Достиг сплошного ряда шкафов, над одним из которых гордо реяла ласкаемая ночным дыханием гардина. Библиотечная затхлость отступила, а я уж успел позабыть, сколь сладок аромат вольного ветра. Лишь несколько полок отделяли меня от спасения, но в том-то беда, что тут заметить лазутчика особенно легко. Лунный свет сюда щедро изливался, и самое просматриваемое место во всей библиотеке – оно как раз здесь. Да ещё и лезть приходилось, помогая себе лишь одной рукой. Но ничего другого не оставалось, да и знать удалилась куда-то вглубь, так что я схватился за полку, подтянулся и...

– Измена!!! – вдруг вскричал бургомистр, голос которого в точности уподобился вчерашней грозе, включая и раскатистое эхо тоже. – Проклятия на вашу голову, презренные изменники! Змеи!.. Аспиды вползли в мой дом, а я о том и не подозревал! Стража! Скорей, всю стражу, что есть, ко мне!

«Это убийца, – сразу же догадался я. – Нанёс наконец свой подлый удар». Но нет, я ошибся, ибо, оглянувшись, увидел всё ту же троицу дворян – живых и здоровых. Ныне они стояли наверху, на третьем этаже антресоли. Неподальёку от того места, где я не так давно раздобыл...

– Не стоит, бургомистр. Мы уходим. Благодарим вас за ваше *радушие*.

Слова эти принадлежали молодому дворянину, и голос его аж звенел. Как ни в чём не бывало он развернулся и повёл свою величавую спутницу к винтовой лестничке, пока хозяин дома давился проклятиями, топал ногами, рвал и метал. Но когда я вновь приготовился лезть наверх, в окно, он изрёк то, что и меня вышибло из сапог:

– Воры! Мерзавцы! Как же так, моя священная коллекция?! Вы отняли у меня всё, но украсть «Драконью династию»? Это кощунство! Вы, святотатцы, будете прокляты, и все рода ваши понесут проклятие до самого...

И так далее, и подобное в том же духе. Бургомистр всё распинался самыми жуткими карами, извергал отборнейшую брань, рыдал, но дальше даже я его уже не слушал. Просто не мог. Ибо в тот самый миг меня словно молнией с неба прошибло, и я понял, что именно занимало мою левую руку всё это время. Книга! Я крепко прижимал её к груди, сам не ведая для чего. Она просто прилипла ко мне, когда всё началось, и вплоть до этой самой поры мне о том некогда было думать.

И вот сейчас, поражённый страшной догадкой, но до последнего не желая верить, я отнял от себя затёкшую от напряжения руку, что сама собой до побелевших костяшек сжимала этот фолиант. Дрожащими пальцами раскрыл обложку. С титульного листа на меня смотрели незнакомые завитки букв, точного значения которых я не знал. Но вот ниже... перевод. Который я хотел бы видеть иным, но он оставался прежним.

К груди всё это время я ревностно прижимал треклятую «Драконью династию».

И, осознав, что глаза меня не обманывают, воля моя надломилась аки перекаленная кузнечная болванка. Я... потерял себя в тот момент. Ненадолго, но всё же. Пред взором у меня встала пелена, я взглянул на себя будто во сне со стороны, и увиденный мною юноша, ничуть не изменившись в лице и ни капельки не таясь, уронил древний фолиант на пол к своим ногам,

а затем размашистым пинком отшвырнул его куда подальше. Рукопись полетела кувырком, упала небрежно распахнутая, проехала ещё фут или два и замерла аккурат в луче лунного света. Корешок её по-прежнему хранил отпечаток зубов, а на переплёте алел мазок крови из порезанного пальца.

Юноша же – я – полез к распахнутому окну, не обращая больше ни на что внимания.

Порыв ночного ветра, прохладный и девственно-свежий, – именно ему выпало изгнать это неведомое оцепенение из моей головы. Я очнулся как ото сна. Я всё помнил и всё понимал, вновь мыслил здраво. Выплеснул *это* из себя, чем бы оно ни было. Не мои слёзы охладили мне лицо, но после случившегося это, наверное, наименьшее из неприятностей; за моей спиной, из-за занавеси, нескончаемым потоком неслись гневливые угрозы и страшные проклятия. Ужасно думать, что же теперь будет?

Себя я обнаружил на внешнем карнизе, прижавшимся плечом к белёной стене. Очередной след по дорогой одежде – отец с матерью прибьют меня за такую оплошность. Хотя, может, им и не придётся... Плотная ткань занавеси трепыхалась прямо над моим ухом, а внизу, у основания стены, угадывался декоративный кустарник. Что творилось в самой библиотеке мне оставалось неведомо, но оно и без надобности знать – и так всё хорошо слышно. Бургомистр рвал и метал, созывал стражу, которая очень скоро окажется тут; а та знатная дама вместе со своим юным спутником просто сели в карету и уехали. Оттуда, где я стоял, мне как раз хорошо виделось, как она катилась вниз по дороге.

«Нужно скорее выбираться отсюда, – напомнил я себе. – Всё остальное не важно».

И верно. Я глянул себе под ноги, вниз, туда, где стену украшал кустарник. Высота не так уж велика, можно просто спрыгнуть. «Ага, спрыгнуть, – подумал невесело. – И всем сердцем уповать на то, что случайная надломленная ветвь не пропорет тебе спину». Не, так не пойдёт. Я вновь прижался к стене, на этот раз всей спиной, плюнув на побелку. Осторожно присел, ощупал выступ карниза под ногами, осмотрелся. Отовсюду вокруг доносилось всё больше голосов, это побуждало не транжирить время попусту. И вот когда я уже подумал, что ветка в бок – не самая высокая цена за спуск, ладонь моя нащупала выбоинки на ближайшем стыке стены, глубиной в полторы фаланги. Благослови Гайо того зодчего, который решил, что это будет смотреться красиво.

По ним-то я и полез вниз. Полез весьма уверенно и в меру прытко, как по лесенке. И аккурат на половине пути моя нога всё-таки соскользнула с выступа. Как раз тогда, когда я пальцы ослабил. Успел лютой ненавистью невзлюбить эти поганые загнутые мысы на сапогах, после чего рухнул в заросли кустарника, выкатившись из них прямо на гравийную дорожку. Пыхтя и отдуваясь кое-как поднялся и, поскальзываясь, поспешил к скверу, где притаился за деревом. Благо, ни одной острой ветки мне так и не пришлось ниоткуда выдёргивать, хотя дюжина ушибов и царапин жарко саднили.

И вот, чуть успокоившись и утерев недавние слёзы, что щипали лицо, я позволил себе вздох облегчения. Всего несколько десятков шагов в глубь сквера, где я отыщу подходящее дерево и с его помощью переберусь через стену с кольями. А там – ищи меня в чистом поле! «В жизни больше не полезу в эту клятую библиотеку! – пообещал я себе. – Никогда. Ни за что. Ноги моей здесь больше не ступит». Где-то неподалёку зарычали и залаяли, а гравийная дорожка, помимо прочей кутерьмы, отозвалась отчётливым шорохом шагов и скрежетом грубых когтей по камням. Я притих и выглянул из-за дерева.

Ожидаемо, по дороге шёл стражник. На привязи он вёл косматого пса, что холкой доставал своему хозяину почти до пояса. Зверь сторожевой, серьёзный. Благо, мне тут повезло, и

шли они с наветренной стороны. Значит, запаха моего не учуют, пока прямо до места не дойдут. Только если ветер внезапно не переменится или не случится ещё чего непредвиденного...

Гравийная дорожка вширь всего ничего, и когда что-то рухнуло в кустарник – тот самый, от которого и мне досталось, – я едва не подпрыгнул от неожиданности. Невзирая на то, что всё здание библиотеки гудело уже как разворошённый улей, шелест и треск веток не достиг ушей стражника и его пса лишь чудом. Я же вновь притаился; за нынешнюю ночь натренировался этому с избытком. Из кустарника, шурша уже меньше, выбралась... очевидно, та самая «тень», которую я видел внутри; тот самый привидевшийся мне «убийца». Облегающая одежда указывала, что это всё-таки человек, а свет неполной луны позволял предположить, что, похоже, девушка. Ладно сложенная и прыткая, как кошка. Даром что в кусты свалилась; но тут тоже всё как кошки любят. И точно не коварная убийца, ведь я всё ещё исправно слышал бургомистровы надрывы и причитания.

Девушка меж тем углядела на дороге стражника, ведущего в нашу с ней сторону пса, и, не рискнув двинуться дальше, вновь вжалась в кустарник. Меня она, похоже, так и не замечала.

Но хоть оба мы и оказались хорошо скрыты от посторонних глаз, и минуты не пройдёт, как зверь нас учует. Конечно, я мог прямо сейчас смело двинуться прочь, мне-то ничего не угрожало. А вот девушка, если не придумает чего-то эдакого, обречена на поимку. Незавидная участь.

А раз так, никуда-то я, разумеется, не пошёл. Стражник уже достаточно близко, и окликать девушку сейчас – значило бы подставить нас обоих. Вместо этого я нащупал у себя под ногами несколько булыжников побольше и метнул их один за другим чуть в стороне от стражника. Так, чтобы, когда те поочерёдно упали, это вполне могло сойти за чьи-нибудь неаккуратные шаги. К моему облегчению, стражник повёлся. Оглянувшись через плечо и поразмыслив миг-другой, он двинулся на звук, хотя его пёсель рвался дальше, к нам. Когда оба отошли подальше, я шепотками окликнул девушку, но та не расслышала. Тогда я раздобыл ещё пару камешков поменьше, которые бросил в неё. Первый угодил в кусты, другой стукнул о сапог. Когда её глаза – чёрные на чёрном, и лишь полумесяц в зрачках отражался сверкающей точкой, – воззрились на меня, я поманил её за собой. К её чести и моей радости, спорить или выделываться она не стала.

Вместе мы прокрались через сквер, нашли подходящее дерево и, забравшись на него, перелезли через треклятую стену с её кольями! Помогали друг другу, но не обмолвились и словом. Едва стена осталась позади, что она, что я, припустили в узкий проулок и только там притаились, решив перевести дух. Я правда хрипел как конь, пытаясь отдышаться, но вокруг всё равно ни души, и некому обвинить, что я плохо «притаился». Да и девушка вымоталась: волосы её прилипли к лицу, а грудь тяжело вздымалась и опадала. К тому же на её поясе обнаружилась внушительная сумка, в которой таилось нечто увесистое, а бежать и лазать с таким – затея скверная.

Но это её дело. Мне же до сих пор не верилось, что удалось сбежать незамеченным!

Меж тем стяжка на сумке не то оборвалась, не то просто растянулась, и то, что выглянуло из-под неё, попало мне на глаза и показалось мне смутно знакомым. Я протянул руку, отвёл ткань в сторонку и... узнал отпечаток своих собственных зубов на книжном корешке. Тотчас же девушка отпрянула, прижав «Драконью династию» к груди крепче, чем обнимают дитя.

– Знаешь, – ляпнул я, не подумав, – а ведь это называется воровством.

Девушка улыбнулась. Её лицо в ночи и за растрёпанными прядками волос не рассмотреть, но она, похоже, весьма недурна собой. И улыбка у неё приятная. Но уже в следующее мгновение лик её вновь переменился – она отклонилась назад, смахнула пряди с лица, и прежде, чем я успел хоть что-то понять, наотмашь шарахнула меня этой самой сумкой прям

по лицу! Так внезапно, что я моргнуть не успел, и с таким напором, что кубарем покатился по земле. Удивила меня своей выходкой так, что я даже боли не почувствовал. Только кисловатый привкус железа теплом проступил на верхней губе.

Когда же я, ошарашенный, всё-таки поднялся, проморгался и огляделся, то увидел, что девичьи пятки сверкали в самом конце проулка. Недолго. Гнаться за ней у меня не было никакого резона, и я, утерев кровь с лица, устало побрёл в сторону собора. И по дороге сам себе клялся и божился никогда и никому не заикаться обо всём произошедшем. И саму об этом будет лучше никогда не вспоминать.

Глава вторая

Перо из чистого серебра

Нож хоть и оказался туповат, но в древесный пол вонзался вполне исправно. Как только рукоять переставала дрожать, за первым последовал второй, а затем и третий. Лезвия каждого из них погружались в доски на глубину фаланги, но дело тут отнюдь не в подгнившей древесине, – просто далеко не каждому под силу так сильно метать ножи. Особенно такие тупые. Бросив последний, четвёртый, Ричард подступил на шаг и недовольно воззрился на дело рук своих. На то, чтобы начать портить крыльцо теперь уже его собственного дома, нового пекаря Падымков толкнула та изначальная сила, пред которой испокон веков покорялись мудрецы, герои и даже короли.

Скука, мать её.

– Чёрт меня раздери, – недовольно буркнул он. – Только приехал, и уже так тоскливо. Кто б меня о таком заранее предупредил что ли...

Он вырвал ножи из досок и небрежно свалил их на тумбу у входа. Зашёл ненадолго в хату, а на крыльце появился уже с трубкой в руках. Облокотившись о перила, закурил.

Его новый дом стоял у самой дороги, чуть поодаль от остальной деревеньки. Рядом бежала река, чуть далее разливалась запруда, а в полумили на запад брал свое начало густой лес. Тихое здесь местечко, весьма приятное, никакой суеты. Ричард приехал сюда сегодняшним ранним утром, наслаждаться, как это у них называлось, *увольнительной* за труды и заслуги. Останься он в городе, и жадные до денег и скорые на расправу дворфы наверняка разыскали бы его, а этого Ричард, ясное дело, намеревался избегать.

Дворфов он недолюбливал, и те чаще всего отвечали ему взаимностью.

Но сейчас причина в другом. Так сложилось, что неделей ранее Ричард выиграл в карты у одного бородача ажно корабль, пришвартованный где-то у причалов Валерпорта и доверху гружённый грибной брагой. Притом выиграл более чем честно – дворф оказался так пьян, что не разбирал колоды перед самым своим носом и вообще лыка не вязал. Даже названия той игры Ричарду не запомнилось; звалась она то ли тра-, то ли гра-ханские пляски, или лязги... или что-то навряд того. Неважно. Он выиграл. Пожалуй, впервые выиграл действительно честно. Банально не имел и малейшего представления, как в этой игре мухлевать. Такое тоже случается. И тем не менее на следующее утро, оклемавшись, премерзкий дворф заявил, что его, дескать, опоили и ограбили!

«И ведь нашлись те, кто поверил! – процедил Ричард сквозь зубы. – Надо же».

Корабль – какое-то там корыто, да и грибная брага – то ещё пойло, однако выигрыш есть выигрыш, и Ричард с ним расставаться не хотел. Поступил он по давно отработанной схеме: сдал судно подельникам, – те придумают, как его реализовать, – а сам пустил слушок, что на этом самом кораблике он уплывает в дальние края. Куда-нибудь навряд Сан-Холо, что на Мейне, или в какое другое злчное местечко.

Ну а сам перебрался сюда, в Падымки.

И теперь опасаться ему нечего. Дома, в Гринлаго, его не выдадут. Тут – не найдут. Ко всему прочему, в этой деревеньке не так давно ещё и пекарь преставился, а у Ричарда хлеб да кренделя всякие выпекать всегда славно получалось. Будет и тут при деле. Недаром ему и кликуху-то дали – Пекарь. Правда совсем по иной причине.

Так или иначе перекантоваться в Падымках пару-тройку месячишек это хорошая затея. Он поправит нервишки, даст отдых печени и кулакам, закатами там всякими налюбуется вдоволь. Ну а по возвращении сможет рассчитывать на щедрый барыш...

Конечно, это если чёртова скука его раньше не прикончит! По правде говоря, Ричард и сам удивлялся своему настроению. Он и не думал, что без привычной городской суеты так скоренько заскучает. Прямо сейчас его, в общем-то, кардинально не устраивало только одно – его собственное отношение к этому местечку. Всё в Падымках выглядело таким ладным, что он просто не мог в это поверить. Не мог расслабиться! Да ещё этот дракон, недавно показавшийся на горизонте. Драконов Ричард тоже недолюбливал, хотя едва ли ящер припёрся сюда нарочно, чтобы его позлить. Это так... совпадение. И тем не менее его полёт всё же внёс лепту в скверное настроение Пекаря, и вот теперь он, крупный, плечистый мужик, чьи колтуны и рожу цирюльник на днях в подобающий вид привёл, стоял на крыльце, хмурый, как чёрт. Одень его в шелка, и барон получится. Прямо хоть сейчас его на картину! Радоваться бы... да вот что-то никак.

– Не хочешь скучать, тогда верни корыто дворфу, – процедил Ричард тихонечко, хотя не имел привычки трепаться сам с собой. Привычку эту ему не иначе как надуло здешним морским ветерком. – И вот тогда-то жизнь заиграет новыми красками.

Он пыхнул трубкой. Нахмурился. Пожалуй, его проблема в том, что он не умел отдыхать. Это, если подумать, походило на правду. Ну что ж, хороший повод научиться.

Ричард пустил ещё больше дыма, вынул мундштук изо рта, намереваясь вытряхнуть пепел, и только сейчас приметил, что к крыльцу его дома подступает некто в странных одеждах. Этого чужеземца, на чаандийца похожего, он уже видел сегодня, правда мельком и издалека; понятия не имел, проездом ли тот, или давно в деревне. Ричард видел, как он среди изб в компании того лысого сморчка-старосты прохаживался туда-обратно. И вот дошёл ажно досюда. Правда уже без старосты.

Остановился и взглянул на Ричарда пристально, а тот под этим взглядом так и застыл.

Такеда был человеком чести. Но честь разнится в различных уголках мира; у каждого народа и у каждой расы *своя* честь. Там, на родине, он уже давно позволил бы своему клинку вволю испить крови недостойных жителей этой деревушки; а последнему уцелевшему повелел бы отвести себя к господину этих земель, дабы лично пожаловаться ему, что презренные не одарили гостящего у них самурая должными почестями! Поступил бы так, потому что это правильно. Потому что так велит Кодекс. Но древний Кодекс мудр: учит он не только доблести, но и смирению. И раз Такеда – гость в этом краю, ему стоит запастись снисходительностью.

Он сам избрал для себя этот путь, прибыл искать среди этого невежественного люда той помощи, на которую соизволят расщедриться для него небожители. Помощи либо же гибели.

А ещё великий Кодекс побуждал его помнить, что не самурай он боле и что нет у него уже никакой родины. Всё, что осталось, – это воспоминания о былой чести, крупницы доблести в сердце да преисполненная жаждой отмщения душа. И ещё – господский меч.

Потому-то пришлось ему познать сдержанность. Впервые – с тем мальчишкой, которого он едва не отлупил за то, что тот посмел заговорить с ним, держа оружие наготове. И вот теперь снова, когда его – воина, – отослали к этому невеже просить крова, будто пса, которого никто в деревне не решился принять как гостя. Вот он и стоял у порога, не смея прервать глубоких раздумий хозяина.

– Эм-м... тебе чего, мужик? – выдавил Ричард, прервав затягивающееся молчание.

Такеда тяжело вздохнул. По-видимому, придётся ему привыкнуть к тем, что бестактность и неблаговоспитанность в этих краях сходилась за добродетель.

– Мое имя Такеда Кенши. Я самурай господина Такеши Сано-но-Такуми! – отчеканил он. «Бывший самурай. Да и господина ныне покойного», – этого он вслух не произнёс.

Ричард лишь кивнул с глуповатым выражением лица. Из всего сказанного он и слова разобрать не сумел, хотя чужестранец владел языком вполне сносно.

– Я пришёл просить у тебя ночлега, – продолжил Такеда. – И если моя нога оскорбляет твои владения, у меня есть, чем возместить неудобство.

– *Ноч-лег?*.. – спросил Ричард, всё ещё недоумевая. – А-а, ночлег! Да-да, конечно, есть в хате лишняя кровать. Чувствуй себя как дома!.. Хотя не, минутку обожди, будь добр, я кое-чего приберу. Кстати, меня зовут Ричард. Ричард Маганти.

Такеда сдержанно поклонился. Ричард же попытался ответить ему тем же, сложив при этом ладони, будто священник, сам не зная зачем. И затем сразу же поспешил домой, захлопнув дверь.

– Во чудак, – едва слышно заметил он. – Ну так хоть веселее будет.

Зачем-то забросив трубку в нечищенный горшочек из-под утренней каши, Ричард принялся наводить порядок в жилище. Собственные пожитки он ещё не разбирал, имел скверную привычку откладывать это на потом. Вот и взялся первым делом за снарягу. Для человека его жизненных взглядов и устоев, здоровая параноя являлась верной спутницей, и потому для начала он рассовал дюжину метательных ножей туда, где они бы не отсвечивали: под подушку, на печь, за тумбу... Почти в каждом углу у него припрятано по ножу. Вощёный кожаный жилет он повесил у входа, а рядом, припёртый к стенке, стоял тяжелый арбалет. Короткий меч – про-формы ради, ибо Ричард с ним управлялся как с веником, – покоился в ножнах на подоконнике, а неприметную сумку с тем, что пригодится если дела пойдут совсем уж худо, он задвинул под кровать. Ну и на этом всё. Прочее барахло пока так и осталось валяться по углам. Ричард пообещал себе всенепременно его разобрать, но уже чуточку попозже. И едва он вернулся к выходу, готовый позвать своего новоявленного соседа, как дверь сама с размаху распахнулась ему навстречу.

– Ой!.. – пискнула влетевшая девчушка. Ричард её признал, это та самая, которая утром так любезно взялась разнести испечённый им хлеб. Он ей ещё пару калачей сварганил. – С-сир Ричард?!

– Да, с утраца меня именно таким именем звали, – улыбнулся тот. – Правда, без этого твоего «сир», солнышко. Так меня ещё не величали.

Девушка тотчас же смутилась. Румянцем окрасились её щёчки.

– Ну так... чем обязан? – напомнил ей Ричард.

– Ох! Там это, старшие велели созвать вас ко столу, да поскорее! Угоститься и выпить.

– Ого, угоститься и выпить, значит? Это я завсегда, – не без удивления заметил Ричард. Здешнее непривычное радушие всё больше приходилось ему по нраву. – А повод каков?

– Так, дракон же в небе пролетал! Добрые знамения к добрым вестям вызывают!

– А-а, вот оно что. Ну что ж, хорошо, скоро подойду, гляну.

Довольная собой, девушка – Лея, кажется так её звали, – кивнула, махнув прядками волос, и поспешила выскочить за дверь, забыв даже попрощаться. «Ох, молодость», – подумал Ричард с улыбкой. Он снова прошёлся по своим разворошённым пожиткам, выудил расшитую жилетку из какой-то там заморской ткани и переоделся. Глянул в начищенную ореховую вазу, повернулся и тем боком, и этим, и, наконец, удовлетворённо кивнул. По его мнению, выглядел он вполне празднично.

Из вещей Ричард взял с собой только кисет с табаком. Огляделся в поисках трубки и... «Что за чертовщина такая?!» – воскликнул он, обнаружив её в горшке. Выхватил сразу же, но трубка вся оказалась перемазана остатками каши. А запасной-то у Ричарда и нет.

– Ох, невезуха, – проворчал он. Тут же выругался на себя за то, что опять размышляет вслух, оставил трубку на столе и вышел из хаты вон.

Такеда дожидался его на прежнем месте. Ричард про него едва не позабыл. Теперь понятно, отчего эта девчонка влетела в дом, будто пичуга, а затем так же и упорхнула. Перепугалась гостя.

– Ну что ж, проходи, приятель. Теперь мы соседи. Там в углу есть свободная кровать – её и занимай.

Чужестранец поклонился. Потянулся к шее и выудил оттуда связку причудливых монет на верёвке. В свете клонящегося к закату солнца сверкнули медь и серебро.

– Э! Не-не-не, так не пойдёт, – осадил его Ричард. – Давай-ка вот что устроим: я сегодня в добром расположении духа, потому ты считай себя моим гостем, договорились?

Ожидал улыбку или что-то наподобие того после таких-то слов, но Такеда в лице ничуть не изменился. Лишь кивнул, убрал монеты и взялся за вещмешок.

– Неразговорчивый ты парень, да? Ну да ладно, устраивайся пока, а я отожду.

Чаандиец – а для себя Ричард решил, что он именно чаандиец, раз помимо одежды ещё и деньги носил таким причудливым образом, – скрылся за дверью его дома. Пекарь вздохнул чуть свободнее. Нечему удивляться что этот чужак пришёл именно к нему искать крова; его неприветливость деревенских наверняка пугала. Интересным казалось другое: у самого Ричарда так-то не было ни единого повода с ним любезничать. Но это вроде как приятно, гостеприимство там, все дела... хотя раньше он за собой подобного не замечал и вообще предпочитал особняком держаться.

– Тьфу, холера! – тихонько выругался Ричард, пнув случайный камень с дороги.

Тут ведь вот какое дело: у людей его профессии – его *породы*, – отличать мнимую угрозу от угрозы всамделишной в порядке вещей. Друзей у таких, как он, не водилось, а значит и дружелюбие ни к чему. Мужик мужику либо старшой, либо шестёрка, либо компаньон, если общее дело есть. И спину свою каждый всё равно сам прикрывать должен. Вот и ему, Ричарду, нет бы сейчас на стрёме оставаться, а он с этого чаандийца ещё и плату брать отказался. Братва б не оценила...

Ричард опять потянулся за отсутствующей трубкой и снова выругался, вспомнив, что та дома осталась. Буйнотравье, по которому он шагал, то и дело лезло под штанину, щекоча щиколотку. Коль скоро он останется здесь надолго, надо б тропинку, что ли, протоптать.

«А-а, к чёрту!» – решил Ричард, выбрасывая из головы всё лишнее. Всякими философскими размышления он утруждаться никогда не любил; те напоминали ему, что не очень-то он хороший человек. И потому Пекарь сделал то, что делал всегда, когда его котелок забивался ерундистикой: ещё решительнее двинул туда, где наливают. К тому же гам весёлого застолья с каждым шагом лишь нарастал. Ну а когда кто-то из деревенских взялся за гусли и прочие музыкальные приبلуды, тут уж у любого в душе весёлость разыграется.

Настрой захлестнул Пекаря, как прибрежная волна, и понёс напрямик к столу. Там ему сразу и место нашлось, и в блюдо снеди в три яруса наложили, и кружку наполнили пенным до самых краёв; а стоило только заикнулся о курительной трубке, так Ричарду сразу предложили ажно четыре на выбор! Разномастных яств на столе оказалось не то чтобы много – в любой придорожной корчме за пару пятаков кормили лучше. Но не сытнее. Зато всеобщего радушия оказалось хоть отбавляй. Притом радушия искреннего, так его разэтак! Только огоньков разноцветных да дрессированных мишек и не хватало, а так бы вышла настоящая ярмарка! Местные веселились будто отродясь бед не знавали... ну, или, как если бы делали это в самый последний раз. Ну и это Ричарда подкупало.

Не чета угрюмым посиделкам в «Бочке», что прежде он считал за образчик хорошего времяпрепровождения.

Там-то заседали люди серьёзные, общались больше по делам, пили, топя в выпивке собственные прегрешения, и играли в карты, чтобы, проиграв, расплатиться за недоброе с судьбой.

Здесь же ничего подобного, но зато добродушнейшая компания людей, многих из которых он сегодня повстречал впервые, но которых – и Ричард мог бы свидетельствовать об этом даже на суде, – хорошо знал всю свою жизнь. Настолько вот пришлось по душе общество деревенских лиходею.

Не иначе как время кто-то розгами погнал, ибо полетело оно быстрее ветра.

Ричард пил, но не пьянел, смеялся, но глупцом себя не чувствовал, щедро делился рукопожатиями и похлопываниями, и – чёрт возьми! – наслаждался до того качественным табаком, какого ещё в жизни не пробовал. Самым простым и дешёвым, но одолженным у друзей.

Он ощущал себя уже в доску своим, да и пиршество потихоньку затихало, когда к столу подошёл ещё один приятель. Лысый мужичок с аккуратно стриженной бородкой и глазами цвета отражённого в морских водах закатного солнца. Ричард решил, что ему где-то лет за сорок и что он редкостный добряк и любитель отобедать, раз позволил себе отпустить такое брюшко.

Но к застолью новоприбывший присоединяться не стал. Аккуратно протолкнувшись мимо Ричарда, он перекинулся парой слов с другим бородачом и принял из его рук корзинку, доверху набитую всякой снедью. Ну и, поблагодарив, двинулся себе прочь.

– Э-э, друг! – окликнул его разомлевший Ричард. – А ты разве не посидишь с нами?

Тот обернулся прежде, чем прозвучал вопрос, и одарил Ричарда самой тёплой улыбкой, какую ему только приходилось видеть. Улыбкой прямо-таки святого, не иначе.

– Прости, славный Пекарь, – заявил этот добряк, после чего с трудом высвободил одну из рук и протянул её Ричарду. – Себастиан моё имя, рад с тобою познакомиться! Я бы остался, но меня ожидает старая травница наша, учусь я у неё. Ну и забочусь. Шумных застолий она не жалуется, сам понимаешь.

О ком шла речь Ричард не знал, но желание уклониться от шумной компании понимал, потому решил не настаивать. Пожал протянутую руку и кивнул в знак согласия, запоминая новое имя.

– Тогда бывай, добрый Ричард. Ещё увидимся, – кивнул Себастиан, перехватил корзинку поудобнее и удалился.

«Меня уже вся деревня знает», – приятно удивился Пекарь и обернулся к бородачу:

– А я уж грешным делом подумал, что не все на этот праздник приглашены.

– Да полноте! – рассмеялся тот в ответ. – Приглашены все! Все до единого! Мы токма свиней и псов от этой повинности-то и освободили...

Едва он это сказал, как один косматый пёс подбежал к столу с противоположного его конца и ловко стянул из чьей-то тарелки недоеденную сардельку.

– Ну... – продолжил бородач, почесав за ухом. – По крайней мере, свиней – уж точно!

И, громко рассмеявшись, попытался утопить себя в кружке, до краёв полной пенного. Ричард же поутих и принялся осматриваться по сторонам. Хоть ему и сказано, что приглашены все-все, но одного человека высмотреть в толпе никак не удавалось. Его нового соседа, чаандийца Такеду. Похоже, он остался тем единственным, с кем обошлись как со свиньёй. Наверняка не злонамеренно, а просто с непривычки. Но всё же...

Ричард, покачиваясь, поднялся из-за стола. В голову ему пришла преотличнейшая идея.

Такеда преклонил колени и опустился на коврик, постеленный прямо в поле, неподалёку от дома деревенского пекаря. Спина пряма как мировые столпы, пальцы причудливо переплетены в символ равновесия, а взгляд прикрытых глаз устремлён внутрь себя. Сейчас его тело

отрешалось от забот этого мира, сбрасывая те слой за слоем, как цветок сбрасывает лепестки. Одна из семнадцати дыхательных техник, описанных в Кодексе и именуемая «ветром воспоминаний», – начиналась так. Если душа воина пребывает в безмятежности, с её помощью он может вновь увидеть былое; вернуть мгновения, ушедшие навсегда, свидетелем которых некогда стал, и тем самым, возможно, лучше понять и их, и самого себя.

Если...

Великий Кодекс повелевает чтить *мгновения*. Каждый удар сердца, каждый вдох, каждое падение капли дождя. Отнять или потерять жизнь можно в миг взмаха крыльев бабочки; чтобы познать мудрость или уничтожить её на веки вечные, достаточно мановения руки. Единственная песчинка подчас отделяет правильный поступок от ошибки, и только лишь познавший эту грань обретает великую силу совершать выбор осознанно.

Так гласит Кодекс. Значит, так оно и есть.

Такеда вздохнул. Глубоко, неспешно. Находишься кто неподалёку в этот самый момент, – увидел бы, как травы и колосья склоняются пред этим дыханием, а вольный ветер огибает задумчивого чаандийца с почтением, ветру вовсе не свойственным. Но рядом никого. Лишь птицы в небе да безмятежные призраки в сухой траве.

«Ветер воспоминаний» не приходил; не утягивал его дух в омут тех событий, к коим Такеда взывал снова и снова вот уже долгое время. А всё потому, что не находилось в душе безмятежности. Её там не осталось ни единой крохи. Он сам её изгнал! Изгнал, как недально-видный правитель, погрязший в беспутстве. И исправить что-либо ему сейчас не под силу. Он тратил время попусту. Лишь его меч, покоящийся в ножнах у самых колен, тихонько скреже-тал в такт вдохам и выдохам хозяина. Вот он-то медлить никогда не желал.

Единственное, чего Такеда добился медитацией, это заранее услышал шаги идущего к нему.

Судя по тяжести, неторопливости и лёгкой, едва заметной неуклюжести, – это хозяин дома направлялся в его сторону. Но Такеда не услышал ни скрипа половиц, ни хлопанья входной двери. Человек, назвавшийся Ричардом Маганти, направлялся не к себе домой, но шёл именно к месту его уединения. Меч у ног Такеды едва заметно задрожал.

– Охо, наслаждаешься видом, как я погляжу! – с ходу заявил Ричард, плюхнувшись прямо на траву чуть в стороне. – А... у тебя глаза-то закрыты. Отдыхал, значит. Ну и... как оно тут в целом-то?

Такеда молчал. Ричард прицокнул:

– Ах да, ты же из этих. Из тех, кто словами попусту не разбрасывается... Уважаю, – покивал Пекарь. Помолчал немного, затем потянулся себе за спину. – Слушай, тут, в общем, недоразумение такое вышло, у деревенских там вроде как праздничное застолье, но ни одного свободного табурета и не осталось. Была парочка, да один сломали, а другой в костре на спор сожгли... Короче, дабы тут никто обиженным не оставался, я тебе прямо сюда немного съестного приволок. Чутка лепёшек вон, каши, мясца, ну и сыра козьего – куда ж без него-то, родимого? Дай, думаю, угощу нового соседа...

Не помнил Ричард, что б хотя бы раз в жизни слова ему давались с таким трудом. Будто каждое из них в смоле или патоке перемазано, потому и то к языку липнет, то за зубы цепляется. Да и чаандиец этот: как молчал, зараза, так и молчит! Может, не понимает? Пекарь тогда сам взял одну из лепёшек, макнул её в варенье и откусил кусок. И, как назло, тут же поперхнулся.

– Кха...тьфу, холера её раздери! – начал он, отплёвываясь, но тут же и замер.

Гость его наконец приподнялся, шумно вздохнул, – кажись, усмехнулся даже, – и потянулся себе за спину. Ну и вытащил из-за спины не что иное, как его – Ричардову! – курительную трубку. Чистую от комочков сохлой каши.

– Услуга за услугу, – промолвил Такеда, и хотя на его лице не играло в тот момент никакой улыбки, она явственно слышалась в произнесённых словах, невзирая на непривычный говор.

Ричард удивился, но трубку принял. Отвернулся, выплюнул остатки лепёшки, откашлялся в кулак и со знанием дела принялся её рассматривать, вращая так и эдак; проверяя, всё ли в порядке. Конечно, дарёному коню в зубы не смотрят, но он хотел удостовериться. Грешным делом, позволил себе думать, что чаандиец, по незнанию, вполне мог просто ополоснуть трубку... да хотя бы вона, в бочонке с дождевой водой! Трубке такое на пользу не пойдёт; пользоваться можно, но это уже не то будет.

Но, оказалось, нет. С трубкой обошлись мастерски, иначе и не скажешь. Не только снаружи вычищена, но и внутри нагар весь соскоблён. Притом аккуратно, ни одной трещинки, царапины или потёртости Ричарду на глаза так и не попало. Новых, по крайней мере. И мундштук подрезан как надо. Он и сам бы лучше не справился.

Ричард усмехнулся недоверчиво и не без труда оторвал взгляд от своей старенькой трубки. Хотя теперь-то её вполне можно назвать почти что новой.

– Это... что же получается? – выдохнул он, не зная, как и благодарить Такеду. Может, кому-то такой подарок и показался бы мелочью, но для него это самое то.

Такеда же вновь улыбнулся, потянулся под полу коврика и достал из-под неё небольшой ларчик. Раскрыл его. Внутри Ричард увидел пару курительных трубок – простецких на первый взгляд и формы странной, но сделанных если не мастером, то уж точно с душой; там же несколько взвесей табака, шомпол для чистки, ножик для нагара и ложечку-топталку ни то из рога, ни то из кости. Всё чистенькое и упаковано аккуратно.

Это уже не курительный набор странника, а настоящий реликварий. Видать, чужестранец оказался настоящим знатоком этого дела. Редкая удача, встретить такого ценителя.

Ричард, глядя на эдакую красоту, присвистнул с неподдельным уважением. Продул свою трубку, закусил мундштук, достал из кармашка кисет и, расплывшись в улыбке, задал самый важный для сегодняшнего вечера вопрос:

– Подымим?

Так они и поступили. Устроились на крыльце дома, чуток перекусили, опрокинули по одной, а после хорошенько забили трубки. Ну и пошла беседа. День уже клонился к закату, погода обещала гром и молнию на всю ночь, а они просто наслаждались спокойным вечером, перетирая всякую всячину. То был разговор ещё не между друзьями или товарищами, но уже вполне себе добрыми знакомцами. Пустой в сущности, но душевный. Всё лучше, чем держаться особняком. Ричард убедился, что чаандиец – новое лицо в деревне, а раз так, то ему точно не повредит и крыша над головой, и добрая компания. Вместе-то оно всё веселей.

«Не так уж тут и плохо, – наконец заключил для себя Ричард, любясь всполохами молний на горизонте. – Да и не так скучно. Дело привычки». Сам же он окончательно уверился, что приехать сюда было хорошей идеей. У него появился интересный знакомец, местные – сплошь рукопожатный народ, и даже один паренёк, что отправился до города с местным забавным святошей, и тот весело помахал ему, Ричарду, на прощание. Преисполненный этим радушием, Пекарь махнул ему вслед, пожелав про себя доброй дороги. Денёк в конечном итоге выдался самое то. Лучше просто некуда.

Ричард Маганти оттолкнулся от крыльца своего дома и добротнo так потянулся. Аж до хруста где-то в груди, – настолько отчётливого, что вполне мог бы спугнуть спящего на подоконнике кота или заинтересовать лекаря-костоправа. Пора бы уже и на боковую. Час поздний, вовсю накрапывал дождик, да и мягкость своей новой кровати он ещё не успел опробовать.

Досадное упущение, надо бы исправить. Такеда отлучился в деревню, вроде как за колодезной водой, но Ричард решил, что нет нужды его дожидаться. И в честь этого изменил одной из своих привычек, оставив входную дверь незапертой. В конце концов, ничего ведь не случится, верно? Да и настроение у Ричарда оставалось настолько хорошим, что ограбь его кто-нибудь этой ночью, и поутру он выйдет на улицу с требованием вору обязательно выпить за его здоровье, раз уж теперь есть на что.

Улыбнулся при этих мыслях. Нет, конечно, Ричард не собирался терять бдительности и «раскисать», как бы не преминули про него сказать некоторые его приятели, просто... Просто раз уж его увольнительная *оплачена*, вот он и решил наслаждаться ею в полной мере, не отказывая себе ни в чём.

«Может, тогда и колодец себе поближе выкопать? – пришла Ричарду здравая мыслишка. – Всё удобней, чем всякий раз бегать до деревни. Можно выложить его, скажем, здесь. – Он ткнул пальцем в поросшую одуванчиками опушку, чуть в стороне от хаты. Указывал не для кого-то конкретного, а просто так, для себя самого. – Или, может, вот здесь? Или там? А ещё неплохо бы колодец смотрелся близ... А это что ещё за чертовщина такая?!»

Ричардов палец указывал аккуратно в сторону дороги, что вела вон из Падымков. И там, особенно при всполохах далёких молний, что-то да вырисовывалось. Ричард сплюнул, по старой привычке отёр руки о жилетку и подошёл на шаг ближе. Прищурился. Гвардейская снаряга, точняк – она, *родненькая*. Веселый и добродушный Ричард тотчас же испарился, а вместо него на крыльце дома встал Пекарь из Гринлаго, смурной и матёрый мужик, с кем меньше всего хочется без особой нужды задирааться. Ничего на это прямо не указывало, но гвардейский разъезд он с ходу принял на свой счёт. И будь у него, как у кота, шерсть на загривке, она бы уже ершом топорщилась.

Ричард ещё раз сплюнул, развернулся и зашёл в дом. Дверь за собой захлопнул и запер на засов. Затухил масляные коптилки, загасил печь, которую получасом ранее решил растопить, и на всякий случай проверил, легко ли открываются оконные ставни с противоположной от входа стороны. После чего переоделся в более удобное, набросил вощённый жилет и устроился наблюдать за дорогой; так, чтобы незваных гостей видеть наверняка, но чтоб никто не заприметил его самого в окне. Заранее нацепил тетиву на арбалет. И приготовился ждать, что же будет дальше.

Такеда тем временем спустился в деревню и направился к колодцу. Он уже достаточно исходил здесь за сегодня, мотаясь в поисках ночлега, и знал куда идти. На плече его болталось коромысло, а тройку пустых покамест вёдер он нёс в руке. Местные уже не таращились на него с таким возмутительным интересом, как раньше, хотя в этом он находил для себя мало радости. В любом случае ему не пристало задерживаться здесь надолго. Дорога берёт своё начало под ногами идущего.

А вот наконец и колодец возник на его пути. Даже незамысловатость конструкции бередила его чувство прекрасного своей безыскусностью. Простая яма в земле, обложенная жжёным камнем. На родине Такеды колодезь являлся местом глубокого почитания сил природы, местом созерцания, покаяния и праведного глубокомыслия; его не выкапывали где попало и не украшали чем придётся. Только что толку сейчас об этом вспоминать?

Такеда отмахнулся от невесёлых раздумий и подошёл ближе. Отложил коромысло в сторону, поставил вёдра на землю. Взялся за рукоять колодезного ворота, но едва начал проворачивать, как заметил нечто серебристое и на диво стремительное, что шмыгнуло прочь от его взгляда, скрывшись за каменной кладкой. Не далее чем в трёх шагах. Зверёк какой, с пушистым не по погоде хвостом и окрасом донельзя странным для этого времени года. И этого края. А может, показалось?

Такеда отпустил ворот и шагнул посмотреть. Обошёл колодец кругом, но никого не обнаружил; на влажной почве не осталось даже следов лап. Он здесь один. Чаандиец выпря-

мился, огляделся. Серебристый всполох, словно то бахрома шёлкового шарфа или хвост зимней лисицы, мелькнул за амбаром и тотчас же исчез. А миг спустя что-то бряцнуло в том самом месте. Такеда двинулся следом.

Он подошёл к стене амбара и заглянул за угол. Никого. И никаких следов опять же, хотя в притоптанной траве сложно разглядеть наверняка. Брякнула же, очевидно, зазубренная тятка, что выпала из-под козырька для инструментов. Такеда наклонился к ней, и с одного из зубьев стянул комочек серебристо-серой шерсти. Помял его в пальцах, отчего тот легко распался в прах и пепел, затерявшись среди капель дождя.

А ведь он уже видел такой однажды.

В тот день, когда лишил себя чести и всякого воинского достоинства. Когда сбежал из-под стражи, убив своих тюремщиков, выкрыв изъятый меч и покинув город своих отцов под покровом ночи; навсегда тем самым заклеив позором и своё имя, и имя рода. Он разглядел серебристый всполох на пристани. Последовал за ним, понадеявшись, что это свет путеводной звезды либо же клинок духа мщения, а после нашёл кусочек ободранного о ржавый гвоздь меха, что так же распался в его пальцах пылью потухших светил. Гвоздь этот торчал из трапа, ведшего на торговое судно. Но быстро выяснилось, что не торговцев, а контрабандистов. Те вышли к нему навстречу и спросили, чего ему надобно?

– Бежать отсюда, – ответил тогда Такеда.

– Чем платишь? – хмуро спросили они.

И Такеда отдал им свой фамильный клинок.

Кто-то выругался неприлично. Чаандиец поднял голову и увидел неподалёку от себя местного старосту. Тот навьючивал лошадь – единственную во всём селении – и скверно ругался, выискивая что-то в седельных сумках. Присмотрелся Такеда и тут же замер, захлопнув рот на замок. А чуть погодя выдавил из себя улыбку, что выглядела кислее незрелых плодов лимонного дерева. Такеда пожал плечами, поднялся и отвернулся.

И тут к нему подбежал один из местных:

– Беда, господин! Какие-то лихие люди к нам пожаловали! – громким шёпотом затараторил он. – Там наши за вилы и луки-то взялись, но может и вы нам подсобите? В долгу, будьте уверены, не останемся, всей деревней соберём для вас добра...

Такеда даже немного удивился, хотя и не подал виду. Тараторящего без умолку деревенщину он заставил замолчать единственным взмахом руки. Оглянулся на старосту, но тот уже исчез с глаз долой; только его навьюченная кобылка осталась на привязи.

Меч на поясе Такеды задрожал и тихонько заскрежетал об оковку ножен. Он сильнее прижал его рукой, заставив замереть. Местный житель оказался перепуган не на шутку, а значит не врал; да и деньги не помешают. Ну а если повезёт, он найдёт для себя кое-что получше – достойную гибель в неравном бою. Щедрое предложение от небожителей, он его не упустит.

– Веди, – ответил Такеда голосом, заставившим беднягу содрогнуться сильнее.

Но всё же тот пересилил себя и повёл чужеземца к месту разгорающегося конфликта.

– Чёрт бы вас подрал, – выругался Ричард, глядя в просвет зашторенного окна.

Шут его знает, когда об этом допёрли местные, но вот он быстро прочухал, что никакие это не гвардейцы. Да они и не особо-то старались это скрывать. Видать, по дороге сюда совсем заколебались, проголодались и, как следствие, оскотинились. Завалились в деревню толпой человек примерно в сорок; кто им под руку попадался – пинками разгоняли. Кричали, ругались, жрачки и выпивки требовали да старших к себе на поклон гнать велели. Всё ещё прикрывались гвардейскими нашивками, но скорее уж шутки ради. Мерзавцы, с какими даже Ричард со своей братией дел предпочитал не иметь; дезертиры или что-то типа того. В том же Гринлаго их бы уже трижды под орех разделили, а из костей клей бы сварили. Дураков там не терпели.

Стоит правда отдать должное, деревенские тоже оказались не промах. Может, самогон, пиво и мёд им в головы ударил, но скорей уж они сами по себе такая дружная и сплочённая

община, раз едва начались беспорядки, – все как один высыпали навстречу угнетателям. И топоры с вилами прихватить не забыли. Ричард ещё приметил группку охотников, что устроили себе место для беседы чуть в стороне; а луки с размотанными тетивами у них под рукой примостились как бы между делом. «Достойно, – подумал Ричард. – Весьма достойно». Вот только всего этого может оказаться недостаточно. Сотни с гаком подвыпивших мужиков и баб с вилами и ножами против примерно сорока головорезов в доспехах и с оружием; да ещё и тот здоровяк с непомерным мечом среди них. Пекарь на селюков бы не поставил ни гионы. Быть тут побоищу, коль они скоро не договорятся.

Сейчас вроде пытались весь этот конфликт перетереть, но вот если местные держались вполне чинно, то главный у дезертиров орал и бранился как в борделе на все деньги. Всячески нарывался на драку, бахвалился, сквернословил, матерей вспоминал. Ну а когда к нему ещё и того несчастного старосту приволокли, тот начал что-то лепетать и тут же в рожу схлопотал, то всё стало ещё хуже.

– Чёрт, пора валить, – напомнил себе Ричард. Вспомнил старую шутку про «куда» и «кого».

Слова эти он повторял уже раз пятый или шестой. И всё равно не двигался с места. Не имел он привычки впрягаться в заведомо проигрышные драки, как и заступаться не за собственные интересы, и вроде бы уже ногй его не должно быть в этой деревне, – по крайней мере, пока всё не уляжется, – но он всё сидел и смотрел, как пойдут дела дальше. Подходящего момента дожидался...

Вот только, подходящего момента *для чего?*!

Ричард оглянулся на сумку под кроватью, словно та вот-вот бы ему сама ответила, как лучше поступить. Но сумка, ясное дело, молчала. Скрытую внутри дорожную алхимию следовало беречь, как зеницу ока, а не разбазаривать на всяких деревенщин с их – сугубо их! – личными проблемами. Может, они задолжали тем мордоворотам? Тогда ведь всё честь по чести тут творится... Но ведь местные – отличные ребята! Они его к столу позвали. Они за его здоровье выпили. И он ведь тоже с ними пил и братался. Да, это единственный раз, но ведь и он чего-то да стоил!

Ричард нахмурился до боли в переносице и вновь обратился к окну. Даже не удивился, когда увидел среди толпы деревенских Такеду. Тот, как дурак, вышел вперёд, что-то коротко прокричал и положил руку на меч. Дезертирские арбалетчики тотчас же буднично обступили чаандийца и взяли на мушку.

– Ну вот, явился не запылится, – прохрипел новый пекарь Падымков, глядя на своего соседа. – Что же ты, дубина, творишь-то, а? Ну не в своё ж дело лезешь, оно тебе надо...

Ричард ажно до скрипа упёр руки в подоконник, – ещё немного надавит и тот точно треснет. Какого спрашивается лешего этот узкоглазый туда попёрся?! Ладно, у тамошних негодяев с местными какие незаконченные дела остались, – это Ричард понимал и вполне себе принимал, – но этот-то чужеземный дурень сейчас голову сложит не за ломаную черную... ещё и поножовщину тем самым устроит! Подоконник заскрипел ещё жалобнее.

– А-а, падла ты эдакая! – зашипел Пекарь. – Я об этом точно пожалею!

Он подпоясался мечом, зарядил арбалет, зажёл масляную копилку и хорошенько набил трубку табаком. Так, что аж через край посыпалось. Основательно запалил табак. Курить Ричард, ясное дело, не собирался – не ко времени, да и трубке после такого конец. Края её прогорят безнадежно, их будет уже не обчистить. Нет, ему просто-напросто нужен огонь, который не занимал бы рук. Зажав мундштук в зубах, Ричард полез под кровать за сумкой.

– Я тебе последний шанс даю, погань ты заморская: в сторону живо отошёл! – крикнул командующий всех этих недостойных, но Такеда и не подумал сдвинуться с места.

Крикун был громок и охоч до брани, – пожалуй, даже хорошо, что Такеда далеко не всё сказанное понимал, – и тем не менее он, по-видимому, пользовался у своих людей авторите-

том. А значит, чего-то да стоил. Значит, недооценивать его неразумно. Впрочем, этот крепко сбитый, уродливый, пучеглазый старик, чьи седеющие бачки вились подобно свиным хвостам, мало его заботил. Едва выступив из толпы местных жителей, Такеда с ходу наметил, кто в действительности достоин его внимания: внушительного мужа с обритой головой, не в меру громадным мечом и маской умелого и глухого к мольбам воина. Вот кто ему нужен. Вот та сила, которую он может одолеть, чтобы закончить это сражение до его начала.

Его-то он потребовал на поединок.

Если Такеда преуспее, этот конфликт удастся загасить малой кровью. Такие дела достойному человеку должно решать честью и мастерством клинка. Так его учили. Так он и поступал всю жизнь.

– Ну всё, хорёк, ты довыпендривался! – прохрипел командир. – Стрелки!..

Но едва он поднял руку, как тот самый величавый здоровяк толкнул его – вроде как случайно плечом задел, – проходя мимо и перебрасывая свой могучий меч с плеча на предплечье.

– Что за... Сэндел! Какого чёрта ты творишь?! – взревел командующий, но пускай он и суров по своей натуре, а от взгляда обернувшегося на него здоровяка онемел.

– Эй, главный, – просипел ему названный Сэнделом. – Мы ж вроде договаривались, помнишь: никаких имён. Таков уговор. – И улыбнулся ещё шире своей беззаботной, счастливейшей улыбкой. Затем кивнул в сторону чаандийца. – Этот мой. Без разговоров.

Командующий скривился, что выглядело так, будто ему не посчастливилось прикусить язык. Со звяканьем ламеллярных наручей он сложил руки на груди и медленно, с неохотой кивнул, мол: «чёрт с тобой, развлекайся». Но едва Сэндел от него отвернулся, как старик пома-нил к себе одного из своих людей и тихонько распорядился, так, чтобы лишь он-то его и слышал. Тот, выслушав, едва заметно кивнул и отошёл в сторону, тотчас же растворившись среди прочих бойцов. Арбалетчикам был дан приказ готовиться к залпу по вздумавшему героизмовать чужестранцу.

Сэндел тем временем выступил вперёд, махнул Такеде, упёр свой меч ножами в землю и принялся неторопливо натягивать дуэльные перчатки. Позёр, но оттого он казался ещё опаснее, и никто не смел его поторопить. Как только дело было сделано, здоровяк сложил пальцы домиком, скрипнув мягкой кожей, выдернул ножны из грязи и одним изящным движением высвободил меч. Низко присел, широко расставив ноги, а волнообразный клинок водрузил себе на плечо, высоко подняв рукоять. Принял боевую стойку и замер, готовый к потехе.

– Начнём, – кивнул он, будто речь шла о партии в дворфью горку.

Такеда, однако, свободу клинку давать не спешил. Редкие крупные капли дождя разбивались о плетёную шляпу, но сам он оставался недвижим. Ждал чего-то? Кто знает. Но с первым же раскатом грома он всё же выхватил меч, и движение это оказалось до того стремительным, что всякий, кому посчастливилось не моргнуть в тот миг, подумал, будто это молния застыла у чаандийца в руках. По толпе деревенских прокатился изумлённый вздох. Дезертиры же неприятно подивились.

Дуэлянты замерли друг напротив друга, готовые к бою, дожидаясь одного лишь им ведомого сигнала. Мгновения растянулись в звенящие от напряжения струны, а небо гремело и рыдало, предвещая чью-то скорую гибель. Чью?

Протяжный посвист, что взвился над головами собравшихся, показался лишь немногим тише терзавших небо грозовых раскатов. Все разом – и дезертиры, и местные, и дуэлянты, и даже псы с крысами, что оказались неподалёку, – обернулись на этот звук. Ричард вынул пальцы свободной руки изо рта и ткнул в собравшихся взведённым арбалетом. Дымящая трубка у него в зубах то и дело шипела и шкварчала от падающих в жерлице капель ненастья, а у ног растянулось бесчувственное тело одного из дезертирских стрелков.

Перетянув трубку из одного уголка рта в другой, Пекарь окинул прищуренным взглядом всех собравшихся. Лицо его при этом выражало куда большую смелость и решительность,

нежели та, что в действительности ощущалась внутри. Помнится, когда он шёл сюда, никем не замеченный, ибо все взгляды к себе приковали дуэлянты, – в голове у него возникла добротная, язвительная речь, которая как нельзя лучше подошла бы ко всей этой сваре. Сейчас же он, хоть убей, припомнить её даже в общих чертах не мог.

– Я вижу, – начал Ричард, облизнув пересохшие несмотря на дождь губы, – у нас сегодня ярмарка! Иначе б откуда ещё тут взялся стольким шутам гороховым?! Вот только час уже поздний, господа хорошие, так что берите-ка вы ноги в руки и валите отсюда подобру-поздорову! Надеюсь, в головах у вас достаточно мозгов, чтоб не лезть на рожон и дальше?!

Произнеся всё это на едином дыхании, Пекарь едва не задохнулся; а последующий вдох у него вышел прерывистым и шумным. Никакой желаемой реакции его слова, увы, не произвели. «Ну всё, – подумал он. – Дело дрянь!» Сейчас его, как ежа, утыкают стрелами и болтами, порубят в капусту мечами и секирами, а дурную его башку насадят на пику и будут в разверстую пасть рыбы косточки на спор забрасывать. Так себе участь. А потому, не опуская арбалета, Ричард свободной рукой вытянул из сумки фиал с алхимическим варевом, поднёс к лицу, пыхнул трубкой и запалил тянувшийся прямо сквозь пробку фитиль.

– Знаете, что это?! – поинтересовался он, поднимая фиал повыше, чтобы каждый точно видел крысиный хвост фитиля, занятого белёсым искристым огоньком.

Вот только они не знали. Никто из них. Ричард по глазам это видел.

Сам-то он от алхимии оставался далёк. Это прошаренные люди его убедили, что мутная золочёная эссенция должна одним своим видом отпугивать непрошенных гостей и всяческих злопыхателей. Особенно дворфов. Но, похоже, на этот раз что-то не сложилось. Только сейчас в голову Ричарда закралась пренеприятнейшая мысль, что его могли и надуть, и в руке он сейчас сжимал разбавленный мёд с блёстками. Беда, если оно и вправду так.

Оставалось только держать суровую мину, авось прокатит.

Дезертиров его серьёзность и опрометчивость нисколько не впечатлила. Все они глядели на Ричарда, как на пугало. А затем командир отрывисто рыкнул: «Взять ублюдка», и в воздухе запахло расправой. Хорошо ещё приказал «взять», а не «грохнуть». Девятеро вояк выступили из толпы и двинулись прямо на него. Несмотря на выставленный в их сторону арбалет, шли уверенно; об участии бесчувственного товарища, которому Ричард вполне мог глотку перебить хорошим пинком, – также не заботились. «Ну, Гайо в помощь», – подумал новоявленный пекарь Падымков, поцеловал фиал на удачу и метнул его в толпу. Тут-то и началось.

Сам фиал невелик, а запал успел прогореть лишь наполовину. На него толком и внимания не обратили; на подлёте один из дезертиров отмахнулся от этой скляночки, как от назойливой мухи. И это стало его величайшей за всю прожитую жизнь ошибкой. Последней. Фиал не просто разбился, но лопнул, расплескав золочёное содержимое во все стороны. И без того яркие бусины состава быстро охватило пламя с фитиля, и тут же они запылали, аки раскалённый добела металл. Попали на доспехи и оружие, кожу лица и рук. И принялись безудержно жечь.

Сперва дезертиры закричали – от удивления и испуга. Затем взвыли – от боли. Каждый на свой лад попытался смахнуть с себя неведомое наваждение, но лишь сильнее размазывал. Пробовали сорвать доспехи и одежду, но никак не получалось им высвободиться. Раскалённые капли тем временем зафырчали и заискрили; замерцали так ярко, что на несчастных невозможно стало смотреть. Даже доспехи эта напасть прожигала с той же лёгкостью, с которой вода вымывает песок.

Тут ещё и нестерпимая трель ударила в уши, и вопли, как и гроза, потонули в ней без остатка.

Благо, продлилось это недолго. Три, может, четыре удара сердца. Не более.

В очередное мгновение всё – и безудержный свист, и крики, и шум дождя – стихло, всполохи прекратились, и поляну, где страдали несчастные, накрыло вспышкой и грохотом такой силы, что кто рядом стоял, тех опрокинуло навзничь! Будто это земля ответила грозовому

небу собственными громом и молнией. А как прояснилось, то все увидели: не стало этих девяти-терых дезертиров. Выкорчеванную в земле дымящую рытвину украшал лишь вываренный и выплавленный шлак; на раскалённых камешках и алых стальных обломках шипели, испаряясь, капельки дождя.

Ричард, как только эхо стихло, одним из первых овладел собой и поднялся. Скорее от шока, нежели от большой смелости, он выудил из сумки ещё флакон, побольше. С тем же составом. Хотя сейчас ему неимоверно хотелось выбросить и его, и сумку к чертям собачьим! Вон в чернеющем за клифом море этому ужасному вареву самое место.

После того как у всех в ушах звенеть перестало, воцарилось донельзя напряжённое, тяжёлое молчание. Никто не смел ничего предпринять, боясь, что лично он шевельнётся и тем самым других наверняка спровоцирует. Но каждый блуждающий взгляд неизменно поглядывал на злосчастный флакон. И получалось так, что на Пекаря смотрели чаще всего. Будто он тут теперь самый главный.

Сам же Ричард главным быть не хотел, особенно сейчас, но раз на него смотрят – пришлось вспоминать, что язык во рту не только чтоб квас лакать. Собрал всю волю, какая у него осталась, и крикнул:

– Лучше нам на этом и закончить! Как думаете?!

Ну а в довесок к сказанному пыхнул трубкой, что аж искорки во все стороны прыснули беспокойными светляками. Тут ещё и гром грянул, и шквал налетел. К драке погода явно не располагала.

Дезертиры после такого окончательно свой задор растеряли. Один за другим они оглядывались на командующего. Приказа ждали. Вряд ли хоть кто-то из них помышлял о том, чтобы ринуться в бой или как-то там бахвалиться. Молчали все. Только дождь барабанил по влажной земле, да где-то в деревне ржала перепуганная шумом лошадь.

Престарелый командир прочистил горло и смачно, с вызовом, сплюнул. Так, что и дураку станет ясно – проигрывать он не любит стократно сильнее самого заядлого картёжника. «Валим», – громко и отчётливо скомандовал он, и столько в этом слове плескалось ядовитой угрозы, что ведра не хватит собрать. Его дезертиры подчинились беспрекословно.

– Эй, главный, – подал голос Сэндел, что по-прежнему, с мечом на изготовку, стоял напротив Такеды. Эти двое выглядели так, будто и конец времён не стал бы им помехой, чтобы скрестить друг с другом клинки. – Мы что, уже уходим? А как же дело?

У командующего дезертирами разве едва пар из ушей не пошёл.

– А ну делай, что велено, наёмник! – бросил он не оборачиваясь.

– Ха! Ладно, делаю, – просипел Сэндел в ответ.

Он выпрямился, сломал боевую стойку, воздел лезвие своего могучего меча к небу и картинно рубанул воздух, смахивая дождевую воду. Хотя она сызнова залила клинок.

– Жаль, что нас прервали, – усмехнулся он, иронично воззрившись на Такеду. – Ну так что, до следующего раза?

С этими словами наёмник полез куда-то за подкладку, выудил крупную серебряную монету грязной чеканки, с мелодичным звоном подбросил её, поймал, чиркнул ребром о лезвие, высекиши искру, и бросил чаандийцу прямо под ноги.

– Это за беспокойство, – усмехнулся Сэндел и двинулся прочь.

Такеда упёр лезвие в стальную оковку и со всем почтением вложил клинок в ножны. Лучший бой – тот, которого не случилось. Однако он ощущал гневное нетерпение меча, передающееся и ему. Кодекс требовал провести ритуал умирения того оружия, кое пробудили по недостойной причине, но этот мятежный дух едва ли упокоится так легко.

На брошенную монету чаандиец, ясно дело, даже и не взглянул. Деревенские тоже то место стороной обходили, будто оно запаршивело; хотя кто-то всё же пнул треклятый серебряник в лужу, где тот и скрылся. Никто в Падымках на него не позарился.

Ричард, когда дезертиры скрылись за ближайшим изгибом дороги, выдохнул так, будто из бочонка с забродившим игристым пробку вынули. У него аж в глазах потемнело, и, если б флакон с алхимическим варевом не покоился у него в руке, и он бы не боялся до чёртиков его уронить, – так бы и завалился поверх оглушённого арбалетчика.

Ах да, ещё ведь тот арбалетчик!

Ричард удивлённо воззрился себе под ноги. Бесчувственное, но живое тело валялось прямо здесь. Видать, его дружки решили, что тот уже не жилец. Пленник, получается. Может, расскажет чего интересного?

Бедняга застонал, вроде как попытался открыть глаза, и Пекарь хорошенько приложил его башмаком по лицу. Пускай пока ещё поспит, а то ночь впереди долгая.

– ...И вот, значит, стоит он с этой грязной огромной морковью в руке, землёй на пол крошит и говорит: «Со своей дочерью я как-нибудь сам разберусь!» И морковью трясёт так угрожающе, как дубиной! Я же в этот момент только-только в окно залезаю: вижу морковь, вижу дочь, красную с лица, как помидор перезрелый, и вижу, значит, этого её любовничка, который в ужасе на морковь тарашится! Ну и решаю лезть обратно...

Дальше Ричард мог не продолжать. Местные и без того вовсю хохотали, пряча рты кто за ладонью, кто за рукавом, чтобы не так громко было. Ну как «вовсю»? Насколько чистосердечно можно веселиться после того, как на глазах у тебя девятерых людей превратили в оплавленные головешки, а твоих родных и близких едва не предали ножу, – настолько и хохотали. Ричард же продолжал хохмить: где всамделишную какую историю расскажет, где приукрасит чутка, а где и целиком наврёт. Главное же, чтоб веселее было.

После случившегося у него до сих пор дрожали руки.

Им с Такедой этой ночью почестей досталось с лихвой. И по плечу их похлопали, и подарков всяких мелких надарили, и деньжат отсыпали. Конкретно на него ещё и местные девицы, что в самом соку, поглядывать взялись; чаандийца пока сторонились, побаивались. Вот только от всего этого на душе не становилось спокойнее. Рассвет нескоро.

– А вот ещё забавная история случилась! Как-то раз мы... О-у!.. Премного благодарен, – начал Ричард, но отвлёкся, когда одна из девиц – дородная, что бурёнка, – подала ему кружку горячего эля. Он её с радостью принял. Он же теперь *герой*.

– Нравится? – поинтересовалась прелестница, пряча смущение за улыбкой.

Ричард кивнул. Кивнул, потому как со всей поспешностью прильнул губами к напитку. Знал, что за первым словом последует и второе, и третье... и что тогда он до самого утра не сумеет от неё отделаться. А сейчас оно как-то совсем несподручно.

Задняя дверь амбара, возле которого они стояли, вдруг отворилась, грохнув о косяк. Все тотчас же смертельно посерьёзтели. Девахи и след простыл.

– Ну, как оно? – хмуро поинтересовался Ричард.

Вышедший здоровяк – один из местных охотников – задрал голову и выдохнул паром в ночь. Принялся стягивать с рук тронутые кровью обмотки, сварганенные наспех из крепёжных ремешков. «Нормально», – только и послышалось от него. Ричард вручил ему кружку эля, и тот с ходу осушил её на добрую половину. Роль палача изнуряла.

Здоровяка звали Гарки. Когда дезертиры ушли, почти все деревенские мужики и едва ли не треть баб собрались, чтобы думать, как дальше поступить. Когда под боком такие соседи – спокойно в своей кровати не поспишь. Первым делом вознамерились допросить пленника, но тот наотрез говорить отказался. Только орал, что им это с рук не сойдёт, угрожал, сквернословил, плевался и кашлял, будто больной чахоткой. На деле просто слюнями давился.

Язык ему решили развязать во что бы то ни стало. Тянули жребий, а крепкий широко-костный Гарки почти сразу добровольцем вызвался. Не от большой охоты размять кулаки, как догадался Ричард, а по общей нужде.

Утерев подбородок рукавом, здоровяк вернул кружку. Обмотки, хоть и были это вполне ещё годные ремни из добротной телячьей кожи, упали в грязь прямо к его ногам. Дождь сошёл на нет, гроза ушла за море, но по-настоящему просохнет только к утру.

– Э-эй, Гарки! Ну, что там, много рассказал? – спросил один их мужиков.

«Эдакий дуралей, – подумал про него Ричард. – Осадил бы, пускай здоровяк оклема-ется».

Хотя ему и самому интересно до чёртиков.

– Нет, немного, – покачал головой Гарки. – Но, если кто меня спросит, думаю, рассказал он всё, что знал. Говорит, что им заплатили – и не мало, – чтобы они тут шороху навели. Рассказал, что Брутова сына и священника эти гады повстречали на дороге, но, говорит, трогать не стали. Только шугнули слегка. И поведал ещё, где лагерем встали.

Ричард припомнил весельчака-священника и парнишку, который махнул ему на прощание. Значит, это сын некоего Брута; а если он не попутал имён, то этот Брут здесь на хорошем счету. Второй человек на деревне, если не первый. Ну а нынче же, когда оказалось, что тот сморчок-староста на своей кляче ускакал в ночь, как трус последний, – уже точно первый.

То-то старикан Пекарю сразу не понравился. Дёрганный больно, как крыса.

– ...Пока суть да дело, он, как заведённый, твердил, что всамделишный гвардеец и что всем нам за такое с ним обращение головы поснимают, – продолжал меж тем Гарки. – Врёт поди. А ещё плакался, что, дескать, согласился на это дело, потому как деньги ему нужны на лечение больной матушки. Он у неё один-единёшенек, говорит, остался.

– Тыфу ты! Таких послушать, так всё зло в мире ради больных матушек и совершается! – выругался Ричард. А ведь он и сам не раз подобной ложью прикрывался.

Мужики, хмурые, как те тучи, что уплыли за море, согласно покивали. Ну и решили помолчать немного. Каждый думал о своём; кружка с пока ещё тёплым элем пошла по рукам. Нужно как-то согреться пока суть да дело.

– Ну а... что теперича делать-то станем? – поинтересовался тот из толпы, любопытный.

А ведь это, чёрт возьми, хороший вопрос! Все они узнают ответ на него менее чем через четверть часа, когда каждого жителя Падымков старше отрочества созовут на совет. Пришли все; лишь старая деревенская травница и её провожатый отсутствовали. Ричарда и Такеду туда так же пригласили. Оба они показали себя достойно в глазах местных, ну а после внезапного побега старосты и речи не шло о том, чтобы в чём-то там их подозревать.

Импровизированный военный совет, устроенный в местном амбаре, который в полноценный трактир превратили, без преувеличения внушал. Натаскали и сдвинули столы, которые ещё недавно на празднестве отрабатывали, для каждого нашёлся табурет, горячая еда и чем промочить горло. К тому же всем всё отовсюду видно. Нашлась большая карта местных земель, её прицепили на стену и уже успели расчертить вдоль и поперёк, обозначая тропки и маршруты, прикидывая переходы и расставляя посты дозоров. Сам хозяин амбара сидел гордый, – видимо, радовался, что не зря строил.

Что ещё заметили и Ричард, и Такеда, так это то, что каждый при себе оружие держал. И это не те вилы, колуны и прочий сельский хлам; тогда, похоже, похватали то, что под рукой. Сейчас же виднелось всё больше мечей, копий и секир. Простецких и выкованных грубо в большинстве своём, но тем не менее. Не так-то прост оказался здешний народец. Такеда про себя стал уважать их чуточку больше. Ричард – опасаться.

Впрочем, если чаандиец и чувствовал себя вполне вольготно меж здешних вояк, – или тех, кто очень хотел себя воякой считать, – то Ричарду по большому счёту находится тут незачем. Он с ходу приметил для себя другое местечко. Среди таких же людей, как и он сам, –

кому не с чем выступить и, в общем-то, незачем слушать; но ещё оставалось, что проиграть. В карманах у него как раз чутка звенело опосля недавнего. Грех не поставить.

– Во что играете, господа хорошие? – спросил он, пододвигая к себе табурет.

– В княжку. Ганмарскую. Слышал? – ответил один из игроков. Лысый. Как раз собирал карты, и по его лицу Ричард понял, что он не против ещё одного участника за столом.

– Отож, как не слышать! На четвёртого раздадите?

Возражать не стали. Ричард уселся поудобнее, бросил несколько медяков к общей ставке, и вполуха принялся слушать, что там у умных людей за главным столом делается. А послушать нашлось чего – спор оттуда доносился нешуточный. Жаль, половины слов не разобрать.

– Как думаете, – начал лысый, тасуя колоду с мастерством завсегдатая карточных столов, – эти мерзавцы ещё вернутся дело своё нехорошее доканчивать? Или пронесло?

– Как пить дать, верно говорю вам, вернутся! – прорычал крепкий здоровяк, что не отрывал взгляда от потёртой монеты незнакомой чеканки, беспрестанно катая ту взад-вперед. – Знаю я такую породу людскую. Озлобленные они, что волки твои! Жизнь чью-то враз загубят, не отстанут...

И замолчал до того внезапно, словно таилось за этими его словами глубокое горе.

– Беда, если оно и вправду так, – рассудил лысый, выровнял колоду и протянул её Ричарду. – На вот, добрый пекарь, сними, будь любезен.

Ричард снял. Лысый разбил колоду надвое, сложил ёлочкой, соединил, ещё раз скоренько перемешал и раздал на игроков. Поднял верхнюю карту, показывая её всем:

– У власти у нас Княжна. Добрый знак! – объявил он вполголоса. – А вне закона будет... Хм-м, Стражник, м-да. А в дураках остаётся – м-да, добрый Мирянин нынче остался, увы. Ну-с, играем.

Три карты легли на стол, ликом кверху. Остаток колоды шлёпнулся рядом.

– Злободневненько, – задумчиво изрёк, собирая свои карты, Ричард, чем вызвал пару-тройку смешков у окружающих.

Расклад на партию и впрямь выходил интересный.

Впрочем, он не намеревался играть сегодня всерьёз. Мухлевать – тоже. Если и проиграет, то чёрт бы с тем. Главное, чтобы карты хоть немного уняли дрожь его пальцев.

– А я вот слышал, – начал с бухты-барахты самый молодой за столом. Парнишка лет двадцати, с лицом простака, но глазами как два наточенных кинжала. Аж изнывал от желания выпалить всё, что услышал намеренно: – Будто б охотники, те, что первыми вахту несли, видели, как кто-то шарился по подлеску! Говорят, не нашенский это явно.

– Даже так?.. – протянул Ричард, не отрываясь от своих карт. – И что ж они его не сцапали?! Чай местá здешние лучше знают, чем всякие пришлые недоумки?

Молодой только рот открыл, чтобы ответить, как лысый его опередил:

– Да нечего впотьмах за призраками гоняться! Вдруг их там целая орава таится?!

– И то верно, – согласился Ричард. – И часто у вас тут такие *гости* захаживают?

– На моей памяти – впервые, – отозвался здоровяк, сбросил двух Крестьян, а ещё одну карту выложил перед собой рубашкой кверху. Взял из колоды. – Но я лет двадцать всего в Падымках обитаю. Может, не знаю чего.

Лысый добавил к выложенным Крестьянам ещё Караванщика, но Ричард перебил его Стражником и Палачом. При нынешнем раскладе их можно вместе класть. Даже нужно. Все карты ушли в сброс. Двенадцать медяков укрепили ставку.

– То есть вы тут спокойно живёте? – поинтересовался Ричард, беря из колоды. Выпала ему северная Графиня. Весьма удачно. – А по копьям и лукам на человека так и не скажешь...

Лысый сбросил перед ним ни много ни мало Маркиза со Священником. На обмен. То ли догадался, что у него Графиня, то ли ставку поднимал. Ну а сам вперёд подался:

– Это, видишь, вон, мужик со стянутыми на затылке волосами стоит? С чёрной бородой который, а рядом с ним рыжевласая дикарка с наколками по всему лицу? Это бывший гвардейский сотник со своей жёнкой. Отличный мужик, боевой, да и дело своё хорошо знает, а бабёнка его – северянка сложных каких-то там кровей.

Ричард взглянул в сторону. Рядом с дикаркой, приметить которую несложно, крутился тот самый Брут, палахом подпоясанный и с круглым щитом за спиной. И хотя такая амуниция вроде как претила военному уставу, но его собственное *гвардейство* проступало на лице, что называется, алой нитью простроченное. Скажи кто, что он не бывший сотник, а без малого генерал, и даже у самого дотошного проныры не возникло бы в том сомнений.

В данный же момент этот знатный муж занимался тем, что переговаривал то с одной группкой мужиков, то с другой. Судя по тому, что некоторые после этого стекались ближе к главному столу, – он активно набирал сторонников. Вот только для чего?

– И что с того? – поинтересовался Ричард, отвернувшись и изобразив безразличие.

– А то, что благодаря ему и его жёнке мы дружны с местными морскими контра...

Тут лысого ткнули под ребро, что он ажно охнул. Едва карты не выронил.

– Совсем сдурел?! – просипел здоровяк, но все трое тем не менее воззрились именно на Ричарда. И не сказать, чтоб взгляды эти сулили много хорошего.

– В чём дело? – спросил Ричард так спокойно и праздно, как только сумел, хотя в боку-то у него кольнуло. Маркиза и Священники – в общем-то, выгодный для него обмен, – он перевёл Душеприказчиком; притом карту выкладывал так медленно, словно резал ею.

– Слушай, добрый пекарь, – начал здоровяк. – Ты как в целом по жизни-то, человек болтливый? Токма честно признавайся, тут все свои.

– Обижаете, други, – заявил Ричард, смешав на своей физиономии удивление и обиду в равных пропорциях. – Я, чай, мужик-то не глупый, из лужи не пью. Сами сегодня видели.

Все трое переглянулись. Ричард наострил уши, готовый к интересностям, но, на всякий непредвиденный случай, ногой попробовал засапожный нож в соседнем голенище.

– В общем, слушай, – продолжил здоровяк, – мы тут немного с контрабандистами дела взаимовыгодные ведём. Ничего горячего, но лучше об этом попусту не трепать. Помогаем друг другу и выручаем по мере возможности. Понимаешь?

Ричард кивнул. Он подумывал изобразить на лице невинное удивление, но решил, что взгляд уверенный и жёсткий даст его собеседникам понять, что он и сам не лыком шит. Судя по тому, как они расслабились и продолжили игру, – не прогадал.

И тем не менее весьма удивился. Как и со всеми прочими делами, несущими прибыль в обход имперских и церковных податей, Ричард ведал о контрабандном потоке, русло которого тянулось и через Гринлаго в том числе. Но и подумать не мог, что его верховье – здесь.

Пока не настала его очередь, он вновь обернулся к северянке, её муженьку и их разношёрстной компании. Только сейчас, среди прочих деревенских, Ричард заметил с дюжину мужиков, в которых, – едва прозвучало слово «контрабандист», – легко можно шайку северянских оппортунистов-мореходов признать. Они не то чтобы выделялись, но хорошо подходили к образу.

Интересно, и как это он умудрился не разглядеть их загодя? Старее, видать.

Ричард отвернулся, и игра продолжилась своим чередом, будто никто ничего и не говорил.

– Нет! Нельзя этого делать, дружище! – донеслось до их стола, когда половина колоды уже вышла. – Держать оборону нам сил не хватит, так уж лучше просто уйдём.

Ричард вновь оглянулся. Он не понял, кто сейчас говорил, но зато видел – кому это сказано. Бруту. Их партия в карты затянулась, ставка приятно выросла, да и рассвет уже не за горами. Народ притих, кто-то и вовсе кемарил, но зато большие люди стали говорить громче. Вот-вот что-то решат.

– А если пленник соврал? Если пресвятой Кристофер и мой сын у них, что тогда?! – отвечал Брут. Он вроде бы и оставался холоден, но как рот раскрывал – стёкла в окнах звенели. – Простите. Простите, друзья, но я пойду хоть бы и в одиночку! Да и другого такого шанса у нас не будет. – Тут он отвернулся от своего собеседника и на удивление ловко вскочил на стол: – Слушайте! Слушайте все! Я иду спасать сына. А если спасать некого или незачем, то иду бить врага! Потому как не хочу, чтобы бросился он в погоню за теми, кто укроется в аббатстве! Не позволю всяким ублюдкам нашу землю своим грязным сапогом попирать! Кто со мной? Кто готов с оружием выступить на врага?!

А этот Брут разгорячился. Ричард ожидал, что толпа вот-вот взорвётся гомоном восторженных выкриков после его простой, но понятной речи; обрастёт потрясаемым в воздухе оружием и лесом добровольческих рук. Ожидал, что едва ли не каждый сейчас решит встать под копьё ради своего соотечественника. Да ещё и цель такая благородная – священник и мальчишка в беде. Только летописца или поэта тут и не хватало, чтобы задокументировать героический порыв.

Но Ричард ошибся. За исключением тех, кто уже отошёл в сторону, идти в бой не захотел больше никто. Ни один человек. Все замолчали. Все уткнулись кто в окно, кто в тарелку или кружку, а кто и попросту вниз, найдя на своих туфлях нечто занятное.

И в том не было ничего удивительного, странного и уж тем более постыдного. Ведь в таких вопросах суть крылась уже не в мужестве или отсутствии оно; просто у каждого нашлось то, что ему товарищеской шеи дороже: родные и близкие, жёны и дети, хозяйство.

А кто-то просто не воин.

Ричард это понял, когда увидел, что на лице Брута не мелькнуло и тени злобы или разочарования, когда со всех сторон помещения зазвучали на его призыв робкие отказы.

– Ну а что насчёт тебя, пекарь?! – внезапно спросил Брут, спрыгнув со стола и как-то неожиданно для самого Ричарда оказавшись рядом. – Ты вроде мужик-то не промах.

Ричард поднял на него глаза. С удивлением обнаружил, что пальцы у него больше не дрожат. Затем глянул в сторону, туда, где в компании дикарки, контрабандистов и отчаянных деревенских, без труда разглядел Такеду. Ну разумеется, чаандийца им долго уговаривать не пришлось. Этот-то, по всей видимости, только рад мечом помахать.

Ричард отвернулся от него. Повернулся к столу. Выдохнул, шумно и тяжело. Собрал свои карты, сложил их стопочкой, задумчиво постучал по столу. С мыслями, значит, собирался. Почесал шею, прочистил горло, и только тогда снова взглянул на Брута. Прикинул в уме всё, за минувший день произошедшее, и ответил:

– Прости, дружище. Не моё это. Сам понимаешь.

Брут и впрямь понимал. Он хлопнул его по плечу, улыбнулся искренне и отошёл.

На том партия в карты и закончилась.

К рассвету деревня уже пустовала. Люди её покинули; добро забрали с собой, а то, что взять не смогли, – спрятали, как сумели. Немногочисленную скотину также увели. На берегу запруды так и осталось стоять недостроенное судно. Дверь каждого дома украшало по замку, окна закрыты ставнями и заколочены. Теперь здесь обитали только вольные ветра.

Однако одна живая душа в Падымках всё же задержалась.

Себастиан преспокойненько дремал себе в домике старой травницы, которая столь любезно приютила его в самом начале поры летнего изобилия. Она, разумеется, ушла вместе со всеми, а он остался; и даже угроза вчерашних дезертиров ничуть его не страшила и никуда не торопила. А что они ему сделают? Своим появлением *врасплох* застанут?! Ну да, как же! Он ведь и так знал, когда они явятся, сколько их придёт и что станут делать дальше.

«Странствующий монах», как он сам себя называл, позволил себе нежиться в кровати до тех пор, пока утро окончательно не вступило в свои права. И хотя в округе не осталось петуха, что возвестил бы о новом дне, в назначенный час Себастиан пробудился самостоятельно. Предвкушая день, не менее богатый на события, чем вчерашний, он поднялся, оделся и вышел на улицу.

Утро встретило его не только солнечной лаской, но и влажной прохладой после случившейся наемдни грозы. Земля вроде бы и просохла, но парила, укрывшись низко стелющимся туманом, аки причудливым ковром. На диво густым, хотя и достававшем едва ли до щиколотки. Себастиан потянулся, зевнул, расправил на округлом своём животе потёртую мантию и направился напрямик к дому деревенского старосты, шагами волнуя обступившее его марево. Не пройдя и полдюжины вёрст, он, по неосторожности, угодил в одинокую, но оттого не менее глубокую лужу, насквозь промочив башмак. И хотя верную Себастианову спутницу – улыбку на его лице, – эта маленькая неприятность нисколько не умалила, про себя он посетовал, что не предвидел чего-то подобного.

Для его склада ума это и впрямь удивительно.

Деревня выглядела тоскливо. Не сказать наверняка, это погода тому виной или в чём-то другом дело, но даже недавно выстроенные домишки смотрелись нынче так, будто заброшены уже по меньшей мере полдесятилетия. Не в грязи дело, но в запустении. Тот дым, что нередко украшал печные трубы в подобные вот промозглые утра, уступил место тяжёлому, аки замогильному мороку, льнувшему к ступням. Хотя Себастиан находил это по-своему уютным.

Тем не менее запах гари всё ещё ощущался в воздухе. Не от печей – те уже успели остыть с ночи. Это тлели остатки моста, некогда переброшенного через запруду. Местные, уходя, хотели срубить его и вытянуть на берег, дабы, когда всё уляжется, поставить обратно. Но куда уж там. Мост оказался слишком велик и непростительно тяжёл. Будь у деревенских хотя бы пара тягловых лошадок и полдня времени – ещё можно попытаться, ну а так, в ночи, уставшие, ждущие погони...

В конечном итоге мост они сожгли. Простая превентивная мера, и только-то.

Но Себастиан знал, что это сделано не напрасно. Проходя по обезлюдевшей деревне, вслушиваясь в оглушительную поступь собственных неспешных шагов, только в глазах его можно было разглядеть толику скорби в тот миг. А всё потому, что здесь и сейчас, с самого сего момента, судьбы многих людей переменились до неузнаваемости. И в немалой мере именно он, Себастиан, стал тому виной. На такое не так-то просто закрыть глаза. Особенно тому, кто видит чуточку больше в сути бытия.

Тем не менее оставалось ещё кое-что, и свою догадку он намеревался сейчас проверить.

Дом старосты стоял нетронутым. Лишь запертым на добротный дорогой запор, искусно вмонтированный прямо в дверь. Местные даже о том, чтобы вскрыть его и обыскать брошенное жилище не помышляли. Не то что разорить. Для Себастиана тем лучше. Ключа поблизости нет, но он странствующему алхимику и без надобности. Ему под силу открыть любую дверь, если, конечно, та некогда тянула корни в недра, а к солнцу вздымала листву.

Себастиан прикрыл глаза, прогнал из разума всё мирское, и устремил мысленный взор вглубь самого себя, формируя и ровняя собственную волю, как стеклодув ровняет разгорячённый сосуд. Воля человека подобна жидкости, которую только и нужно, что разлить в подходящую ей *форму*. Овладевший этим простым навыком, научится не страшась менять мир вокруг себя. Да, неспешно, не без усилий, но тем не менее! А уж если ты ещё и одарён.

Себастиан преуспел на обоих поприщах и сейчас, зачерпнув Силы, вытянул руку вперёд и...

Его пятерня со стуком упёрлась в дубовую дверь. Петли чуть скрипнули, щеколда бряцнула, перепуганная букашка пустилась наутёк. И только-то.

Он отнял руку, открыл глаза и с удивлением воззрился на неё. Сжал-разжал ушибленные пальцы, но покамест так ничего и не почувствовал. Не сработало, неудачная вышла попытка.

Странствующий монах усмехнулся – даже в таком деликатном деле оставалось место для простой оплошности; ничего страшного, стыдиться тут нечего. Он утёр вспотевшую лысину, шумно вздохнул и вновь устремил взор в глубины собственного естества. Однако же на сей раз подошёл к процессу усерднее. Не спешил, погружался медленно и поэтапно, размеренно и с почтением. *Черпал* и *формировал*. А ощутив желаемое, сдержал порыв и продолжил собирать Силу бережно, по крупницам.

Наконец, открыл глаза. Его ладони покалывало сотней сотен швейных иголочек. Себастиан прищёлкнул пальцами – раз, другой, третий... на четвёртый, меж ногтей его полыхнула крохотная искорка, наполнив воздух морозцем. И тотчас же он выбросил руку вперёд. Вонзил её в дверь, будто то у него стилет, но, вместо того чтобы перебить себе фаланги, кисть его вошла в древесину, аки в размоченную глину, скрывшись по запястье.

То было одно из причудливых его умений, какое не повторить ни знанием наук, ни хитростью, ни ловкостью пальцев. Себастиан будто в иле нащупал замочный механизм и без каких-либо усилий вытянул тот из двери. И тотчас же дверь приотворилась. Чудотворец толкнул её, небрежно зашвырнул бесполезный ныне механизм к дровянику и ступил вовнутрь.

Отряхнув руки, он, не глядя, взял с полки чуть пожухлое яблоко, которое только его и дожидалось, и принялся бродить по дому.

Себастиан с рождения был человеком выдающимся. Это, в некотором роде, его наследуемая от предков черта, общая кровь, единая судьба – суть неизменна, сколько ни перебирай объяснений. Его семейству, чья родословная тянулась из древнейшей глубины веков, отнюдь не чужда та изначальная сущность, что некогда звалась в миру «магией». Магия – *инструмент*, *материал* и *непреложный закон* в едином воплощении. Доступный не каждому, но незримо сплетающий всё вокруг в единый клубок.

Инструмент этот и поныне забыт. Погребён под толщей беспощадного и бесконечно печального времени. Забыт... но окончательно не заброшен.

Увы, Себастиан и его род – не последние, кто вправе черпать и взнуздывать магию. Пока ещё нет. По-прежнему кроме них находились и другие. Иной раз могущественные в достаточной мере, чтобы так же скрываться поколения за поколениями, незримо влияя на мир вокруг. И вот каково же оказалось удивление молодого чудотворца, когда здесь, на Драриндаине, в такой-то глуши, он учуял столь причудливое сплетение Силы, невиданной им прежде!

Вне всякого сомнения, это была ловушка; однако Себастиану посчастливилось первым обнаружить её. Он решил остановиться здесь и больше двух месяцев разнюхивал, подбираясь всё ближе к непознанному. Сплетал заклятья, перенаправлял потоки, гасил вибрацию струн. Затягивал узлы вокруг найденного им Источника – крепил прутья и пружинки, дабы западня не сработала. И вот сейчас, бродя по дому старосты, – дому человека простого и простодушного, встрявшего в противостояние, коего не в силах понять, – чудотворец чуял, что близок как никогда. Ему оставалось лишь найти физическое воплощение этого Источника. И завладеть им.

Себастиан откусил от яблока и в который уже раз огляделся по сторонам. Его окружали непростительные бардак и разруха, – староста покидал жилище с завидной для пожилого человека поспешностью. И судя по тому, что в разбитой витрине сервантов остались стоять посебрённые фигурки – вовсе не ценности интересовали беглеца. А что же тогда? Себастиан рассудил, что это вполне мог быть именно искомый Источник, который староста хотел изъять, но, очевидно, забыл, где тот запрятан. Объяснение простое, но вполне жизнеспособное. По крайней мере, присутствие того предмета по-прежнему ощущалось где-то неподалёку. Тяжкое, как хладный камень на сердце.

Благо, нерадивый староста изрядно наследил. И дело не в беспорядке; паническое бегство и страх за собственную шкуру – верные признаки беззащитного разума. А для такого одарённого как Себастиан человека, это сродни пятнам крови для ищейки. Не мешкая, чудотворец вновь воззвал к своим дремлющим навыкам, желая, ни много ни мало, заглянуть прямиком в ушедший день. И, без особого на этот раз усердия, он взял да и заглянул:

Подёрнутая дымкой увядающих воспоминаний комната предстала перед ним такой, какой осталась намерзая; до устроенного перепуганным стариком погрома. Сам же образ старосты, будто призрак, не ведающий покоя, носился вокруг, переворачивая всё вверх дном. Воплощал минувший день в день сегодняшней. Он, без сомнения, искал что-то. Очевидно, что-то достаточно небольшое. Сумей чудотворец ещё и слышать голос призрачного старосты – было бы проще. Увы, бестелесные губы беспрестанно открывались, но оставались безмолвны.

Тем не менее образ вчерашнего продолжал метаться, аки зверь в клетке: от сумок к полкам, от полок к шкафу, от шкафа к сундуку, а затем и к тайничку под полом; заглядывал и под кровать, и под стол, и под выстланную у порога шкуру. Ничего. Староста жадно вглядывался в каждый закуток, где мог храниться спрятанный... кто же? Что именно можно потерять где угодно?

«Ключ! – догадался Себастиан. – Он ключ искал!» Но ключ к какому замку, раз все сундуки, шкафы и входная дверь – открыты? Тотчас же чудотворец воздел очи горе и под потолком увидел люк с замочной скважиной, аккурат как у входной двери. Добраться дотуда оказалось для него во сто крат сложнее, чем справиться с самим замком. Но надо постараться.

Себастиан, отдуваясь, вкатился на пыльный чердак. В который раз пришлось ему признать, что он себя немножечко запустил, и пообещать отныне и впредь упражнять не только разум, но и тело... на этот раз уж точно. Но это потом. Сейчас же чудотворец поднялся на четвереньки и на ощупь пополз вперёд по тесному и низкому чердаку. Он толком ничего не видел, ну а путеводным маяком ему служила потусторонняя тяжесть на сердце. Наконец, ладонь его упёрлась в холодный металл обитого железом короба; и на душе притом стало до того гадко, будто коснулся он не ящика, а покойника. Страшно подумать, что сейчас могло произойти, не оплети он эти зловещие нити своими чарами. Однако стоит поторапливаться. Себастиан подполз поближе и ощупал короб со всех сторон. Несмотря на упитанность, пальцы его оставались в меру ловки и на диво чувствительны. При его талантах и навыках это имело немалое значение. Найденный короб оказался не заперт, однако же поперёк него обнаружилась туго натянутая струна. Пройдясь по ней пальцами, Себастиан обнаружил закреплённую за балкой колбу, выступающий язычок которой эта струна и цепляла.

«Ловушка для ловушки». Это показалось ему в какой-то мере даже забавным. Как стражник для стражника или слуга для слуги. Чего только люд ни придумает. В алхимии это так не работало.

Себастиан как мог аккуратно обезвредил и эту западню, а колбу забрал с собой. Пригодится. Мог бы не рисковать и воспользоваться магией, однако предпочёл делать руками. Сила ему сегодня ещё понадобится, а лишнее напряжение лишь больше истощит и опечалит.

Внутри короба обнаружилось много всего: богатое мужское платье, другие наряды попроще, два распечатанных письма и некий прибор, какие Себастиан видел у моряков, но назначения не знал. И ещё некая шкатулка. Которая, когда он взял её в руки, ожидаемо исторгла импульс столь мощный, что тот аж до самых кишок пробрал ахнувшего чудотворца. Это и есть то, что он искал. Это Источник – долговременное заклятие, фoniaщее элементами из коих сплетено, и унифицированное в зачарованном предмете. Шкатулка, ясное дело, оказалась заперта. Помимо неё он забрал и конверты с письменами, всё хорошенько запрятал в свои одеяния и поспешил выбираться с чердака.

Время поджимало.

На улице Себастиану повстречалась целая прорва дезертиров. Хотя правильной сказать – это они наткнулись на чудотворца, нежели он на них. Мерзавцы уже всю хозяйничали в деревушке и никак не ожидали застать здесь одинокого монаха или алхимика, или кем он там им привиделся? А ещё меньше они ожидали от него подобной хамской спеси.

– Ну, наконец-то! Я уже всю задницу себе отсидел, дожидаясь вас! – громко прокричал Себастиан, пинком отворив себе дверь и вразвалочку спустившись с веранды. – Вы не торопились... Ну да и ладно, неважно. В деревне ни души, можете выдохнуть. Ну и не стесняйтесь, поищите себе чего ценного. А меня нужно скорее к Главному сопроводить. У меня для него донесение, поважнее, чем все ваши бошки вместе взятые!

Дезертиры, кто оказался неподалеку и слышал каждое слово, оторопели. Речь незнакомого мужика в простецкой рясе до того выбила их из колеи, что даже те, у кого оружие истомилось в ножнах, – и не подумали взяться за него. Хотя бы проформы ради. Ну а Себастиан только того и добивался. Он стёр со своего лица привычную дружелюбную улыбку и скривил гадкую гримасу. Надеялся, что подобрал те самые слова и примерил на себя то самое поведение, какое требовалось, чтобы сойти сейчас у этого сброда за своего.

Ведь если он где-то ошибся или что-то напутал... лучше об этом не думать.

– А ты, братец, собственно, чьих будешь-то? – выступил вперёд самый смелый из дезертиров; что само по себе означало – самый смекалистый из них.

Себастиан воззрился на него, как на законченного дурня:

– А сам-то как думаешь, баранья башка? Ваших я, ваших! Впрочем, если старшой тебе про меня не сказал, значит ему виднее. – Сплюнул, хотя не имел привычки. – А теперь пошли в лагерь. Если у тебя по пути не иссякнут тупые вопросы, то вот Главному их и задашь. Он любит дуралеев.

Это не лес... Сущий кошмар наяву, но уж точно не лес! Ричард соскальзывал в каждый овраг, мимо которого проходил, ступал во всякую лужу, через которую намеревался перешагнуть; каждая ветвь, кою отстранял со своего пути, неизбежно хлестала его то по уху, то по спине или шее. И ради чего, спрашивается?! За своё решение всё-таки пойти вместе с опальными деревенскими в рейд он корил себя снова и снова. И дело даже не в том, что он замедлял весь отряд, нет. Просто здесь и сейчас Ричард понял: он городской житель. Городской до мозга костей! Ему тут просто не место, подобные приключения не для него. Таких, как он, для другого на свет рожают: пиво само себя не выпьет, морда дурака сама не набьётся, простак сам себя не обсчитает. Вот где он хорош.

Ну, хотя бы остальные его ни словом, ни взглядом не упрекали за задержки.

Выступило их сорок человек. Семеро деревенских охотников, включая рыжеволосую дикарку, и вдвое больше простых рубак, бывших некогда, как понял Ричард из бесед, солдатами, плотниками, ополченцами и лесорубами. Эти больше теснились к Бруту, который верховодил ими как настоящий офицер. Всем им, похоже, если и было что терять, то собственную честь они оценивали дороже. Вот и пошли, раз там, в деревне, их якорем ничто не держало. Чаандийцу же просто заплатили; но у него и так явно имелся интерес помахать мечом, вот и присоединился.

Ну и сам Ричард ещё. Задарма, блин, попёрся...

А остальные – это контрабандисты. Восемнадцать человек, все со следами лихой жизни на телах и лицах. Особенно Ричарду приглянулась жилистая северянка, на которую он нет-нет, да и поглядывал, ибо хороша собой. И если б та не сверкала наточенными, как у зверя, зубами, глядишь, он бы рискнул к ней подступиться. Посему держался ближе к Такеде. Какой-никакой, а товарищ. Жаль только, что молчаливый.

Пока солнце вставало всё выше, они всё сильнее углублялись в чашу. В начале пути кто-то ещё настаивал на том, что двигаться следует вдоль дороги, прикрываясь лесом как плащом, но эдакого умника быстро разубедили. Липовые гвардейцы ведь тоже могли устроить засаду; кто побьётся об заклад, что нет среди них толковых диверсантов? А когда таятся двое, проигрывает тот, кто первым двинется с места. Тот, чьё время не ждёт.

Вели группу двое: рыжеволосая Энилин и кхортемский воин-охотник *хааной* – чующий лес. Человек без имени и рода, способный, по преданиям, за сотню вёрст уловить, как росинка скатывается с листка. Остальные шли следом. Время от времени несколько охотников откалывались от общего строя и растворялись в лесу. Отправлялись проверить, что там делается на этой злосчастной дороге. Через полчаса возвращались. Никто и не удивился, когда в очередной раз такая группка разведчиков сообщила, что видела толпу дезертиров,двигающихся в сторону деревни; а спустя чуть более четверти часа, вместе с налетающим с моря ветром, по лесу пошёл запах гари. С того момента ни у кого не осталось сомнений, что за это дело они взялись не напрасно.

Деревню сожгли.

Уже к полудню шло, когда лес оборвался, словно ножом обрезанный, и уступил место неровным холмистым взгорьям, иссечённым рваными распадками и утыканным скалистыми выступами в три-четыре мужских обхвата, торчащими подобно сколотым костям. Если бы некий бог некогда разъярился на эту землю, начал бы её лупить, царапать и изрывать, то вот так бы она сейчас и выглядела. Здесь никто не селился и случайно сюда не забредали; даже зверья не обитало. В таком месте человеку просто не прокормиться, разве что кто-то вознамерится питаться скальными ящерками да пыльным мхом. Зато вот шею себе свернуть, случайно оступившись, – это легче лёгкого.

Именно сюда-то и указал пленник, когда его допрашивали.

Но то ли он приврал, то ли местность знал скверно, то ли сам по себе дураком был, однако никакого лагеря там, где марал карту кровавый отпечаток пальца, не оказалось. Ни следов, ни золы от кострища, ни примятых кустиков и зарубок на камнях. Хотя в этой-то местности и армию можно утаить без особых усилий, чему тут удивляться? До самого полудня охотники и следопыты шастали тут и там, выискивая и вынюхивая, пока молчаливый хааной не учуял нечто, только ему одному ведомое. Он указал на скальный гребень в четверти мили севернее, и стоило им до него добраться, как самый глазастый из охотников углядел неприятеля.

Надо признать, отряд из них вышел что надо: все тотчас рассыпались по округе и затаились, как по команде. Хотя никакой команды и не звучало. Даже Ричард проникся общим настроением, без промедления припал к валуну, взяв арбалет наизготовку. Только вот эти меры оказались напрасны. Обнаруженный ими дезертир выступал часовым, но дело своё знал скверно и отрабатывал спустя рукава. Торчал на открытой поляне, не таясь и не укрываясь, по сторонам не смотрел, за подходами не следил. Вот и поплатился, получив две кхортемских стрелы в спину.

Энилин оставалась осторожна. Она до последнего подозревала, что одинокий дезертир – это подсадная утка, а неподалёку затихарилась целая клятая прорва недругов. Однако разбредшиеся по округе охотники – те, кого она самолично научила многому, – никаких засад не нашли. Даже хааной спокойно продолжал указывать на скальный гребень.

У горе-часового при себе, помимо прочего, обнаружился скудный паёк и рожок армейской работы, которым ему, очевидно, и следовало подать сигнал, если что не так. Значит, и дружки его поблизости, – не далее, чем слышен звук рожка. Тогда всё же решились взобраться на приметную возвышенность, с которой пускай и хорошо видно округу, но и сам ты заметен. Но риск окупился, ведь сверху не только открылось место неприятельского лагеря, но ещё и оказалось, что он ближе, чем они могли надеяться.

Он раскинулся буквально у них под пятой.

Оказалось, этот скальный выступ, – наверняка картографами ему дано красочное название, – нависал над обширной логовиной, в которой обживались люди. Хотя дезертиров немногие считают за людей. Или кем там они на самом деле являлись? Так или иначе место стоянки выбрано неплохое: просто так его не отыщешь, случайно едва ли наткнёшься. Однако наперекор этому, без хорошего дозора окопавшиеся здесь и сами всё равно что в корыте засели, из которого мало что видать. Ну и дисциплинка у здешних лиходеев сыграла с ними злую шутку, раз вышло, что, убрав единственного часового, к ним незамеченными подобралась дюжина охотников, горстка деревенских сорвиголов и банда морских контрабандистов. Ещё и наилучшую позицию для наблюдения и обстрела беспрепятственно заняв.

Более того, у дезертиров даже переключки не было. Всего четверть часа заняло выследить оставшихся соглядатаев и расправиться с ними. А в лагере так никто и не почесался.

Дело осталось за малым – нанести решающий удар.

– Эй. Эй, глядите-ка, – шепнул один из охотников, пока остальные обсуждали с какой стороны и какими силами лучше ударить. – В лагерь кого-то конвоируют.

Все заинтересованные, услышав такое, подались ближе; ну и Ричард с ними, от нечего делать. И действительно, в лагерь ступало ещё несколько человек, плотным кольцом обступив одинокую фигуру. То ли пленника, то ли важного гостя. С дезертирами его мало что роднило, а судя по одежде и манере держаться, – и вовсе казалось, что...

– Так ведь это же!.. – поразился Ричард, замолчав на полуслове.

– Себастиан! – закончила за него Энилин, растянувшаяся рядом. – Подмастерье травницы нашей. Неужто сейчас выяснится, что он предатель?

После этих слов, все они с замиранием сердца принялись следить за странствующим монахом; даже Ричард, которому тот запомнился по недавнему празднеству. Такой добродушный, и вдруг предатель?! Вот ведь не скажешь. Однако эти подозрения не оправдались. Стоило хорошенько присмотреться, как становилось ясно: Себастиана вели отнюдь не как гостя, – он крепко связан! Выступил к нему не кто-нибудь, а тот самый смурной капитан, при полном параде и с оружием. Подошёл вплотную, бросил несколько фраз, выслушал ответ... и наотмашь ударил Себастиана по лицу. Тот повалился ничком. Капитан гаркнул приказ, и подбежавшие дезертиры вздёрнули травника обратно на ноги, взявшись обыскивать его одежды. Вроде как нашли нечто занятное и спешно подали главарю.

Тот устался на находку, словно *заворожённый*. Покачнулся даже. Не отрывая взгляда, он побрёл вперёд на ватных ногах, не разбирая дороги, и лишь мгновение спустя опомнился и принялся изрыгать приказания направо и налево. Слишком далеко, чтобы расслышать, но суть и без того ясна. Дезертиры принялись сворачивать лагерь.

Энилин, изящная, как кошка, поднялась, устроившись на одно колено, вскинула свой лук и натянула тетиву. Наложённая стрела предназначалась беспечному главарю. Пожертвовать скрытностью за его гибель – это хороший обмен, однако того уже захлестнула окружающая суета; Энилин вела его на конечнике стрелы вплоть до момента, пока он не скрылся за гребнем выступа, но шанса на верный выстрел так и не дождалась.

С досадой она ослабила тетиву и опустила лук. С губ её слетело несколько бранных.

– Эй, вы только гляньте, что они делают, – заметил меж тем Ричард, отхлёбывая бульона из фляги. – Казнить его собрались.

Звучал он при этих словах как могила... и вовсе не без причины. Беднягу Себастиана никто не пытал и не готовился обезглавить. Вместо этого его привязали ко вкопанному в землю столбу и взялись носить хворост. Сжечь собирались. Притом заживо! И вот подобного добрый люд на этом континенте уж никак не мог стерпеть, окажись травник хоть трижды изменник и злодей. предавать огню положено только усопших, но никак не живых. Мало того, что это мерзейшее деяние, которое в здравую голову не придёт, но ведь оно ещё и кощунственно! Это просто не по-людски! Нечем такое оправдать, да и незачем.

Все, кто в тот момент таился на скальном гребне, сжали свои луки, рукояти мечей и топоров до того крепко, что из жалобного скрипа кожаных оплётков получилось бы соткать мелодию. Кто-то заскрежетал зубами, кто-то принялся дышать гулко и тяжело, подобно быку. Простые гнев и обида превратились в праведную и жгучую ярость.

– Ладно, пора браться за дело, – произнёс Брут, точно жилу отсёк. – Мы с ребятами зайдём слева. Ударим клином вон в то сборище подонков.

– Добро, – пророкотал сухопарый крепыш с повязкой на глазу. Контрабандисты его слушались; на судне он служил боцманом, а с боцманом не балуют. – Ну а мы справа тогда.

Брут кивнул:

– Ну а что намерен делать ты, воин? – обратился он к Такеде.

Чаандиец молча указал на пологий спуск, поросший густым кустарником, где легко затаиться.

– Ха! – рыкнул боцман. – Тогда иди вперёд, молчаливый. Ну а мы прямо за тобой.

– А ты, пекарь? – повернулся Брут к Ричарду. – Пойдёшь с нами или тут осядешь?

– Здесь от меня больше проку будет, – отозвался тот, подтягивая арбалет поближе.

Брут снова кивнул и поднялся. Вместе с ним поднялись и все деревенские, у кого натовченное железо при себе. Бросив последний взгляд на Энилин и поймав ответный, он перебежками двинулся к оговорённому месту, а остальные его люди вприсядку последовали за ним.

Ричард мельком успел эту переглядку уловить, и та сразу же ему в душу запала. Столько в ней такого... знакомого. Утраченного. Забытого даже. Внутри всё аж сжалось от тоски и невесть откуда возникшей обиды. На всех. Но прежде всего – на тех подонков, кто, под видом исполнения приказа и напялив на себя уставную форму, заявляется к мирным людям творить бесчинства, грабить и разорять.

Перехватив арбалет поудобнее, Пекарь изготовился к стрельбе.

Один из дезертиров филонил. Ну а почему бы, собственно, и нет?! Атаман скрылся в пещере, довольный, будто пёс, придушивший кошака, а у старших рыльца и так в пушку. Вот ему никто и не мешал бегать в кусты под видом, что у него, дескать, колики в животе. А там тайничок с самогоном запрятан, и никто-то о нём не ведает.

Вот только на этот раз хитрец, подходя к заветному кустарнику, держась за здоровый живот и кривясь от притворной боли, прямо у своих ног увидел нечто, чего – и он мог бы в том поклясться – ещё несколько минут назад здесь не было. То ли корзинка плетёная, то ли плоская какая диковинная; лежала одна-одинешенька, лишь покачиваясь слегка от гуляющего по логовине ветра. Безделица, но всё равно как-то странно, откуда она тут взялась?

Дезертир отнял руку от живота, оглянулся на соратников и подступился к находке поближе. Несмело потянулся, дабы получше рассмотреть. И тут ему навстречу, не потревожив даже веточки, выступил Такеда. Взявшись за рукоять меча, он с протяжным боевым кличем обрушил на беднягу единственный всесокрушающий удар. Дезертир коротко и обрывочно вскрикнул, – лишь от страха, ибо боли он так и не почувствовал. Одним ударом чаандиец рассёк несчастного надвое, а мощи его замаха с избытком хватило, чтобы отбросить останки прочь. Брызнувшая кровь окрасила алыми штрихами валуны, листья и травы.

Жизнь покинула беднягу прежде, чем его выброшенное в лагерь тело коснулось земли. И если среди ближайших дезертиров оставались ещё всамделишные смельчаки, то и они дрогнули от одного вида этой страшной расправы. Увы, никто не собирался давать им времени опомниться. Из-за спины чужеземца с вымазанным кровью клинком тотчас же выплеснула целая толпа кхортемских дикарей, орудовавших секирами и широкими мечами с лёгкостью, чья жизнь – это непрекращающаяся борьба. А сверху на буйные некогда головы ещё и стрелы

посыпались. В тот же миг и с другого конца лагеря донеслись звуки жестокой рубки. Тихая до поры логовина превратилась в бурлящий котёл.

Ричард выругался, вскинул арбалет и прильнул к ложу щекой, щуря левый глаз. Он уже дважды выстрелил. И походу оба раза промазал. А всё потому, что легче у ростовщика выменять гальку на монеты, нежели посреди этой свалки прицелиться наверняка! Чёрт его знает, как охотники с такой уверенностью посылали стрелу за стрелой. Энилин и вовсе была без промаху; тетива тренькала – только свист в ушах стоял, а внизу кто-то вскрикивал. Но вот Ричарду наконец удалось наметить себе цель. Один из дезертиров схватил с земли что-то, до боли напоминающее сигнальный рожок. Не иначе как собирался оповестить остальных... А значит, где-то есть ещё и «остальные». Ну Ричард в него и выстрелил. Дезертир едва успел приложить рожок к губам, как тот выбило из руки арбалетным болтом. И сразу же вслед за этим чья-то стрела выросла у того поперёк глотки. Ричард вновь выругался и принялся взводить арбалет по новой. Только сейчас он осознал, что прежде ни разу не участвовал в такой лютой рубке. А ведь то ли ещё будет.

Брут, окружённый друзьями и сотоварищами, ворвался в толпу неприятелей, коля, рубя и отшвыривая каждого, кого не признавал в лицо. Все его односельчане здесь, и потому каждый незнакомец впереди – это враг. А с врагами у него разговор короткий. Старые привычки забываются с неохотой. Один из дезертиров – видимо, тоже бывалый, – сумел организовать строй и изготовиться к обороне. Брут подобрался и двинулся на него; а все его соотечественники едва ли не точь-в-точь за ним повторили. Именно так они и условились действовать: бывший сотник в центре, а остальные к нему плечом к плечу, дабы держался строй. Никаких проволок, трусости или сомнений – умри, но сделай, ибо если не сделаешь, падут и все остальные. Брут до сих пор не знал, сколько из его людей ранены, отстали или погибли; нет времени оглядываться и считать. Он поднял щит, защищая голову от удара, а сам уколол противника в живот. Тот умело отпарировал и сразу же контратаковал. Вражий клинок, высекая искру, потянулся к Брутовой груди, но тотчас же он обрушил на него кромку щита. Выбил меч и раздробил ловкачу лучезапястный сустав. Хороший солдат, если хочет прожить долго, обязан знать строение тела не хуже лекаря. Негодяй взвыл, образованное им звено рассыпалось, и в тот же миг обычные лесорубы и плотники смяли врага, как покатый валун приминает сколь угодно высокую траву.

– Ближе! Ровный строй! Теснее, теснее! – заревел Брут, лупя палашом по щиту. Плохих солдат не бывает, но его односельчане оказались теми ещё дюжими молодцами. – Ровней! И копьё вперёд!

Те, у кого в руках древковое, выставили оружие вперёд на всю длину. Брут сделал шаг, и остальные двинулись с ним вровень. Из этих людей и впрямь вышли бы отличные солдаты; он это подозревал и сейчас удостоверился окончательно. Но для победы предстояло сделать ещё многое.

Дезертиры превосходили атакующих трое к одному, однако стремительное и внезапное нападение, подкреплённое благородной целью и праведным гневом, быстро уравнило силы если и не один к одному, то близко к этому. Впрочем, ненадолго. Те из мерзавцев, кто избежал жалящих стрел и разящих клинков, укрывались под сенью скального выступа, где лучникам их не достать. Там же быстро обнаружился и дезертиров капитан, красный от гнева, но тем не менее руководящий своими людьми, организовывая то ли оборону, то ли отступление. А в бою даже плохой командир лучше, чем никакого командования.

И там же, в тени и прохладе, неспешно вооружался наёмник Сэндел.

Эффект внезапности рассеялся так явно, как если бы некто сорвал полупрозрачную вуаль с поля боя. Каждый это ощутил. Все, кому суждено погибнуть, – уже лежали бездыханными. Прочие же вернули себе самообладание и изготовились к затяжной рубке. Рисунок короткого и кровавого марша выделялся на земле столь отчётливо, что при взгляде на него с возвышенно-

сти – виделись первые мазки смелого живописца, который, впрочем, быстро утратил к своему начинанию всякий интерес.

Силы и задор выветрились, и сражающиеся сами собой рассыпались на небольшие группы, бодаясь друг с другом уже не столько за собственные жизни, сколько по наитию. «Раз меня бьют, значит нужно бить в ответ», – простая логика. И уже никакого энтузиазма. Лишь усталость и боль.

Кто-то посреди этого побоища опрокинул в костёр бочонок со смолой, и к небу устремился столп удушливой копоти. Озорной ветерок тотчас же принялся играть с ней на свой безмятежный лад, размешивая багровые и алые краски на поле боя до неприметного серого.

Себастиан тем временем так и стоял у столба, связанный. Стоял и терпеливо ждал. Ему ведь ведомо, что в пылу битвы про него все позабудут, но вот появления чёрной копоти он не предвидел. А значит, всё пошло чуточку иначе чем он предвидел! Возможно, он и не в безопасности вовсе! Как будто в подтверждение этого из копоти вынырнули двое молодчиков: один с мечом и щитом, другой с кинжалом и факелом. Дезертиры. Оба в неразберихе искали, на кого бы напасть. И оба они, увидев Себастиана, двинулись прямо на него.

Ричард зацепил тетиву за орех арбалета и потянулся к подсумку. Подсумок опустел. В нём оставался ещё только один, последний болт. Все остальные он истратил; а попал, от силы, раза три или четыре. «Будешь счастливым!» – повелел Ричард и зарядил оружие. Протёр слезящиеся глаза и уставился на поле боя. Его так и подмывало выстрелить хоть куда-нибудь; пустить снаряд в молоко и вроде как выйти из этой кровавой сечи. И тут копоть по воле слепого случая чуть раздалась, и на глаза Ричарду попался бедолага Себастиан, всё ещё пленённый, но пока живой. К нему как раз подступали двое. А выстрел у него только один. Ричард вскинул арбалет и все свои силы бросил на то, чтобы уж на этот-то раз прицелиться наверняка.

– Давай же, ублюдок! – нашёптывал он. – Непроста ж я тебя *счастливым* прозвал.

Ричард выстрелил.

Болт со свистом ушёл сквозь копоть, поймав на себя солнечный блик. Дезертир только и успел, что замахнуться факелом, как этот золотистый всполох сразил его, попав ровнёхонько в поясницу. Рану мерзотнее, конечно, можно себе вообразить, но пришлось бы постараться. Бедняга выгнулся дугой и упал, даже не пискнув.

Его товарищ взглянул на тело несчастного с тем фатализмом, что присущ всей бандитской братии. Жизнь, как и смерть, ценилась у них весьма дёшево. Перехватив меч поудобнее, он вновь обратил свой взор на связанного, намереваясь хоть ему жестоко отомстить за павшего собрата, но увидел, что пленённый за тот миг переглядок успел каким-то образом высвободить руки из пут. И более того – с куском столба, к которому и был привязан, он стоял теперь на замахе!

Дезертир, сложив всё это в уме, успел разве что только удивиться.

Палено в руках Себастиана тяготило бы любого; ну а он и вовсе удерживал его из последних сил. Однако на хороший размашистый удар хватило и их. И что это вышел за удар! Мерзавец даже защититься не успел – огрел по морде, его ажно кругом развернуло. Меч выскользнул из ослабевших пальцев, взгляд потух, щит повис на руке, и вот, поверженный, он осел на холодную землю, лицом в грязь упав. Тем не менее на этом и Себастианова прыть себя исчерпала. Не сумев удержаться на ногах, чудотворец рухнул на зад; а когда подле его ступни вонзилась случайная стрела, он, взвизгнув неподобающе взрослому мужу, прямо на четвереньках пополз прочь. Боец из него никакой, и потому он поспешил в ближайшие кусты схорониться.

– Тесни врага!!! – заревел Брут, и его маленький поредевший отряд, прикрываясь трофейными щитами и выставив вперёд оружие, опрокинул очередной неприятельский строй.

Кое-как на этот раз. С трудом и превозмоганием.

Его *солдаты* – только так он теперь о них и думал – вымотаны. Хоть и все они молодцы, но недостаток армейской выдержки и муштры сказывался остро. Удары замедлялись, слабели

и были уже не так точны. Люди в собственных ногах путались, терялись, давились дыханием и двигались с явной неохотой. Кровь, смерть и боль с каждым мгновением подкашивала их всё сильнее. Ровная некогда шеренга строя сделалась полукруглой и сбивчивой. Чуть легче для обороны, но хуже для атаки.

Другое дело, что и врагов осталось немного. Точно, увы, не сосчитать, ибо кровь заливала глаза. Брут остановился и попробовал утереть лицо, как вдруг услышал окрик:

– Эй, недотёпы!

И сразу же вслед за этим некая чудовищная сила свалила с ног едва ли не всех его людей, а самого Брута отшвырнула в сторону. И если это на них не какого-то боевого быка спустили, то он хотел бы взглянуть, что за силач расшвырял их как фигурки с доски. Хотя уже догадывался, кто...

Напастью оказался *наёмник*. Один. Скрывавшийся и выжидавший в тени скального выступа всё это время, он ураганом выскочил на поле боя и единственным таранным ударом свалил едва ли не треть отряда селян. В одиночку сломал целый строй! Горе тем, кто не успел заслониться щитом. Разметало их будто бусины разодранного ожерелья. И лишь после этого Сэндел взялся за свой меч.

Богатырским пинком он отпихнул ближайшего оглушённого бедолагу, с оскорбительной небрежностью подрубил ногу другому и шагнул к растянувшемуся на земле Бруту. А тот, выронив палаш, только и мог за треснувшим щитом укрываться.

Стрела промелькнула перед взором наёмника до того близко, что если и не задела кожу, то точно отсекла несколько ресниц или коснулась брови. Энилин промахнулась. Давненько она не промахивалась; почти так же давно, как закончилась последняя война и окончательно пропала ей нужда стрелять по людям. Но раньше, чем её ледяное спокойствие колыхнула досада, – пальцы коснулись оперения следующей стрелы. Тетиву она спустила в тот же миг, но треклятый наёмник успел отскочить в сторону. Выстрел лишь слегка зацепил его широченную грудь. Однако её мужу этого времени хватило: Брут, пускай не успел подняться, но зато нащупал верный палаш, который с силой метнул Сэнделу прямо в лицо. Тот отбил – широкая крестовина двуручного меча сама по себе всё равно что щит. Но это заставило наёмника отступить ещё на шаг; а там уж на него накиннулись несколько кхортемских контрабандистов и оттеснили прочь от селян. Впрочем, разочарованным он всё равно не выглядел.

Отступив ближе к скальному выступу, дабы лучница ему не досаждала, Сэндел изготвился к бою. Первому же норду за его поспешность и неаккуратность он одним ударом отсек обе ноги, второму гардой проломил череп; третий контрабандист метнул в наёмника один из своих топоришков, но на рожон лезть не стал. Сэндел легко ушёл от броска, с неприкрытой издёвкой изобразив красочный пируэт, будто с прекрасной дамой танцевал. Он веселился от души и выглядел абсолютно счастливым.

– Держи проход, Сэндел! Это приказ! – рыкнул ему из тени выступа дезертирский командир. – Остальным всем отступать, кому жизнь дорога! Бросайте раненых.

Наёмник скривился, но и только-то. Приказ отступать пришёлся ему не по нраву. Но вот как раз к его противнику подоспел ещё один рубака: оголённый по пояс, весь в наколках и диковатого вида – норд до мозга костей, да ещё и кровью с ног до головы покрыт, а значит воин умелый. Сэндел от радости аж губы облизнул, предвкушая знатную потеху. Оба контрабандиста стали подбираться к нему шажок за шажком. Считали, что у них есть шанс.

– Отступают! Мерзавцы отступают! Бегут! – крикнул кто-то. – Ура, надо добить!..

– Стоять на месте! – прохрипел Брут, с трудом поднимаясь и отплёвываясь. – Не преследовать! Я запрещаю! Кто на ногах крепко стоит – назад в строй. Подайте оружие!

Ему в руку вложили клинок. Не его родимый палаш, конечно, но сойдёт.

Брут поднялся, взвесил меч в руке и тотчас же встал в стойку, прикрывшись щитом. Солдатская привычка: сперва изготвься к бою, а уж потом всё остальное. Ранен ли ты, окружён

ли врагами или уже победил, – заслони сердце и выстави вперёд лезвие. Ни одному служивому ещё не удалось погибнуть от излишней предосторожности, зато праздность и самоуверенность погубили многих.

Однако нынче в том и впрямь не осталось никакой необходимости. Крикун, кем бы тот ни оказался, не соврал, – дезертиры действительно улепетывали со всех ног... всё под тот же скальный выступ, будь он неладен. «Им там что, мёдом намазано? – подивился Брут, и, вероятно, не он один. – А может, там скрываются резервы? Тогда точно лучше поостеречься». На глупость врага Брут не рассчитывал: не мог позволить себе эдакой роскоши после прожитых лет. Ему оставалось только наилучшим образом распорядиться этой передышкой и изготавиться к следующей атаке, даже если таковой не последует. Это, и ещё разобратся с наёмником... с кем это он там опять сражается?

– Проклятье, я же приказал: назад, назад! – рыкнул отставной сотник, но было уже поздно.

Сэндел развлекался. Игрался как ребёнок, задирая других мальчишек, что младше его самого. Ну а когда ему надоело – покончил с обоими. Первым стал тот, с единственным топориком в руке. И хотя по ходу боя он разжился ещё и устрашающего вида кинжалом, это едва ли ему помогло. В один миг Сэндел открылся для него, да не просто открылся, а подставил спину на хитроумном замахе. Верный удар, какой и сопливому юнцу удался бы на славу. И не будь сражение с наёмником столь напряжённым и изнуряющим, бедолага-контрабандист наверняка бы разглядел подвох. А так он решил, что вот он – его шанс. Потому и ударил со всем мастерством, какое накопил за годы.

Удар и впрямь вышел хороший. Но цели он не достиг.

В то самое мгновение, когда лезвию кинжала должно было коснуться кожи наёмника, рассечь мышцы под этой кожей, протиснуться меж рёбер за мышцами и пронзить сердце за рёбрами, широкая спина Сэндела... исчезла! Растаяла, словно пригоршня раннего снега, брошенная в очаг. Контрабандист пронзил – хоть и мастерски, – воздух; наёмник же, со стремительностью, казалось, недостижимой для его массивной фигуры, извернулся, пользуясь громадный меч как противовес. Ушёл из-под удара, а руку атакующего перехватил так, что тому уже не вырваться. Пинком выбил его из равновесия, дёрнул вперёд, потянул, – и вот контрабандист уже летел вверх тормашками с выбитым запястьем.

Приземлился он тяжко. Прямо на голову. С размаху. Хруст его шеи любого костоправа сумел бы убедить забросить своё ремесло. И тем не менее Сэндел добавил ему ещё и тяжелым сапогом по глотке. Чтобы уж наверняка. Вторивший этому действию влажный хрип получился лишь немногим менее отвратнее предшествующего.

Воин хааной, увы, попался на ту же удочку. Лютый и истовый, став ближайшим свидетелем такой гнусной расправы, он уверовал в то, что успеет прикончить наёмника, пока тот отвлечён. Вот и бросился вперёд, отринув всякую осторожность.

Сложно винить его за подобное решение.

Свою секиру хааной перехватил ближе к топорищу, дабы удар у него вышел стремительнее и экономнее. Ну а Сэндел как раз чего-то подобного и ожидал.

Выгадав момент, наёмник обернулся и предплечьем свободной руки упёрся в дол волнообразного клинка, готовясь принять удар на крестовину. Казалось, никаких на этот раз уловов не будет – он в своих силах уверен и готов пободаться раз на раз. Просто заблокирует. Но в тот миг, когда нордскую сталь от лезвия фламберга отделяло не более ладони, Сэндел вдруг отпрянул всё с тем же проворством, присущим скорее скальным кобрам, нежели человеку. На поверку, мерзавец оказался не просто ловок, но скор как проклятушая молния! Хааной подобной прыти никак не ожидал, а потому не успел ни отклонить удар, ни как-либо иначе среагировать. И поплатился за это, приняв в свою грудь ужасающий меч. По самые кабаны клыки!

И как будто победы ему недостаточно, наёмник ещё и наверхие своего меча упёр в землю так, чтобы тело пронзённого осталось стоять на полусогнутых без посторонней помощи. А сам повернулся к собравшейся толпе селян и контрабандистов и, поведя в приветственном жесте руками, расплылся в наимерзейшем своём оскале.

Кто-то бросил в него камень, удачно расквасив наёмнику нос, но тот этого как будто даже и не заметил. Продолжил улыбаться, демонстрируя залитые кровью зубы.

– Проклятье, Гайо милостивый!.. – процедил Брут, сплёвывая в грязь. – Все назад! Никому не подходить к ублюдку ближе, чем на десяток шагов! Ищите себе щиты и пики.

Честно признать, он и сам сейчас с радостью бы бросился на наёмника, дабы голыми руками свернуть тому шею или, ещё лучше, утопить мерзавца в грязи и крови им убиенных. Однако идея-то была так себе. Двое хороших людей уже пошли на поводу у подобного «праведного гнева», и вот чем это обернулось. И пускай оба приходились Бруту добрыми знакомыми, возможностью отплатить за их гибель он сейчас едва ли располагал. Не ранее, чем выяснит, что дезертиры для всех них готовят. Бремя командира, мать его...

– Эй, в чём у вас там дело-то?! В чём заминка? – крикнул меж тем наёмник, соизволив всё же утереть с лица. – Я сдаюсь, добрые люди. Подходите и возьмите меня!

Вторив словам, Сэндел выставил вперёд руки, соединив запястья как если бы их стягивала верёвка. В его сторону тотчас же полетело ещё больше камней, но наёмник удосужился лишь лениво отмахиваться от тех из них, что метили в лицо и голову.

Но вот неровный строй контрабандистов и селян заволновался, и вперёд выступил некий смельчак, готовый принять вызов. Камнепад прекратился как будто бы сам собой.

– Я же велел никому не приближа... – начал было Брут, но осёкся, увидев, кто именно выступил вперёд. Чужеземец. Ему он перечить не стал.

– Во-от, значит, как... – выдохнул Сэндел.

Развернулся и направился за мечом. Широким, размашистым движением он вырвал клинок из груди воина-охотника, позволив тому пасть наконец на землю, и встал в низкую стойку, водрузив лезвие себе на плечо и перемазав тем самым дорогие одежды. Замер, изготовившись к бою. Посуровел.

Такеда же напротив, хоть и держал оружие наготове, но ступал спокойно и чинно, словно собирался не более чем мимо пройти. Лишь взглядом он выдавал свои намерения. Остановившись аккуратно в нескольких шагах напротив наёмника, чаандиец воздел меч к небу и взмахнул им с такой силой, что вымазанное кровью лезвие вмиг очистилось. Багряные капли легли на истоптанную грязь рисунком алого крыла. Любой живописец оценил бы.

Вернув клинок в ножны, Такеда замер в стойке, хорошо известной и уважаемой в его краях, но наверняка чуждой для местных невежд. Следящие за ним и впрямь подивились: кто же начинает бой с мечом в ножнах? Но, видимо, на то он и умелый воин. Знает что делает.

Так они и застыли, недвижимые, будто каменные изваяния. На мгновение, другое, третье... у мастеров клинка свои причуды. И едва лишь наёмник приготовился рвануться вперёд, – присел чуть ниже, рукоять меча сжал посильнее, – как в спину ему бросили:

– Довольно, Сэндел! Всё, уходим. Возвращайся!.. – И ещё парочку крепких словес вдогонку, которые из тени скального выступа прорычал дезертирский капитан.

Надо было видеть лицо наёмника в тот миг. Уже второй раз дуэль, которую он явно жаждал получить, прерывают. Кому-то даже могло сделаться его жаль. Впрочем, он скоро взял себя в руки.

– Пошёл к чёрту! – коротко бросил Сэндел, не удосужившись даже оглянуться.

Дезертирский капитан – это сразу видно – рассвирепел, но ответил спокойно и вкрадчиво:

– Довольно, наёмник. Это – приказ! Выполняй, что велено. Помни, кто и за то тебе платит.

Ещё мгновение один лишь ветер гулял по логовине, гоняя из стороны в сторону чёрную копоть. Но ровно до поры, пока наёмник по имени Сэндел не разразился вздохом столь тяжким, как если бы убиенные сегодня люди вдруг стали небезразличны его чёрствому чёрному сердцу. Он расслабленно выпрямился, сморкнулся в грязь, а меч на своём плече устроил так, чтоб его легче носить, нежели наносить удар. Взглянул на своего несостоявшегося соперника.

– Ну, видимо, всё же в другой раз, чужак, – изрёк он. – Но ты не волнуйся, я обязательно тебя повстречаю. Лицо у тебя приметное, да и мечик твой мало с чем спутаешь. Ну, до скорого! – После чего развернулся и направился во тьму скального выступа. Задержался лишь у тела хааноя: сорвал с его пояса тканевую перевязь и, орудуя той как тряпкой, взялся очищать лезвие меча от крови. Ну и, проходя мимо командира, оглянулся на него и громко, во всеуслышание, изрёк: – Мы ведь, кажется, договаривались – никаких имён. Так ведь, *Слизлик Гейнц*? Или я чего попутал? – И, не дожидаясь ответа, теперь уже окончательно скрылся во тьме.

Капитан дезертиров, названный Слизликом Гейнцем, аж побагровел от сказанного. Однако ответить наёмнику так и не решился. Вместо этого он мстительным взором обвёл собравшуюся толпу, заглядывая в лица. Вот уж где мог не стесняться в выражениях.

– Ну, чего вылупились, собаки?! Радуйтесь, пока можете; *дерьма* я за ваши жизни не поставил бы! – после чего обернулся и скомандовал: – Выпускай! – и тоже зашагал прочь.

И стоило лишь изгвазданному его плащу скрыться впотьмах вслед за наёмником, как из тьмы этой загрохотало, застучало и залязгало нечто поистине монструозное. Будто чудище какое рычало и стальной пастью безудержно щёлкало. Не знаешь, чего и ожидать. Но вот лязги пошли на спад и вскорости обратились в не более чем неритмичный стальной скрежет. Вояки и кузнецы сразу признали это звучание: так скрежещут сочленения полного латного доспеха... правда скверно подогнанного или вконец измятого.

Селяне и контрабандисты приготовились. Никаких команд им уже не требовалось, строй они держали сами. Плечом к плечу с товарищем – оно как-то поспокойнее будет. И вот, из тьмы скального навеса показались первые фигуры. По пятеро, потом ещё по пятеро и ещё. Всего – двадцать; малый дворфийский шард. Штурмовой отряд суровых низкорослых бородачей. Мало кто из людей видел такой в деле. Но байки ходили самые разные.

– А *этим* какого лешего здесь надо? – спросил кто-то из контрабандистов и, не дожидаясь ответа, крикнул: – Эй, дворфы, хрен ли вы тут позабыли, а?!

– Тихо ты! – шикнул на него Брут.

Хотя так-то вопрос более чем резонный. Какого хрена тут забыли дворфы? Ещё б придумать, как к ним подступиться, чтобы вежливо об этом спросить...

А шард тем временем вышел из тени скального навеса на свет божий и всё тем же боевым порядком двинулся вперёд. И чем ближе подступали воинствующие дворфы, чем отчётливее проступали в смоге коптящей смолы, тем сильнее холодились загривки тех, кто выстроился на их пути. Причин тому хватало.

– А ну стоять! – рыкнул Брут со всей, на какую способен, сталью в голосе, только бы лязг доспехов перекрычать. – Если хотите драки, то хотя бы назовитесь!

Дворфы, все до единого, пропустили его слова мимо ушей с тем безразличием, как если бы не понимали языка или просто залили уши воском. Никто даже не моргнул. И тем не менее вовсе не эта их меланхолия пугала. Куда страшнее выглядела амуниция, ибо каждый бородач – хотя народец этот славился своими кузнецами, да и общей щепетильностью, – облачился в то, что иначе как рухлядью и не назовёшь. Стальные кирасы, проржавевшие и почерневшие, изобиловали грубыми, приколоченными кое-как заплатами из жести и обрезков металла. Дранные и изъеденные перевязи ошетинились наконечниками калёных гвоздей вместо заклёпок, а стальная сетка из острых прутьев выполняла, видимо, роль кольчуги. Одним словом – с миру по нитке, но всё вместе – творение не то безумца, не то изувера! Тем не менее дворфы исправно двигались вперёд, сохраняя строй, хотя чем ближе подступали, тем отчётливее виднелись на

них раны, оставленные такой скверной амуницией. Каждый шаг отмечался кровью. А вооружение и того хуже.

Даже чаандиец явно не знал, как к таким неприятелям подступаться.

– Проклятье, чтоб их... Назад! Все назад! – рявкнул Брут. – Строй не размыкать! За каждые их два шага вперёд отходим на шаг назад. Выманиваем на луки!

Хранить секретность едва ли имело смысл. Даже если дворфы и не понимали сказанного, всё поле боя усеяно стрелами что колосьями, – даже идиот заметит, даже слепец наткнётся. И тем не менее дворфы послушно шли. Неспешно громыхали вперёд, будто катящийся с предгорья валун. Валун, обвязанный кастрюлями, колями и обломками клинков.

Одному из селян – подранку – не посчастливилось оступиться при очередном шаге назад. Он выпал из строя, и, хотя ему тотчас же подали руку, один из дворфов в латных рукавицах с зазубренными крючьями, приделанными на манер когтей, выпрыгнул из строя и упал прямо на него, крепко вцепившись несчастному в ноги. Придавил своим весом к земле и принялся терзать, что остальные аж отпрянули. Кто-то из числа контрабандистов опустил на плечо безумного бородача гвизарму, пропоров хлипкий поддоспешник и, судя по хрусту, раздробив ключицу, но дворф того даже и не заметил, и свою расправу прерывать не стал. А мгновением позже и вовсе впился в свою жертву ещё и зубами! Тут же и остальной шард подступил, и крики несчастного быстро стихли.

– Мать честная!.. – в ужасе выпалил кто-то. Имел на этот ужас полное право.

Тут, наконец, на головы безумных дворфов посыпались стрелы. Благо, шард еле полз, попасть по такой цели несложно. Каждая четвёртая – если не третья, – стрела находила брешь в сочленениях паршивых доспехов и разила плоть. И казалось, исход этого странного боя предрешён. Вот только...

Клятые дворфы обращали на стрелы внимания не больше, чем на слова!

– Мать честная! – повторил боцман дрожащим голосом. – Ш-что делать будем, Брут?!

А Брут и сам хотел бы знать ответ. К такому никакая служба и никакая война не могли подготовить. Да и на ходу не придумаешь; когда на тебя прёт закованный в окровавленное железо крепыш, которого торчащая из темечка стрела несколько не беспокоит, – как-то совсем несподручно собираться с мыслями.

Поток стрел иссяк. У лучников они закончились. Лишь одного дворфа свалили.

– Брут! – крикнула с уступа Энилин, замахав руками. – Вон там! Смоляной бочонок, что в костре, попробуйте его!

Услышав это, бывший сотник с ходу смекнул, о чём речь. Хорошая идея. Коптящая в костре смола – тоже вполне грозное оружие.

– Держать строй, мужики, не дрейфить! Подайте краги и кто-нибудь со мной, да поживее!

Свой щит Брут передал сотоварищу, занявшему его место, ну а сам опрометью бросился к дальнему костерку. На ходу принял брошенные ему кузнечные краги и натянул их прямо поверх гвардейских перчаток. Те выдерживали жар кузнечного горна; хотелось бы верить, что и горящая смола им тоже окажется нипочём.

Подскочив к огню, Брут с сотоварищем на ощупь, – ибо копоть нещадно терзала глаза, – кое-как выудил один из занятых пламенем бочонков. Опалили себе лица, гарью надышались, да и руки жар своей лаской не обделил, но дело сделали. Поспешили обратно, а когда горячую поклажу стало уж совсем не вмоготу держать, – с раскачки запустили смолу прямо в середину проклятущего шарда. Один из бородачей, по-видимому, совсем обезумел, ибо рубанул подлетающий бочонок секирой, развалив тот на ошмётки. Оттого-то горящая смола покрыла всех до единого, не пощадив ровным счётом никого. Такого уж ни одна пехтура не вытерпит.

Но вновь ни хрена! Как с гуся вода!

Смолой заляпало каждый доспех, она попала на лица и руки, воспламенила усы и бороды. И тем не менее дворфы не дрогнули и строя своего не сломали. Более того, даже и не помыш-

ляли о том, чтобы сбить с себя пламя или потушиться водой. Никто из них и рта своего не раскрыл, чтобы банально закричать от боли... В глазах несчастных, наблюдавших это, то оказались уже не дворфы, но мстительные духи, восставшие из глубин самой преисподней. Не ведающие покоя, а потому, очевидно, и смерти неподвластные.

Но ведь огонь пожирает всё! Должен же он рано или поздно совладать и с *ними*?

Именно эта мысль билась о своды Ричардова черепа, прежде чем он осознал, что его трясут и треплют за грудки. Энилин он признал не сразу, после такого-то увиденного.

– Пекарь, мать твою! – кричала она. – У тебя осталась та алхимия?! Я видела второй флакон!

– Ал-химия... – пролепетал он не своим голосом. «Какая, к чёрту, алхимия, женщина, когда тут такое?! А-ах, в смысле, *та самая* алхимия!» – Д-да... да, тут оставалась!

Ричард потянулся к сумке и вытащил пузатый флакон и фиал поменьше. После того, что сотворила эта дрянь с теми дезертирами, он с радостью бы избавился от обеих ёмкостей, но... жаба душила. Целое состояние за них отдано; лучше уж выпить, чем просто выбросить. Хотя лучшего момента, чтобы пустить их на доброе дело, и не придумаешь. Хотя бы один.

– Чего ты медлишь, глупец, бросай скорее!!! – прикрикнула Энилин.

Он выбрал тот, что побольше. Размахнулся и зашвырнул флакон в пожираемый пламенем шард, пока дворфы не отошли слишком далеко и смоляной дым их не сокрыл. Поджигать не стал, ибо там и так всё горело.

– Бегите куда можете! – закричал Ричард, падая ниц и зажимая уши руками.

Хотя даже так он прекрасно слышал этот тошнотворный, выворачивающий всё нутро вверх тормашками то ли *вой*, то ли *визг*. Ну, по крайней мере, значит, он попал. Хлопок взрыва на этот раз вышел во сто крат сильнее прежнего: отбил слух, взболтал внутренности, сдвинул железной хваткой сердца, да и в целом прошёлся по всему телу, словно ураган. Полыхнуло тоже добротню, как второе солнце зажглось. Скальный выступ, на котором устроились лучники, опасно задрожал и затрещал. Того и гляди оседет и обрушится... но не обрушился. А уж сколько ошмётков в небо взлетело – тут уж можно хоть до самого вечера считать, дожидаясь, когда наконец попадают.

А вот в ушах звенеть нескоро перестало. И оттого непонятно, стихло ли всё, или это ещё не конец и проклятые дворфы умудрились и после такого уцелеть?! Ричард не стал даже подниматься, а прям так подполз к краю, посмотреть. Ну он, конечно, наворотил дел, ничего не скажешь.

Да, бой закончился, а от шарда безумных дворфов осталась обугленная рывтина. Раскалённые добела камни, обожжённая земля и песок, коптящий шлак... рассматривать не хотелось. Он это уже видел; все они. Оставшиеся на ногах селяне и контрабандисты, насколько можно судить, вроде как уцелели все. Щиты им помогли.

Но потери всё равно ужасали.

Сейчас уцелевшие понемногу приходили в себя и собирались вновь в подобие строя, хотя... над всей логовиной уже витало призрачное осознание, что на сегодня с кровопролитием покончено.

И действительно. Лучники – всё равно стрел ни у кого не осталось – поспешили спуститься со скального выступа и присоединиться к своим. Помочь раненым, ибо мало кому посчастливилось остаться без серьёзных ран. Где не достал меч или копье, там ужалил осколок. Ну, по крайней мере, будет что вспомнить и что рассказать в трактире за чаркой. Бруту так и вовсе всё лицо посеколо, но он о своём долге не позабыл: наспех перевязал голову, организовал тех, кто ухаживать не умел, но ещё в силах держать оружие, и повёл под сень скального выступа, куда сбежали дезертиры. Разведать.

Ожидали они всего чего угодно, ну а нашли лишь нишу с остатками разбитого здесь некогда лагеря да внушительные бронзовые врата, вмурованные прямо в скалу. Дворфские,

не иначе. Правда, эти выглядели так, будто не прикасались к ним целые века. Разумеется, затворённые. И ни в какую не поддавались.

Ну и шут бы с ними. Дезертиры ушли и уже вряд ли вернутся за добавкой.

Также нашли здесь и одного-единственного недобитка, коему повезло не поймать стрелы и не схлопотать копьё под ребро, а получить поленом по морде. Допросили его. Поведал он немного, зато сказал главное, о чём его допытывал Брут и Энилин: встреченных на дороге мальчонку и священника дезертиры и впрямь не тронули. Отпустили. Ибо не за казённым добром их сюда ниспослали. Только после этих слов бывший сотник позволил себе вздохнуть спокойнее.

Что ж, это можно назвать победой. Той самой, настоящей, всамделишной, неприукрашенной победой: бесславной, пропитанной усталостью, болью, потом и горестями утрат друзей и товарищей.

Однако передышке оказалось не суждено продлиться долго. Все, кто мог и умел, занялись ранеными. Среди них и Такеда; чаандиец оказался сведущ в лекарском уходе. Остальные же отдыхали. Кто-то даже организовал котелок над догорающим кострищем. Сражение сражением, а брюхо чем-то набить надобно. В ближайших кустах обнаружился бедняга Себастиан. Он держался молодцом, хотя до сих пор дрожал как осенний лист на ветру. Одного этого хватило, чтобы точно разувериться во всех подозрениях на его счёт. И вот, когда мысли едва ли не каждого обратились по направлению к дому, организовавшиеся в дозор охотники всё испортили, прибыв со скверным известием:

– Беда, дорогой! – Энилин вдохнула поглубже, но договорить всё равно не смогла; упала на колени и бросилась в объятия мужа, всхлипывая. Северная дикарка, и всхлипывала?! Увидавшие это стали мрачнее вчерашних туч.

– Что случилось? Что на этот раз?!

– Гвардейцы, Брут, – отозвался один из охотников, что вместе с Энилин заступил в дозор. – Гвардейские знамёна на горизонте. Целый полк, а может и того больше. Идёт ровнёхонько сюда. Видать, дым их привлёк.

Ну да, подобный столп дыма, коим накопила здесь смола, за десятки миль вокруг должен хорошо просматриваться. А уж для гвардейских соглядатаев это – верное приглашение проверить.

Впрочем, если это целый полк, да ещё и со своими знамёнами, то, пожалуй, нет нужды сомневаться, что это и впрямь настоящие гвардейцы, а не очередная дезертирская банда.

Вот только меньше проблем это не делало.

– Мы уходим, – тут же заявил верховодящий контрабандистами боцман. Поднялся от костра, а остальные его люди встали с ним вровень. – Сам понимаешь, старина, нам тут рады не будут. – И распорядился своим головорезам собрать всё ценное, за что не будет спора.

Ну конечно, Брут это понимал. Как и то, что Энилин тоже придётся отправиться с ними. Она ведь северянка, она вне закона на этой земле. Клановые наколки с лица просто так не сотрёшь. Ведь после того что они тут устроили, гвардия точно весь полуостров перероеет.

– Так, мужики, общий сбор, – Голос бывшего сотника походил на скрежещущие друг о друга камни. – Решаем, что делать дальше и как поступить.

Хотя много ли оставалось вариантов? Когда они на это дело соглашались, каждый понимал, что, возможно, дороги назад уже не будет. И не только из-за опасности расстаться с жизнью. Вот и пошли те, кого на этом клочке имперской земли мало что держало. Одно дело – откупаться от местных вояк, чтобы те закрывали глаза на «подозрительных личностей, сбывающих неописанные товары в обход имперских пошлин», но совсем другое – дать обнаружить себя на месте побоища, среди этих самых *подозрительных личностей* и мертвецов в гвардейской форме. Вот ведь конфуз.

Оттого-то совет оказался недолгим. Все селяне – все выжившие – единогласно решили примкнуть к контрабандистам. Покинуть обжитые места и вкусить чутка вольной жизни. Может даже возвратятся сюда, когда всё уляжется. Для смельчаков и сорвиголов – ожидаемое решение.

И вопрос, по сути, состоял лишь в одном. Для Брута по крайней мере.

– Не-ет... – едва выдохнула Энилин, качая головой. – Нет, дорогой! А как же наш сын?!

Брут нахмурился. Такие решения никому не даются легко.

– Наш сын... – сглотнул он. – Дорогая. Родная. Неро сильный. Он справится. Справится во что бы то ни стало! Должен, потому одну тебя я не оставлю! Взгляни на меня, вспомни, вспомни кто его мать, кто учил и натаскивал его! Справится, точно справится.

Оба они, если б только помнили, каково это, зарыдали бы.

Ричард Маганти, сидевший неподалёку, хлопнул по коленям и поднялся. Его голос мало что значил, но вот чувства этих двоих ему очень хорошо знакомы. Вот и решил, что уж поможет им чем сможет, почему бы и нет?

– Я с вами не пойду, – твёрдо заявил он. – Вернусь к себе, в Гринлаго. А заодно и вот этого вот провожу. – Ричард ткнул пальцем себе за спину, указывая на удаляющуюся фигуру чаандийца. Ну а что, ему заплатили, и он своё слово сдержал. А теперь, раз бой окончен, пошёл своей дорогой. – А если вдруг повстречаю вашего паренька, – продолжил меж тем Ричард, – могу и весточку ему от вас передать. Я ж его видел, помню, как выглядит, узнаю при встрече. Идёт?

Пекарь, когда с этим предложением подходил, не ожидал, как повернётся. Ещё раньше, чем он договорил своё «идёт?», та северянка, Энилин, заключила его в объятия. Такие, по которым сразу же понятно, что это не товарищеские, но материнские. Растрогала его тем самым до глубины души. Всё же он не такой уж скверный тип, как привык о себе думать.

Брут тоже протянул ему руку.

– Безопасную дорогу до города-то хоть знаешь? – поинтересовался.

– Знаю, – ответил Ричард. – Точнее, знаю тех, кто точно знает.

– Хорошо, – кивнул Брут. – Тогда за дело. Заберём раненых и уходим отсюда. – Бывший сотник оглядел логовину, будто бы с тоской. Остановил взгляд на Ричарде. – Спасибо, приятель. Жаль, едва познакомились.

Ричард только плечами пожал: в жизни так случается.

✧ »○« ✧

С того момента минуло уже... сколько? Половина дня, не меньше. Закат. И по-прежнему за ними никакой погони. Хорошо. Значит, не зря он про местные тропки узнавал и о нужных людях справлялся, отправляясь сюда. Пригодилось. Разве что следом всё ещё шёл этот травник или монах, или кем он там был? Себастиан. Прямо как банный лист пристал. И с одной стороны, свободный же человек, пускай ступает куда ему вздумается. Но вот с другой – раздражал. Увязался как-то странно, ни ближе, ни дальше, ни в сторону. Чего хотел – помалкивал; чего добивался – тоже непонятно. Но и тумакami прогнать его вроде как не за что. Пока, во всяком случае.

Ричард в очередной уже раз, не выдержав, обернулся:

– Ты же вроде в деревню хотел возвращаться? – прокричал он Себастиану.

– Нету больше деревни! – донеслось в ответ. – Мне теперь нужно в город!

– Ну так и иди туда! Другой дорогой! – ругнулся Ричард и продолжил путь.

Это уже их дюжинная за сегодня перебранка. Сначала Пекарь всерьёз думал кулаки об него почесать, чтобы отстал. Затем швырялся в монаха камнями. Под конец иссякла даже брань. Теперь он лишь время от времени пробовал прикрикнуть на Себастиана, чтобы тот

валил прочь, но это ни к чему не приводило. Чаандиец всё это время шёл молча, не вмешиваясь.

В конце концов, Ричард махнул рукой. Словно почувствовав это, монах стал потихоньку их нагонять. По чуть-чуть, понемногу, по шажочку. И вот он уже идёт с ними вровень.

Шли они через непаханные, поросшие бурьяном и дикими травами поля. Огибали овраги, обходили холмы, встречали и провожали резвящийся здесь тёплый летний ветер. Двигались к мелкому рыбацкому посёлку, у которого и названия вроде как не было.

Зато там должен обретаться нужный сейчас человек.

– Фу-ты ну-ты! – воскликнул хозяин одной из хибар, открыв дверь и увидев на своём пороге вымазанного запёкшейся кровью чужеземца, лысого улыбчивого простака в рясе, и ещё третьего – человека вроде серьёзного, с тяжёлым взглядом, вот только что он в такой компании забыл? – Чего изволите, господа хорошие? Улова сегодня нет, хаты не сдаём.

– Нам бы того, любезный, на тот берег переправиться, – отвечал Ричард. – Нисон Ригс тебя на этот счёт советовал спрашивать. Слыхал о таком?

– Нет, не слыхал, – с каменным лицом проговорил хозяин хаты, что для *своих* означало: «Конечно друзья, почувствуйте себя как дома, сейчас всё устроим!» – Ну и... сколько вас?

– Двое, – ответил Ричард.

– Трое! – встрял Себастиан.

Хозяин удивлённо уставился на монаха. Затем, вопросительно, на Ричарда.

– М-да, – прицокнул Пекарь, утирая с лица. – Один момент, сейчас решим.

Сам закрыл перед хозяином дверь его же хаты, повернулся к Себастиану, вынул стилет из-за пояса, ухватил того за грудки и...

– У меня есть предложение! – выдал единым порывом монах, хотя на его лице и тени страха не таилось. – Де-ло-во-е. Вас всенепременно заинтересует!

– Чего? – выдохнул Пекарь.

– Мне нужно добраться до города, а затем – до драконьей святыни. Я, разумеется, заплачу. И немало! Но сперва, будь так любезен, вскрой-ка эту вещичку. Там как раз ваша оплата.

– Вскрыть? – всё так же недоверчиво спросил Ричард. – А с чего это ты взял...

– Чутьё, – улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой монах и сунул Ричарду под самый нос богато украшенную шкатулку.

Ричард ослабил хватку. Вернул стилет за пояс.

– Ну-у, допустим... – проговорил, беря шкатулку в руки.

Провозился он с ней немало. Всё потому, что отмычек с собой не брал. Пришлось орудовать калёной спицей, выгнутым «как надо» рыболовным крючком и парой зубцов, отломанных от обычной вилки, – всем, что нашлось в хате рыболова. Впрочем, не беда, ибо Ричард и сам проникся интересом: замок не так прост, да и шкатулка выглядела дорого-богато. Пожалуй, этому странному монаху он мог бы оказать услугу-другую за одну лишь эту коробочку; а если внутри действительно хранилось что-то ценное, то на это следовало хотя бы взглянуть.

Пока Ричард возился, Себастиан сидел в лодке напротив него, беспрестанно что-то перебирая в пальцах и бормоча. Молился небось – монах всё-таки. Чаандиец оставался молчалив, хотя и у него на лице, при слове «оплата», зародился некий интерес. Ну а лодочник... таких обычно называли: нем как могила. Хороший люд, по таким сразу видно, что неболтливы и проблем не создают.

– Вот... зараза! Заело кажись. Ух! – Ричард надавил чуть сильнее, что-то лопнуло, и шкатулка отворилась настежь. – Готово, монах! Фу-у, пылища.

И впрямь из шкатулки, стоило её открыть, пахло смрадом, но Себастиан тотчас же руками всё это развеял. Лишь запах странный остался, как в дождливый день. Однако никто даже не чихнул.

Все трое заглянули в шкатулку. Там, в нише из синего атласа, лежало писчее перо исключительной работы. Настоящий шедевр даже на первый взгляд. Серебряное, с витиеватым долом для чернил, изысканным рубином посередке и оперением на удивление мягким, сделанным, по-видимому, всё из тех же серебряных нитей, но какому мастеру такое под силу? Сама вещица без проблем воображалась в руке не просто высокопоставленного клерка, но без малого Наместника! А уж от одной мысли, сколько монет можно за неё выручить, голова шла кругом.

– И ты хочешь сказать, – у Ричарда в глотке пересохло, – что пожалеешь нам эту диковинку за то, что мы тебя с одного края острова на другой доставим?

– Именно! – Себастиан вёл себя так, будто слов «ценность» и «деньги» для него не существовало. – Оно мне ещё понадобится для некоего дела, ну а после – вы станете его полноправными владельцами. Делите его, как вам заблагорассудится. Ну что, по рукам?

Такеда и Ричард переглянулись, будто уже сто лет в обед друг другу не только закадычные друзья, но и честные поделщики. И неизвестно, как там чужеземец, но вот Пекарь-то сразу предположил, что где-то здесь загвоздка или подвох закрался... но в чём именно, пока не знал, а значит, придётся выяснять по ходу дела.

– По рукам, – ответил он и за себя, и за чаандийца, а тот и не думал перечить.

– Превосходно! – захлопал в ладоши Себастиан. – Вы об этом не пожалеете.

Глава третья

Монета на кончиках пальцев

Неро Вандегард

Я хорошо помнил то время, – даже сам тот момент, – когда убедил отца устроить меня в военную академию. Я хотел стать солдатом, как и он сам; мечтал стать *егерем*. А о белолигийских егерях тогда ходило немало бравых легенд! Непревзойдённые разведчики, мастера скрытности и засад, асы в обращении с луком и арбалетом, диверсанты. Егерю могли пожаловать чин тысячника, даже если он из простолюдинов; платили кавалерийское довольствие; нередко рыцари избирали егерей своими оруженосцами, – притом *приглашали* присоединиться к себе, а не просто повелевали.

От шести до десяти лет муштруют на егеря; набирают мальчишек и девиц из первородных, годков девяти-десяти, чаще знатных, но и простецов не реже, если хорошо себя показывают. Меня благодаря отцу взяли в одиннадцать, а после двух лет обучения вернули в семью. Вновь разгорелась смута. Никс-Кхортемские кланы, поговаривали, сызнова взялись за оружие: впали в немилость у правящих господ, жгли прибрежные селения, грабили торговые баржи, угоняли в неволю всех, кого выйдет захватить в разбойничьих набегах.

Вот только я-то знал, что враки всё это! Вовсе не разбоем живёт земля призрачного снега!

Вот только заяви об этом во всеуслышание, разве послушают? Меня, равно как и остальных юнцов, хотели отправить на границу. Там, дескать, закалка пойдёт быстрее. Ну и, разумеется, ни я, ни отец, ни уж тем более мама не желали, чтобы моя стрела – случайно либо же злонамеренно, – пролила хоть каплю кхортемской крови. Или и того хуже: от северянской хладакаленной стали пролилась бы моя собственная.

Мать надоумила, отец похлопотал, и вот меня вернули в семью, разорвав контракт и спалив его обрывки в жаровне. Помню я, – не сумел тогда сдержать слёз. Слёз радости и одновременно горя. Пришлось мне свыкаться, хотя военный быт я по-прежнему уважал. Уважал почти в той же мере, что и – как я про себя их называл, – своих кровных братьев. Невзирая на то, из каких кланов и родов те происходили. Все северяне, кого мне довелось знать лично, как на подбор были добрыми друзьями и верными товарищами.

И вот стою я сейчас меж сожжённых домов моей родной деревни, а гвардеец треплет меня за плечо и повторяет раз за разом, мол: да не переживай ты, парень, это всё северные дикари, но ныне-то они свои клыки знатно пообломали. Говорит: больше сюда не сунутся.

И что прикажете мне думать опосля этих слов? Что чувствовать?..

Я глазам своим поверить не мог. Да в общем-то и не верил! Смотрел на прогоревшие остовы, на закопчённые пепелища, а каждый раз, едва лишь моргая, видел за закрытыми веками целёхонькие хаты, как раньше. Будто наваждение какое. Сон наяву. Кошмар тогда уж.

Снова шагнул вперёд, но гвардеец одёрнул. Сжал моё плечо чуть сильнее. Велено ему не пускать меня в деревню, пока отец Славинсон не уладит с комендантом; а я сам до того потерял, что даже разозлиться на него как следует не мог.

Голова болела. Дышалось как-то с трудом. Дрожали руки. Время от времени со щёк я утирал слезы, но те катились без моего ведома, – это не я плакал, это они сами. В голове, словно камешки в банке, гремели предположения одно нелепее другого; а над всем этим довлеют слова моего прежнего наставника из военной академии, Сайруса Абендена, который говорил: «Беда всегда приходит не ко времени. Но вовсе не потому, что она такая сука. Просто ты в тот момент оказался к ней не готов». Во время моего обучения этот человек за мной вроде как приглядывал. То ли по просьбе отца, то ли чтобы из меня вышел толк, то ли по доброте душевной. Но он прав, как и всегда, – к такому я не готов.

Да и можно ли в принципе подготовиться к чему-то подобному? Едва ли.

Гвардейца, что удерживал и неумело меня успокаивал, окликнули.

– Слушаю, господин десятник, – отчеканил тот, не ослабляя хватки.

– Можешь пустить парня, это вопрос решённый. Пусть осмотрится.

– Так точно, господин десятник. Разрешите рассказать ему, что да как?

Молчание. То ли десятник кивнул, то ли головой покачал. Думаю, покачал.

– Так точно, господин десятник! – отсалютовал гвардеец, развернул меня к себе и опустился на колено. – Ну вот, парень, теперь всё по уставу. Ступай, сам на всё погляди. Особо там не копайся, а если чего найдёшь – не утаивай, а неси сюда. Всё понял?

Я кивнул, но, клянусь, сделал это просто чтобы меня уже пустили.

Гвардеец утёр с моих щёк свежие слезинки и слегка подтолкнул в сторону пепелищ. Даже не знаю, сдвинулся бы я иначе с места или так и остался стоять. Но уже после первых неуверенных шагов ноги сами понесли вперёд. Домой. По старой памяти я шёл по натоптанным тропинкам, хотя сейчас их никак не разглядеть. Трава повсюду пожухла от жара, а та, что нет, – почернела от копоти. Каждым шагом я тревожил облачка невесомой залы.

Дом. То, что осталось от него. Отец на своём веку выстроил богатое жилище, но теперь это лишь груда обломков. Не сильно-то больше, чем все прочие. Огонь всеяден. А ещё он ненасытен.

– Мама? – позвал я, незнамо зачем. – Папа?

Нет ответа. Разумеется, ведь некому отвечать. Вся деревня, за вычетом рыскающих всюду гвардейцев, пуста. Ни следов битвы, ни тел, ни уцелевших, ни свидетелей.

И никто не ответит, что здесь произошло на самом деле.

Несмело ступая, я прошёл глубже. Аккуратно, стараясь не тревожить царящую разруху, как если бы мог, словно по звериным следам, прочесть о всём приключившемся. Но – увы. Вокруг лишь горелое дерево, истлевшие ткани и припаленные разбитые миски и горшки. Едва ли смогут они поведать правду. Обогнув очередную торчащую, словно почерневшая кость, балку, я опустил ногу, и что-то хрустнуло под пятой. Осколок закопчённого оловянного зеркала, заморского сувенира, что ещё от деда остался. Дрожащей рукой я поднял его, пальцем стёр нагар. В нём отразился юноша, несчастный и перепуганный, успевший где-то попачкать лицо в саже; а сажу ту прорезали всё те же следы недавних слёз; да сколько могут они литься сами собой?! Не сразу в отражении я признал себя.

Я выронил осколок, как если бы тот обжёг пальцы. Почувствовал боль, но это я не порезался, нет. Это досада и горечь во мне так стремительно сменились страхом. Спотыкаясь, я пошёл прочь из разрушенного дома, а через мгновение уже бежал и только оставив деревню в дюжине ярдов позади, сумел взять себя в руки и остановиться.

Само это место, прежнее моё жилище, вдруг почудилось мне озлобленным и чуждым. И хуже того, в голову взбрело, что всё это – моя вина! Будто сожжённый дом немым укором обвинял меня в произошедшем. Это, мол, не что иное, как жестокая кара за произошедшее в библиотеке! Возмездие за неуёмное любопытство. И сколько ни зажимай ушей, эти предположения и догадки не замолкали.

Хотя нет, не сходится... Никто в ту ночь меня не видел, кроме той девицы, да и окажется оно иначе, разве не было б тогда погони? Что же касается её самой, то будь я ей враг, она наверняка просто бросилась бы на меня с кинжалом прямо там, в том же проулке. Или с кулаками или камнем, если кинжала не имелось. На её месте я, думаю, хотя нельзя сказать наверняка, так и поступил бы...

Я хорошенько потрянул головой. Запустил пальцы в волосы, пускай те и перемазаны сажей. «Что же это я такое несу? Напасть на юную деву? С кинжалом?! Да ни в жизнь!» На поясе у меня висела фляжка с водой. Я сорвал её, откупорил, вылил в руку и плеснул себе на лицо. Затем – ещё раз. Влажной ладонью пригладил всклокоченные волосы. Остатки допил. Прохладная вода не принесла облегчения и не утолила жажды, но вернула мыслям хоть сколько-нибудь ясности.

«Нет, это не может быть правдой. Это не могло приключиться именно так! Тут нечто другое». Я вдохнул глубже. Выдохнул. Вытер с лица. Бросил пустую флягу себе под ноги и вновь глянул на разруху далеко позади. Они... так и остались там. Просто сожжённый дом. Не потушить уже никак, но и сильнее не сгорит. А ещё хорошо, что там не нашлось никого под обломками. Ни единой души.

От этого становилось легче, пускай и не так сильно, как хотелось. Но ничего другого у меня пока не оставалось, лишь бережно собирать крохи самообладания, вдыхая выветрившийся дым той жизни, которую кто-то сжёг. Я побрёл прочь. Без цели, просто, куда глядели глаза. Каждую мысль, что лезла мне в голову, я гнал, будто надоедливую муху. Жаждал покоя и тишины. Нуждался в них.

Шаг за шагом, я и сам не заметил, как вышел на дальнюю опушку. Высокие травы, властвующие здесь безраздельно, ныне изукрасились трещинами вытоптаных тропок. Следопыты гвардейские натоптали, не иначе; исходили всё вдоль и поперёк. Служба у них такая: разносить, выведывать и подмечать. Но подметили ли они другое важное?

Тут-то меня кольнуло, и я поспешил к охотничьему домику, который неподалёку. Правда, его наверняка уже давно обнаружили и, как пить дать, всё там вверх дном перевернули. Беда, если оно и вправду так, но следовало взглянуть самому. И я поспешил.

Кто бы ни оказался повинен в этих разорениях, а охотничий домик он тоже попытался сжечь. Благо, огонь им побрезговал; сложно сказать, отчего так. Часть крыши прогорела, но внешние стены почти не тронуты. Но замок на двери сбит. Значит, тут и вправду уже побывали. В дверь я ввалился, едва не сорвав ту с закопчённых петель. Внутри никого.

– Эй! – крикнул я. – Есть кто живой?

Тишина. Не знаю, на что я надеялся. Голос в запустении, наверное, слушал. Тут царил бардак и до сих пор клубился дым, словно затушили совсем недавно. Всё из-за пушнины и заготовленного под засол мяса. Такое горело с неохотой, а затем долго тлело; а если парутройку дней без присмотра полежит, то испортится, и все труды по забою и разделке дичи насмарку.

«Пару-тройку дней... Значит, всё произошло незадолго после моего отъезда».

По хлипкому, скрипучему полу я прошёл в соседнюю комнатку. Туда, где на стойках хранились секачи, рогатины и короткие копыя. Кто не сведущ в охотничьем промысле, те нередко считают, что для хорошей добычи хватит и лука с арбалетом. Это отнюдь не так. Против волка или медведя какая-нибудь гвизарма сослужит добрую службу, а коль скоро вздумаешь пойти на вепря, то помни – кабанье копьё названо так отнюдь неспроста. Но сейчас вся стойка пустовала, как и кадки для стрел, как и вешалки с плащами и жилетами.

Я не знал, что на этот счёт думать. Да и едва ли мог думать хоть сколько-нибудь здраво в тот миг. Посмотрел, понял, что пропало всё оружие и вся амуниция, которую едва ли гвардейские для себя вынесли, да и вон вышел.

На улице к тому времени заморосил дождик. Меленько так, небо-то вполне чистое. Я глянул вверх, всмотрелся в облака и... признался себе, что осталось ещё только в одном удостовериться. В очень для меня сейчас важном. Вдохнул поглубже и шагнул за угол.

Лучше б не смотрел. Лучше бы того, что осталось, не видел.

Вся моя стойкость, все крохи самообладания, уверенности, где-то даже бахвальства, сорвались в глубочайшую пропасть, и я отчетливо услышал тот звон, с которым они разбились на дне. Налетел ветер, зашуршал травами, принёс новые свежести на своём хвосте; но тут же и сгинул, упорхнув дальше. Колосья и лес вдалеке, качнувшись, вытянулись, замолчали. Ритуальный никс-кхортемский каяк, над которым я трудился столько лет и которому совсем немного оставалось до завершения, валялся у моих ног, прогоревший по самое днище. Теперь не более чем головёшки, не каждая из которых и для растопки-то сгодится. Зрелище настолько невзрачное и презренное, что посади на него кота, брось их в воду, и зверь предпочтёт плыть сам, нежели спасаться на... этом. Я сжал кулак, хотел в сердцах садануть о стену – со всей силы, пусть хоть кожу сдерёт, хоть пальцы переломает! – однако ослабевшая моя рука просто опала, а вместе с ней растаял и гнев. Сейчас мне не хватило бы сил даже букашку раздавить. Нечего тут делать. Опустошённый, я побрёл прочь.

Словно потерянный в чужой стране, я шёл вперёд, отмеряя свой путь нетвёрдым шагом. Не видел ничего и никого вокруг, смотрел лишь себе под ноги, ни на что прочее внимания не обращая.

Размышлял.

К тому моменту, как ноги привели меня обратно в деревню, отчаяние уже отступило; только тоска осталась со мной, поселившись, очевидно, надолго. Остановился я лишь когда выросла предо мной фигура благодетельного отца Славинсона, который, очевидно, долго меня разыскивал и вот наконец отыскал.

– Гайо пресветлый, Неро, мальчик мой, где ты пропадал?! Что с тобой приключилось?

Я поднял на него глаза. Хотел ответить, что всё хорошо и я уже в порядке, но вместо этого, не сумев сдержаться, упал священнику прямо в объятия и утопил лицо в складках его затёртой мантии.

– О святой отец! – взмолился я, вновь глотая горькие слезы. – Почему?! Ответь: почему так всё сложилось? Откуда это несчастье?!

– Ну-у, сыне, полноте. Случается. Сам знаешь, иногда жернова мелют мелко. «...И факел, и звёзды, и пламя свечи – рождают и краски, и тени; как делает то благодетельный свет, поныне и в терньях, и в неге...»

Я поднял голову, отстранился, усилием всей своей воли удержал новую влагу в глазах.

– Не помню, откуда строки, – пожаловался преподобному.

– Писание от Люция и Артея, седьмой стих, негодник ты эдакий. А помнится, говорил, что наизусть зубрил, – улыбнулся отче. – Будь ты моим учеником, и твои руки не знали бы отдыха от ударов лозы. Радуйся, что я тебе только друг.

Я... улыбнулся. Неожиданно для самого себя. Всё же осталось ещё место для радости.

– Во-от, так-то лучше, – продолжил отец Славинсон. – Пойдём, дружочек. Чует моё сердце, тебе не помешает привести свои мыслишки в порядок, а мне, божеской милостью, как раз удалось раздобыть нам немного мяты. Сейчас заварим – она успокаивает. Помнится, когда я был немногим старше тебя, то...

Отец Славинсон продолжил рассказывать о тех былых его деньках, где главными героями выступали разномастные отвары из мяты, творившие настоящие чудеса. А я шёл рядом и слушал. Простецкая болтовня, оказалось, помогала лучше жалости и сухих напутствий.

Заварка и впрямь оказалась хороша. Согревала руки, чуть горчила на языке, – сколько её там намешали? – а ещё неплохо прочищала голову. Гвардейцы разбили неподалёку от разорённой деревни лагерь, и уж не знаю, что отче наплёл коменданту, но и его, и меня вместе с ним приняли более чем радушно. Дозволили расположиться на полевой кухне у костра, брать воду и даже накладывать из общего котла.

Пока суть да дело, с горячей кружкой в руках и взглядом, застывшим на чьей-то неприличной надписи, нацарапанной на столе, я принялся копаться в собственных неуёмных домыслах. Собирал в одну кучу и тех недисциплинированных гвардейцев, и прибывшего чаандийца, и загадочную встречу благородных господ в библиотеке, и лишаящую разума драконью книгу. И тот немаловажный факт, что книга эта оказалась похищена прямо на моих глазах. Так и эдак крутил я всю эту требуху перед мысленным взором, гадая, что с чем связано, и связано ли вообще?

И склонялся к тому, что всё это было чем угодно, но только не чередой обычных совпадений.

Один из гвардейцев – едва ли многим старше меня по виду, – подступил к отцу Славинсону и смиренно попросил его внимания. Объяснил, что ему, мол, весточка пришла, сын у него родился, и не лишне будет посоветоваться со святым человеком, каким именем наречь на первые подстрижены? Я слушал вполуха да отвар из кружки потягивал.

Меня интересовало вот что: сколько разумного в предположениях, что произошедшее – есть кара за моё самоуправство? Существует ведь, наверное, немало такого, чего простолюдину знать не положено. Может, чему-то подобному я и стал свидетелем в ту ночь, и данный проступок просто не могли оставить безнаказанным?

Сдул пар и отхлебнул ещё немного.

Пугающие воспоминания о произошедшем в библиотеке по-прежнему терзали меня, но стоит быть с собой честным: меня если и заметили, то никто не видел лица... кроме той девицы и Гренно, привратника. Но он-то пускай и простак, но своя шкура всё-таки дороже – наверняка станет молчать. И если предположить, что благородные господа тут ни при чём, то остаётся лишь...

Я вновь прильнул к кружке, да так и замер от пришедшего на ум озарения.

Та дева! Я принял её за убийцу, так ловко шныряла она по теням, но ведь в ту ночь обошлось без нападений на кого-либо. К тому же появилась она в библиотеке *одновременно* с загадочными визитёрами, и покинула её только... заполучив драконью книгу. Выходит, с заявившейся парочкой знатников она заодно, и целью их был именно фолиант! Вот ведь я дурень, что сразу не догадался! Значит, они обо мне в курсе и этого уже не утаить. Беда. Хотя если оно так, и постигшее Падымки злодеяние – их рук дело... то возникает ещё вопрос: а почему бы им просто не схватить меня?! Как можно упустить юношу на единственной дороге из города, при этом вывести, где тот обретается, и отправить душегубов уже к нему домой? Даже не душегубов, а разорителей.

Я отстранил горячую кружку ото рта. Облизнул обожжённую губу.

С другой стороны, я вполне себе мог вообразить того, кто так поступит: например, какой-нибудь избалованный вседозволенностью знатник, носящий дорожные одежды и считающий, что всё-то ему можно и всё, что он делает, – правильно. Легче лёгкого нафантазировать, как подобный самодур решает, что просто поймать свидетеля – это слишком просто, и лучше его загнать, как дичь на охоте...

Тут о стол передо мной, с силой, что я ажно подпрыгнул, грохнула жестяная миска. Заварка пролилась, ошпарив пальцы; но хуже того, дыхание у меня от внезапности камнем застряло в горле.

– Вот! – рыкнул один из гвардейских поварских. – Комендантом велено накормить вас от пуза. Уплетайте, пока дают.

Другая такая же миска упала перед Славинсоном, и в ней, как и в моей, исходили паром две поджаренных на огне колбаски в специях. «Отравлено!» – тотчас же подумал я. Но прежде, чем успел хоть что-нибудь из себя выдавить, отче схватил вилку о двух зубцах, наколол угощение и мигом себе в рот отправил. Даже и внимания ни на что не обратил, просто продолжил болтать с молодым служакой, который, как мне показалось, как-то недобро на меня в тот момент поглядел. Сам же я застыл в ужасе.

Тем не менее худшего не произошло. Славинсон прожевал, проглотил, утёр рот рукавом и как ни в чём не бывало принялся за следующую. Молодой гвардеец с ним всё так же беседовал, а на наши угощение поглядывал без утайки и с явным аппетитом.

На меня боле не косился. Ком в своём горле я протолкнул с немалым трудом.

– Что-то не так, мой мальчик? Ты прямо-таки с лица спал. А не ешь почему?

Я поглядел в свою миску, словно ожидал увидеть там червей. Их там не оказалось.

– Я не голоден, отче, благодарю, – выдавил из себя, отодвигая ту подальше.

Славинсон только плечами пожал и отвернулся. Болтавший с ним гвардеец удовлетворил наконец своё любопытство, пожаловал за труды священнику небольшой горшочек, пока неясно с чем, принял на чело святое знамение, поклонился и удалился восвояси. Я ему вослед ещё долго глядел.

Что-то во всём этом мне начало казаться до боли неправильным. Не иначе как взыграла во мне хваленая северянская предусмотрительность. Что ж, лучше поздно, чем никогда.

– Мм, да это же мёд! – восторженно заявил отец Славинсон, глядя на содержимое горшочка. – Это очень-очень кстати. Ну-ка, опробуем.

Он раздобыл на столе среди прочего резную ложку, облизнул, зачерпнул мёда и в кружку отправил. Размешал, отпил и разомлел. Я принялся: липа, липовый мёд. Доводилось мне читать былины, где травили едой или вином или даже поцелуем, но вот мёдом – ни разу.

– Ух, вот так-то оно гораздо лучше. Не желаешь ли, мой юный протеже?

Я понятия не имел, что означает слово «протеже», но наполовину полный свой стакан вперёд пододвинул. Без особого, впрочем, воодушевления. Мысли мои теперь занимало другое: я глазел по сторонам, и всюду мне чудилось, что гвардейцы за мной если не наблюдают, то, уж верно, стараются не упускать из виду. И взоры свои, чуть что, в сторону отводят, а то я не замечаю!

– Неро, сын мой. – Отче, размешивая мне чай, вдруг посерьёзней. – Я вижу, тебе тревожно, но поверь словам старого священника: всё образуется.

Вернул мне кружку. Моим ладоням, оказывается, недоставало её тепла.

– Дак разве ж вы старый, отче? – заметил я, принявшись к новому аромату.

– И то верно, мальчуган, ха-ха, и то верно! Однако же не перебивай. Я это к тому, что не хотелось бы мне, чтобы ты какую глупость выкинул, пока мы тут. Вижу же, что на душе у тебя беспокойно. Вот дней через десять мы вернёмся в аббатство, и тогда...

– Что?!! – встрепенулся я, аж со скамьи привстав. – Целых десять дней! Неужели так долго?

– Да, мальчик мой. Сам видишь: мост через реку разрушен. Лодки все тоже поразбивали да пожгли. Ни на бревне, ни на плоту не переправишься. Комендант мне поведал, что материалы для починки уже заказаны, но дней через семь только придут. Ну и пару-тройку деньков на работы, так-то.

У меня в голове погорячело и подурнело. Я ещё раз окинул взглядом округу, ужасаясь, ведь успею за столько-то времени свихнуться, выискивая, кого из гвардейцев мне следует опасаться. А что, если их всех?! Страх, что чья-то незримая рука может править всеми моими злоключениями, начал укрепляться во мне ещё стремительнее. И даже если оно на самом деле не так, и я ошибаюсь, – уж лучше поостеречься. Я твёрдо решил, что не останусь здесь. И не вернусь сюда, пока не возвратится всё в моей жизни на круги своя! Ну или пока не уберутся разнюхивающие тут всюду гвардейцы. Смотря что раньше.

Я тяжело вздохнул. Отпил сладкой, пряной заварки с мятой. Убрал прядки волос с лица. Надо сказать всё как есть, надо объясниться... но только лишнего не сболтнуть.

– Боюсь, это невозможно, отче. Слишком долго. Слишком тягостно мне тут оставаться. Думаю, лучше я уеду пока на какое-то время отсюда. Ты ведь понимаешь?

– Уедешь?! – Отец Славинсон вскинул бровь. – Ну а куда же ты поедешь, мальчик мой? Обратно в Гринлаг? Отчего же так скоро? Я понимаю, у тебя горе, но ведь...

– Дело не только в этом, добрый отче. Ты ведь знаешь, – я перешёл на шёпот, – знаешь ведь, *кто* моя мама? Ко всему прочему, я опасаясь, что это вскрыется.

Отче призадумался.

– Прошу, поедете! – насел я. – Вернёмся в собор. Ночевать в тепле, на пусть и жёстких, но всё же перинах, и имея над головой надёжную крышу, – несравнимо лучше, нежели здесь, в телеге, под открытым небом, неподалёку от разорённой деревушки. Тягостно мне тут, беспокойно и жутко.

Отец Славинсон от моей просьбы явно пребывал не в восторге. Но и противиться ему вроде бы тоже не с чего. Побарабанив пальцами по столу, он вскоре дал благосклонный ответ:

– Ладно, будь по-твоему, проказник, но, сдаётся мне, ты чего-то недоговариваешь. Если так, пускай будет на твоей совести. Врать священнику – оно, знаешь ли, и не умно, и не к чести. Пойду, потолкую с комендантом. А ты пока тут посиди! И чтоб без глупостей.

Отче поднялся и вышел из-за стола, недовольно что-то бормоча себе под нос.

Я кивнул, хотя на душе у меня мягкое смешалось с колким. Почувствовал себя лгуном. Чуть-чуть. Но это ведь ложь во спасение, разве нет? Вроде так. Но отчего-то, глядя на спину Славинсона, вновь нагрянула та чёрная замогильная тоска. Злая и липкая. Видя его недовольство, начало казаться что я остался не у дел, что глуплю и сильнее всё порчу. Знаю, это утрата ритуального каяка меня так подточила. Казалось бы, мелочь, но на деле – самая дрянная душевная рана за весь этот гадкий день. По крайней мере, именно таковой она мне в тот миг представлялась.

Я осознавал, что немного не в себе; что рассуждаю не вполне здраво, что спешу с выводами. Утраченный кров терзал меня в меньшей мере, нежели какая-то там лодочка. Это ведь нелепо. Вот только *лодочка* оставалась моей мечтой! А сейчас даже её нет.

За судьбу родных я, признаться, не имел беспокойства вовсе. Сколько себя помнил, мама с отцом показывали себя людьми благодетельными, честными и отважными. И рассудительными. Пусть сейчас мне, как никогда прежде, не доставало тяжёлых рук отца на плечах и улыбки матери, холодной, но и такой же честной, как никс-кхортеская стужа, – у меня и мысли не водилось, что с ними могло случиться непоправимое.

С кем угодно, но только не с ними.

Я шмыгнул носом, покрутил стаканчик в руках, болтая останки отвара на донышке. Думал допить, сладкое ведь. Но вместо этого просто вылил на землю.

Отец Славинсон топал нарочито громко, а плюхнувшись за стол ещё и ухнул как престарелый филин зачем-то. Хотя ясно зачем: меня будил. Я и сам удивился, что сумел тут, за столом, задремать.

– Ба, меня столько времени не было, а ты так и не поел, мой мальчик.

Колбаски остыли и выглядели уже не так аппетитно. Я отодвинул их ещё немного дальше.

– Как наши дела, отче? – поинтересовался. – Есть добрые вести?

– Смотри что считать *добрыми* вестями? Если ты о своём, то мой ответ – да, есть. Комендант, конечно, удивился, но своё дозволение на отъезд дал. Ещё и тебе сопровождающего выделил. Ему всё равно надобно рапорт отправить, потому так и так гонца в дорогу отсылать.

Отче произнёс всё это тем тоном, которым сетуют на грязь, облепившую сапоги. Пустым и безжизненным. Не знай я его, подумал бы, он затаил на меня обиду. Только вот если оно и впрямь так, то интересно, из-за чего это? Я отёр руки о штанины, прочистил горло:

– Значит, мы можем собираться? Мне по-прежнему кажется, что оставаться тут...

Отец Славинсон многозначительно взглянул на меня, что я аж запнулся.

– Верней сказать, это *ты* можешь собираться, мой мальчик. Я-то останусь.

– Что?!! – удивился я вне всякой меры. – К-как?! Почему это?!

– Дак я и не собирался уезжать. Моё ж хозяйство прямо за рекой, ты забыл поди? Останусь, стану дожидаться, когда новый мост наведут.

У меня, признаться, от этих слов челюсть отпала. Нас ведь и так всего двое осталось! А отче наши и без того немногочисленные силы дробить вздумал? Не к добру.

– Я не поеду! – Голос мой удивил меня самого, прозвучав словно звон чеканного молотка по железяке. – Отче, без тебя – нет, не поеду! Ни в коем разе.

Тот озадаченно округлил глаза:

– Это ещё почему?!

«Почему»? Действительно, «почему» же??? Не потому ли, что хуже, чем оставаться здесь, в лагере, где среди гвардейцев могут скрываться враги и предатели, – только в одиночку отправиться в дорогу, чтобы недруг уж наверняка мог подкараулить тебя вдали от посторонних глаз?! А если этим недругом как раз и окажется гонец?

– Просто... просто так надо, отче! – замотал я головой. – Поеду с тобой, если ты поедешь, либо же останусь здесь, если останешься ты. Вот так! Никак иначе!

Я подобрался и скрестил руки на груди. Отец Славинсон заметно так посуровел.

– Сыне... – выдохнул он. – Ты, да простит меня Гайо за такие слова, рассудком помутился? Ну право же, что это ещё за «хочу – не хочу», «поеду – не поеду»? На кой ляд я перед комендантом ковром стелился тогда?! Прости, Гайо, за недостойные словеса. Или это ты рассердить меня удумал? Ну так знай, получилось у тебя!..

Хотел сказать что-то ещё, но замолчал, шумно дыша и широко раздувая ноздри.

Я же опешил. Признаться, никогда прежде не видел отца Славинсона таким рассерженным. Даже не рассерженным, нет, – обиженным. Обиженным и сильно оскорблённым.

Собрался уже ему ответить, но, благо, опомнился и заблаговременно язык свой прикусил. Отче так-то прав. Там, за рекой, за сожжённым мостом, стояло *его* аббатство. В застенках обитали немногие, но всё ли с ними в порядке? Или тоже пропали без вести, а само аббатство разрушено и сожжено? Позор мне, что я сразу о том не подумал. А теперь уж делать нечего, иного не попишешь.

– Прости, отче. Я... я ляпнул не додумавши. Испугался, наверное.

Славинсон только губы поджал и ещё раз тяжело вздохнул. Взял со стола кружку, взглянул внутрь, но там пусто, вот со стуком на место и поставил.

– Ладно, забыли бывшее. Но ты уж, мальчик, думай в следующий раз, о чём говоришь, ладно?

Кольнуло.

– Я уже не мальчик, отче. Я – взрослый.

– Правда? А, по-моему, повёл ты себя как обычный мальчишка...

Наступил неловкий момент, обидное для нас обоих молчание. Для меня уж точно. Хотелось и на это ответить, но я себе запретил; а каких-то правильных к разговору слов совсем не находилось.

Прошло немного времени, и к нам подошёл один из гвардейцев, сказав, что гонец скоро уже отправляется, и раз за меня похлопотали, – надо скорей собираться. Он один, верховой, а я раз веса небольшого, вместе с ним поскачу.

Я с трудом оторвал себя от скамьи. Оставаться здесь не хотелось, но и уезжать страшно. Решение не из лёгких. Даже собирать с собой в дорогу мне было нечего. Весь мой нехитрый скарб, отцовский нож и писчие принадлежности, – оттягивали пояс. Но я решил вернуться к остову дома и ещё покопаться. Припомнил, как уезжал тем злосчастливым вечером, и захотелось проверить место, где запрятал чужеземную монету. Может, она по-прежнему там? И да, меж досок под сгоревшей кроватью та, закопчённая, легко нашлась. Ну хоть что-то. Отец на чёрный день ещё мешочек с серебром где-то у порога давнишне прикопал, но тот сейчас не отыскать. Нестрашно. Добуду его в следующий раз, как вернусь. Если вернусь.

Уходя, я ещё раз окинул взглядом деревню. То, что от неё оставалось. Домá-то отстроить не проблема, другое дело – во всём произошедшем разобраться. Хотелось надеяться, что я ошибался, и что ни при чём здесь ни та проклянутая драконья книга, ни взбалмошные дворянчики, вздумавшие так не ко времени свои нелепые склоки улаживать, ни подозрительный отряд гвардейцев, ни что бы то ни было ещё. Очень хотелось бы.

Отвернувшись, я зашагал прочь. Прошагал по трижды истоптанной дороге, и тут звякнуло у самого моего мыска что-то. Тускло блеснуло и скрылось в грязи. Я огляделся. Вокруг целая прорва гвардейцев; помнится, один из них мне велел без ведома ничего тут не трогать. Потому-то я сделал вид, что просто нога зачесалась, присел и, поправляя сапог, находку припрятал. Оказалось, это серебряная монетка, странная, словно кто её топором тюкнул. В рукав себе её сунул.

Гонец седлал жеребца, навьючивал последние худые сумы. Как меня увидел, махнул, чтоб я поторапливался. Отче рядом с ним стоял, тоже меня дожидался. К вечеру уже шло, вновь поднялся ветер, небо окончательно тяжёлой пеленой затянуло. Заморосило. Но это не проблема, отцовский тяжеленный жилет на моих плечах от любой погоды защитит.

– Отче, – подступил я к священнику. – Я хотел ещё раз извиниться. И за капризы свои, и за то, что уезжаю. – Глянул мельком на гонца. Довольно молод он был и вполне весел. Не казался злодеем, хотя, наверное, злодеями никто на первый взгляд не кажется. Отвернулся от него. – Обещаю возвратиться при первой возможности, отче, и... Да что уж там! Чего угодно готов наобещать, лишь бы ты на меня не серчал!

То ли это морось безобразничала, то ли отче в глаза соринка попала.

– Ох, негодник, вот же ж ты языкастым иногда бываешь! Но не тревожься, я не в обиде. Вот, возьми-ка это на дорожку. Чтобы не так тягостно тебе было.

Вручил мне кошель, в коем монеты брэнчали, и конверт, сургучом залепленный. Пояснил, что в конверте рекомендации, дабы поселиться мне всё в том же нашем соборе, а в кошеле чуть поболее сотни гион серебром и медью. На всякий случай. И как не пытался я их вернуть, он оставался непреклонен. Велел мне их забрать. И ещё плащ свой от непогоды мне пожаловал, а отцовский велел вернуть. Я удивился, отдавать сперва не хотел, но он пояснил, что коняжке,

мол, несчастной и так двоих седоков везти, а с этой-то шкурой, больше на щит похожей, она наверняка под нами издохнет.

Когда я про щит услышал, то возвращать ещё сильнее расхотелось, но так-то его правда, вот и пришлось.

Наконец, гонец всё подготовил, запрыгнул в седло, а меня перед собой усадил. Мы с отцом Славинсоном простились, а пока думали, чего бы ещё сказать, – лошади всадили пятки в бока, и дальше лишь мелкая морось устремилась мне в лицо и глаза. Оглянулся, но извилистый перелесок быстро скрыл с глаз и священника, и гвардейцев, и всё прочее.

Я укутался получше в плащ и как мог незаметно проверил отцовский нож на поясе. Всё ещё побаивался гонца, всё ещё подозревал в нём предателя. Воображал, что если вдруг он нападет, то отмахнусь и спрыгну с коня да в чашу опрометью брошусь... Вот только скакуна так усердно гнал, что ни мне не спрыгнуть, ни ему не замахнуться. Потому если и готовиться отбиваться, то во время остановки. А сейчас нечего.

Выудил из рукава найденную монетку и стал её рассматривать. Это дворфская артана, глифами украшенная. Говорят, монеты у бородатого народца каждый свои чеканит. Но у этой на ребре ещё глубокая царапина красовалась. Скорее даже срез. Будто медвежьим когтем царапали. Странная находка. Но денежка, а значит пригодится.

– Эй, дружок, ты как там? Готовься, скакать будем без промедлений и остановок. Единственный привал – на паромной переправе. Сможешь, надеюсь, уснуть в седле?

– Смогу, – крикнул я в ответ. Уверен, что смогу. Правда зад уже успел одеревенеть.

С того дня, если кто меня спросит, какая служба самая неблагодарная и тяжкая, я тотчас же без запинки отвечу: ну разумеется «гвардейский гонец»! Я ведь как сперва думал – это он меня страшит насчёт сна прямо в седле; думал, будет у нас и привал, и ночёвка. Но, оказалось, нет. Как и обещал, гонец гнал скакуна всю ночь попеременным аллюром, то притормаживая до рыси или быстрого шага, то разгоняясь до галопа, впадая иной раз в карьер. Спать или хотя бы дремать при этом сумел бы разве что покойник, да и то, самый что ни на есть мёртвый-пре-мёртвый, мертвее уже некуда.

Я же оставался жив и потому проклинал всё на свете вплоть до самого утра, пока Гринлаго не показался на горизонте. Гонец как раз на шаг перешёл и, поняв, что я после ночи оклемался, сунул мне под нос открытую флягу. Я принял, поблагодарил, отхлебнул. Думал вода, вино или, может, эль какой, но оказалось – похлёбка жиденья. О том, что отравлено, не беспокоился. За весь вчерашний вечер и всю ночь была у него сотня возможностей напасть, но он не пытался, так что травить сейчас – лишь яд переводить.

Промочив горло и прокашлявшись от дорожной пыли, мне удалось-таки уговорить гонца остановиться. Спрыгнув на дорогу и едва удержавшись на ослабевших ногах, я отошёл к обочине и неровной походкой поспешил к ближайшим кустам.

– Ты там живой, парень? – поинтересовался гонец, пока конёк его гарцевал из стороны в сторону. Зверь, мерзавец, похоже и не помышлял об усталости. Наездник тоже спешился, взял коня под уздцы и напоил из той же фляги.

– Сейчас, – ответил я, не оборачиваясь. – Нужду справлю, и буду живой.

Тот только усмехнулся, похлопал конька по шее да обратно в седло запрыгнул.

– Слушай, добрый человек, – закончив дела, спросил я его. – Может я это, дальше сам дойду? Пешком в смысле. До города-то всего ничего осталось. А то чую, если снова сяду в седло, с десятков вёрст мы проскачем, и всё, спина моя отвалится.

Гонец снова усмехнулся, но руку невзначай на притороченном хлысте задержал.

– Нет уж, парень, у меня приказание тебя до ворот доставить и там старшине сдать. Так что давай-ка, не выдумывай, забирайся. Совсем немного ещё потерпеть осталось.

Я тяжело вздохнул, потёр поясницу, но в итоге всё равно подчинился.

Тем не менее остаток пути прошёл легче, чем ожидалось. У самых ворот гонец меня ссадил, стражникам вручил какой-то свиток, махнул на прощание да по улицам города умчался. Цокот копыт его лошади слышался мне ещё долго. Или мерещился.

Я чувствовал себя премерзко, устало и обездолено. Выглядел, думаю, и того хуже. Однако отпускать меня никто не спешил. Стражники сказали, что им сперва велено меня к старшине привести; он, дескать, должен переписать и заверить мои показания. Только вот на месте того не оказалось, – у него, видите ли, *служебные дела*, – потому пришлось мне ещё и его дожидаться. Ну а когда явился этот самый старшина, выдыхая винные пары не хуже, чем дракон – пламя, то и вовсе оказалось, что потребно меня показывать не старшине, а коменданту.

Тут я окончательно присутствие духа потерял.

Благо, пока разыскивали ещё и его, я успел лишний раз поразмыслить, что и как говорить, дабы не сболтнуть лишнего. Найденную артану убрал в кошель, а вот чаандийский серебряник хорошенько так в одежды запрятал. Монета это редкая, а Чаанд от нас далеко, вот и нечего о ней пока вспоминать, чтобы не пришлось отвечать, откуда такую взял.

До собора, вымотанный и оголодавший, я добрался уже сильно затемно. Злой как собака, успел трижды пожалеть об этой своей аванюре. Но и тут незадача. Час поздний, потому ворота для страждущих давно затворены. Рекомендательное письмо-то есть, но кому его показывать, когда все спят? В соборе ни в одном оконце не видно и проблеска свечи или лучины.

Это не то чтобы проблема, я знал где задний вход, но он ведь тоже может оказаться заперт.

Перепрыгнув через низенький заборчик, с трудом разбирая дорогу перед собой, я отправился в обход. Пожалел, что при себе нет ни лампы, ни факела, ни свечи. Есть огниво, но не пытаться же запалить первый попавший пучок сухих веток! Я ходил здесь много раз, и ночью – в том числе, но именно сейчас отчего-то всё казалось мне чужим. Даже чуждым, враждебным. Каждый шаг среди тиши и спокойствия храмового палисада казался непростительно громок. И время от времени мне чудилось, что я слышу ещё и чьи-то посторонние шаги. Но рядом никого, лишь моё воображение, разыгравшееся впотьмах. Наконец, нашёлся чёрный ход. Я постучал как можно громче. И ничего.

Немало времени пришлось мне колотить дверь, прежде чем я разглядел слабенькое зарево, подсветившее порог. Трижды гаркнул ключ в недовольно бряцающем замке, скрежетнул засов, и дверь со скрипом и стоном отворилась. По ту сторону стоял парнишка, тщедушный и с глазками немного мимо меня косящими. Острижен по-послушничьи; светлые волосы на голове лежали как соломенная шляпка. В одной руке он держал подсвечник с едва тлеющим огарком свечи, а другой – прижимал к себе черенок от швабры, пытаясь заодно удержать и связку ключей. Соборный служка; один из дюжины. Я прежде его вроде видел, а может, и не видел, – их нелегко запомнить, а сами они те ещё молчуны.

– Доброго вечера, – начал я, звуча донельзя вымученно. – Могу я пройти?

Мальчуган ответил не сразу, задумался над простым вопросом; пока он медлил, меня обдало прохладным полуночным порывом. Скорее инстинктивно, нежели намеренно, я подался вперёд, к теплу, но светловолосый служка перегородил мне дорогу палкой.

– Эй, я друг и... – Запнулся. «Как там это слово звучало?» – *Протеже* отца Кристофера Славинсона. Я уже не раз тут останавливался с ним и сейчас тоже пришёл просить крова. Пусти.

Мальчишка покрепче сжал черенок. Чуть дрожащим голосом ответил:

– П-прошения просим, дядька, но... я вас не знаю!

Я медленно, с присвистом, выдохнул. Потёр отяжелевшие веки.

– Да я же здесь десятки раз уже останавливался! – сказал ему. – И какой я тебе дядька? Мы с тобой одноклассники, похоже.

– Я раньше не видел. Вас... вас раньше не видел.

– Ох, тогда вот как поступим. – Снова вздохнув, я подал ему чуть измятое рекомендательное письмо. – Это как раз от отца Славинсона. Он сказал, что с этим меня точно пустят.

Мальчишка неловко взял конверт, пытаясь удержать всё своё, поглядел и покрутил. Даже понюхал. Губы его что-то неслышно пролепетали, ну а после он вернул конверт мне со словами:

– Я читать не умею, дядька.

Я аж поперхнулся:

– Ну отнеси тому, кто умеет! – выпалил, уже порядком злясь.

– Так все спят. – Служка вновь вцепился в черенок, будто стоять без него не мог. Притом свечу поднёс опасно близко пламенем к своим же соломенным волосам. – Братья, чтецы и монахи давно потчевать отправились, а светлая Метресса... Метресса... она... – Тут он запнулся.

– Ну-у, что «она»?! Отвечай уже! – нетерпеливо бросил я.

– Она также удалилась к себе. Уже некоторое время как.

– Светлый лик Гайо, ну так сходи к ней, может, она ещё не спит! Можно ведь и разбудить её!

Служка аж побледнел:

– Разбудить саму Метрессу???

Он растерялся, словно кто ему велел песок вместо соли жрать, но затем чутка подобрался, потешно нахмурился и строго мне заявил:

– Нет, я вас не пущу. Уходите!

При этом попытался обеими руками черенок на меня наставить, из-за чего связка ключей у него громко бряцнула о пол, а огарок свечи едва получилось удержать. Своей нелепостью только сильнее раздражал меня.

– Та-ак... – протянул я, сжимая и разжимая кулаки. – Значит, непустишь да? Непустишь обездоленного на ночлег в дом божий, верно?!

Мальчишка растерялся, тяжело задумался, ну а я только того и добивался.

– Тогда прочь с моего пути! – бросил ему, отпихнул неловкого служку со своего пути и сам ворвался внутрь. Пробежал мимо него и, не оборачиваясь, поспешил в свою келью.

– О-ох... Эй! А ну остановитесь!

– Ищи дурака! – огрызнулся я, прибавив шагу.

Благо, знал куда бежать. По тёмным переходам, на ощупь и по памяти, я вбежал по ступеням на башенку, ворвался в пустующую келью, дверь за собой затворил и засов задвинул. Швырнул плащ в одну сторону, вещи – в другую, а сам прямо в сапогах на кровать завалился. Замотался во все простыни, зажмурился и постарался с ходу провалиться в сон, чтобы этот ненавистный день наконец-то закончился.

Но, увы, не вышло. А некоторое время спустя слабый отсвет из-под двери, звук неуверенных шагов и стук деревянной палки по стенам и полу подсказали мне, что служка наконец меня нагнал. Я пригляделся к полоске неровного света, изливающегося на пол кельи. Несчастный дурачок, несмело переминаясь с ноги на ногу, стоял прямо за дверью. Попробовал толкнуть её, затем постучался, ну а после окликнул меня раз-другой. Я не ответил. Вообще ничем себя не выдавал. В конце концов служка сдался и направился восвояси, тоскливо выстукивая ритм собственных шагов черенком-посохом. Кажется, даже всхлипывал. Ну а мне-то что?! Я для себя решил, что он сам виноват...

Потом правда подумал, что всё же напрасно так с ним поступил. Подумал, что следовало мне проявить терпение, всё ему разъяснить, рекомендательное письмо зачитать. А я сразу толкаться стал, неправильно это...

Только после этих невесёлых мыслей я закрыл глаза и сумел-таки провалиться в сон. Душный и беспокойный, дарующий лишь жалкие крохи отдыха.

И уже наутро пришлось мне по-настоящему пожалеть о содеянном. Сперва самому – просто вообразив, как, наверное, терзался несчастный служка, горя о собственной нерасторопности и немощи; а затем – когда я сам предстал перед той самой метрессой, женщиной немолодой и обладающей поистине барским норовом. В своей приёмной она обрушилась на меня, словно тысяча пудов камня; притом не поднимаясь из-за стола и не меняясь в лице. Выслушав мои оправдания и ознакомившись с письмом, сжалилась и позволила и дальше жить в пустующей келье сколько потребуется, но велела во всём помогать монахам и настоятелям, кто бы о чём ни попросил. Про себя я решил, что заслужил такую повинность и в целом достаточно легко отделался.

Ну и ещё метресса, вернув мне Славинсоново письмо с надломленной печаткой, взяла с меня обещание, что я извинюсь перед испуганным мною служкой. Напрасно она требовала, – я и так собирался это сделать. Даже если б мне строжайше запретили.

Но прежде – дела насущные.

Никто не напомнил мне, занятому своими бедами, что сегодня наступил первый день самой первой декады поры Увядания. И осень торопилась заявить о своих правах! Из узкого, запylённого оконца кельи хорошо видно, как она это делала:

Небо затянуло дрянной простынёй с редкими тускло-голубоватыми прогалинами, которая нависала низко и того и гляди накроет весь город; ветер где-то успел нарвать листьев и гонял их стайкой из стороны в сторону меж крыш и флюгеров, не иначе как воображая, что это у него птицы. Сами же пернатые всё чаще срывались с крыш и улетали вдаль.

Быстро всё переменялось. Камень кельи стал неприветлив и холоден на ощупь.

Спрыгнув с кровати, я вышел за дверь и направился в обеденную залу. Вернулся с целой кадкой тёплой, почти горячей воды. Умылся и обтёрся, вычистил зубы щёткой со свиным ворсом и лекарским порошком, расчесал волосы. Попробовал стянуть их шнуром на затылке, как делал это отец, но те оставались пока ещё коротковаты для такого. Потому, как и всегда, я убрал их с лица и подвязал очельем, после чего оделся и вышел вон.

Ветер на улице оказался прохладен, хотя и не слишком навязчив. Не иначе как сегодня он больше обретался на крышах, нежели гулял вдоль домов. Но в плащ всё же хотелось закутаться целиком. Я вышел из главных ворот, поёжился и по старой привычке взглянул на небо. Хладного сияния Призрачной пока нигде не проглядывалось на рваном полотнище. Её присутствие радовало меня, она мне нравилась, но хорошо, что её сегодня нет. Если выглянет, я точно озябну.

За моей спиной карканьем залилось вороньё. Я обернулся и взглянул на собор – стайка этих чернокрылых сорвалась из-под башенной арки и тоже устремила с глаз долой, наперебой оглашая окрестности. Будто какое дурное знамение, но, скорее всего, просто совпало. Птицы там небось на уступе всего-навсего грелись и отдыхали; сил набирались, прежде чем в путь отправиться, и не более того. А сам уступ теперь почистить бы не мешало. «Наверняка меня заставят», – невесело подумал я и тоже поспешил прочь.

Этим утром мой путь лежал к местной лавке гильдии посыльных. Никогда прежде я туда не заглядывал – зачем бы мне? – но нынче решил, что отправить Славинсону письмо будет отнюдь не лишним. Скверная на самом деле затея, ибо в итоге мне это стоило аж сорок с лишним гион; одной четверти от доверенной суммы. В самом же письме я написал, что благополучно прибыл на место, ещё раз извинился и сообщил о том, что с нетерпением буду ожидать вестей. Любых, но лучше бы добрых. Бородатый гильдьер принял от меня конверт и монеты и вежливо попрощался... Правда, когда я уже в дверях стоял, сказал, что посыльные в том направлении редко ходят, так что как только, так сразу. М-да уж, отличная была идея...

Теперь – к воротам, на стражническую заставу, к коменданту. Он велел поутру явиться к нему и отчитаться как я устроился. Хотелось бы мне верить, что хоть сегодня вся эта волокита закончится поскорее. Очередного дня в сторожке я просто не вынес бы! По итогу не стоило и переживать, зашёл и вышел.

И вот на эти несколько дней я остался всецело предоставлен сам себе. Думал, не лишним будет устроиться подмастерьем в лавку какую, чтобы без дела не сидеть, или, может, в факторию отправиться и там сыскать заработка. Для посыльного или разносчика завсегда работёнка найдётся, а если и нет, то за медяк-другой можно сапоги чистить. Лишние монеты лишними-то не будут.

Я остановился посреди улочки, упёр руки в бока и вдохнул полной грудью.

Затея не дурна, но, супротив ей, в моей голове звучала и другая: не лучше ли мне как-нибудь разведать и разнюхать, что в округе творится? Может, кто слышал чего или ходят какие рассказы о произошедшем в Падымках? Как-никак, а за своих родных и знакомцев, за соседей и за сверстников мне ведь беспокойно... и за дорогую сердцу Лею тоже. Правда, с чего следует начать, я даже не представлял. Хорошо бы зайти в первую попавшуюся корчму или трактир и там удачно наткнуться на того самого гонца, который, перепив, сам как на духу всё бы разболтал. Но такого везения, думалось мне, ожидать не стоит.

Мысли о трактирах и корчмах пробудили дремавший доселе голод, и я, пообещав непременно придумать для себя какое-нибудь дело и во всём разобраться, но позднее, отправился на поиски, где подешевле, но при этом повкуснее. Или хотя бы посытнее – в соборной столовой кормили скромно.

Следующий день закончился тем же. И ещё день спустя. Все остальные – тоже. М-да, позор мне, конечно, но насчёт дел у меня как-то совсем не срасталось.

За прошедшее время я разве что по городу прогуливался, и только-то. Всякое утро корил себя за праздность, обещая если уж не вчера, то сегодня-то точно найти себе наконец достойное занятие! Но затем всё начиналось сызнова. Зато нашёл время попросить прощения у светловолосого служки, которого толкнул и испугал в ту ночь. Понаблюдав за ним, я выяснил, что он со всем рвением, на какое способен, старается освоить грамоту; и даётся это ему с немалым трудом. Оно и понятно. Выкроив время меж изобилия соборных дел, которые никогда не заканчивались, я подкараулил его и просидел с ним до полуночи, читая вслух и помогая прочесть самому. Сам паренёк, имени которого я так и не запомнил, радовался, смеялся и хлопал в ладоши, а когда пробовал сам – у него вполне сносно получалось. Я своими трудами остался доволен. Не так уж сложно извиниться, когда неправ.

Утро следующего дня первой декады началось с дождя и стенающего ветра, однако уже к полудню расщедрилось на чуточку солнца; но в большей мере на духоту. Восстающую с влажных улиц дымку прореживали колонны золотого света, аж слепящего с непривычки, и беспокойная листва в этих лучах целыми снопами парила и искрилась, будто кто-то её с крыш мешками ссыпал. Одну из площадей Гринлаго, что неподалёку от собора, почтила своим присутствием ярмарочная банда. Видимо, последняя в уходящем сезоне. Шумные скоморохи, ушлые лавочники в цветастых лавках, дивные угощения, гадалки, неуёмные – будь их музыка трижды неладна! – трубадуры... Ярмарка! На полгорода её слышать.

Я как раз отчищал последнюю миску после утренней трапезы, когда обо всём этом прознал от молодых послушников. Сбросил фартук и пущенной из лука стрелой бросился собираться, пока не вывалили на меня целый ушат ещё каких новых дел, а то и не один.

Облачился попрличнее, в тот самый наряд, в котором в бургомистрову библиотеку лазил той злополучной ночью. В прошлый раз изорвал его немного, но ныне успел все дыры подшить. Хоть что-то хорошее: когда родные вернутся, то не спустят с меня все семь шкур за то, что испортил дорогую одежду. По крайней мере, пока не заметят кривоватые швы.

Набросив на плечи плащ – на случай, если погоде в голову что дурное взбредёт, – я выскочил из собора и, шлёпая по лужам, побежал вверх по улице. Сперва в гильдию посыльных, проверить, не пришёл ли долгожданный ответ преподобного, и только затем на ярмарку.

Ответ пришёл. Я со всей поспешностью сгрёб письмо с прилавка; гильдиер потребовал с меня пять гион за что-то там сверхурочное, ну а я ему всего четыре подал и прочь побежал. Ишь хитрец, захотел ещё с меня страсти! Мне, конечно, не терпелось вскрыть конверт, но я решил повременить; узнать всё в спокойной обстановке и порадоваться, если там хорошие вести, либо же сперва немного развеяться и набраться смелости, если скверные.

Ярмарка проходила вполне чинно, если не брать в расчёт проклятуших музыкантов, которые надрывались будто для самого Наместника. Народу вокруг не так много, и гулянье шло размеренно, под стать погоде. У входа на площадь меня поприветствовал манерный, разодетый во всё кружевное дворф – или просто низкорослый плечистый мужик, – и, как и всем остальным, предложил написать своё имя на листке да в ящик бросить. Сказал, что к вечеру десяток счастливых из этого ящика поборются за целый кошель золота, либо же, по желанию, за ночь в обществе с обворожительной и загадочной восточной красавицей, знающей массу историй и предсказывающей будущее. Я, само собой, согласился, да вот только этот мерзавец взялся ещё раздумывать, действительно ли стоит меня допускать и не слишком ли юн я для такого? В итоге уступил; а я уж прикидывал, откуда в него грязью зашвырнуть, чтобы никто меня не поймал.

Окончательно поборов желание вскрыть письмо и сунув то за пазуху, я взялся прогуливаться по площади, разглядывая всё, что попадалось на глаза, но ничем из увиденного особо не увлекаясь. Прочий люд, спасаясь от духоты свежим элем и разбавленными винами, которые тут на каждом шагу продавались, перетекал из стороны в сторону, аки вода в канавах, от большего к меньшему. Вот пожиратель огня привлёк к себе внимание, но то ли поперхнулся, то ли наскучил всем раньше, чем успел продемонстрировать мастерство, и его остались смотреть немногие. А вот лавка с шелками и платьями, одно цветастее другого... Но нет, видать, слишком дорого, вот народ и отпрянул. Вон там точили ножи, тут силач, обливаясь потом, подковы на спор гнул, здесь поросят оценивали.

До того я погрузился в собственные раздумья, разглядывая всё это, что едва не налетел на тележку, полную сена, которую какой-то приятель к загону с телятами толкал. Обошёл его, и тут предстал передо мной как на духу шатёр из тканей глубокого синего с зелёным цвета; настолько красочный и трепещущий на ветру, что на миг почудилось: это морская волна устремилась на меня. Но если б действительно неслась и смыла, то не страшно, ведь тогда бы захлестнуло меня таким многообразием всяческих лучистых самоцветов, под которым мало кто откажется быть погребён! Так я и таращился на это чудо, пока не отмер, ведь очень захотелось мне взглянуть поближе.

К шатру я подступался, будто к спящему туру. Коснулся тканей, а те оказались даже мягче материнской ласки; а вот нашитые камешки – никакие не самоцветы, а самые обычные стекляшки. Но такие яркие и искристые, что глаз не отвести! Я коснулся одного такого. Интерес ради попробовал поддеть ноготком. Мне стало любопытно, каким образом эти липовые камешки крепились к столь невесомым и воздушным тканям; словно капли росы на лепестках. Ну и, может, выйдет один такой скovyрнуть и себе на память...

– Всё очень просто, мой дорогой, – раздался у меня за спиной чей-то мелодичный голос. Столь же мелодичный, сколь мягки полы шатра. – Все они приклеены на ведьмину смолу. При некоторой сноровке ты, конечно, можешь сорвать парочку, но я бы не советовала.

Я оглянулся, не смея даже вообразить себе хозяйку эдакого бархатного голоса. И правильно сделал, ведь незнакомка оказалась в сотню раз очаровательнее самой смелой фантазии; наверняка это та самая «восточная красавица». Она стояла неподалёку в свободных одеждах, какие нечасто встретишь в наших краях и какие уж точно не подходили под нынешнюю погоду.

Две косы волос, каждая толщиной с запястье, ниспадали на её плечи, а с плеч – на грудь. Часть лица скрывала вуаль, а цепкие глаза подведены тенями гуще, нежели предрассветное небо.

– Я ничего такого и не думал, – сглотнул я. – Просто так, интересно стало.

– Это правда, – заметила незнакомка. – *Интерес...* Ты интересующаяся натура, не так ли, мой мальчик? Но я предположу, что сильнее тебя тревожат более важные вопросы. – Она прошествовала мимо, пальцами проведя по моему подбородку. – Знаешь, я могла бы на них ответить.

Меня аж дрожь на краткий миг пробрала, но я себя пересилил. Пришлось вообразить хмурого отца, чтобы голос не дрожал.

– Кто вы? – спросил у неё.

– Моё имя тебе мало что скажет, но, если настаиваешь, меня зовут Мефхреа диа-Канн. Куда важнее, что я – потомственная прорицательница, мой дорогой. Толкую всякому о том, что сокрыто для него в грядущем.

– Обманываете вы, – огрызнулся я. – Говорят, грядущее неведомо никому.

Она пожала плечами:

– Значит, я лишь шарлатанка, которой остаётся лить слёзы о своей бездарности. Какая жалость.

Она отвернулась от меня и направилась к своему шатру.

– Постойте! – окликнул я. – Если вы и впрямь прорицательница, то докажите это. Ответьте здесь и сейчас на что-то, чего не знаете. Как моё имя?

Она обернулась и прямо-таки пронзила меня взглядом своих зелёных, как у лесной змеи, глаз. Подступила ближе, грубо ухватила за подбородок. Я не сопротивлялся, любопытство брало своё. Прорицательница целую вечность буравила меня взглядом, поворачивая лицо то левее, то правее. Отпустила, взглянула на мои руки. Своим тонким, изящным пальчиком провела по видимым лишь ей одной линиям на ладони. Наконец, удовлетворилась осмотром и отступила назад. Взглянула на меня сверху вниз, ибо возвышалась надо мной на целых полфута:

– Неро. Это твоё имя, молодой охотник. Неро.

Ого! Пришлось мне до боли сжать кулаки, дабы не выдать своё удивление:

– Хм, но как? Откуда вы это узнали?!

Но едва я спросил, как кто-то толкнул меня под ногу и премерзко ущипнул за бедро. И к тому же ещё и гневно гакнул! Некий гусь. Большой и важный, словно баннерет. Шёл себе вразвалочку и, видимо, оскорбился, что ему не уступили дорогу. А отомстив – потопал дальше. Гад. Я же, переведя взгляд с него обратно на прорицательницу, увидел, что та уже стояла на пороге своего шатра.

– Я читаю в лицах, юноша, читаю в руках и в губах. Иногда в глазах, если вижу, что в них плещется достаточно души. И я многое про тебя узнала, куда больше, чем ты в силах разузнать сам. Но коли решишься зайти, помни, эти ответы будут тебе чего-то да стоить.

И бросила на меня такой взгляд, что колени затряслись и на губах пересохло. А затем она скрылась за бесчисленными полотнищами своего шатра. Я сглотнул; ослабил шнуровку на воротах рубахи. Вдохнул мягкий аромат благовоний, что всё ещё витал в воздухе. Ну и гневно глянул на самодовольного гуся, ничего не желая сильнее, чем увидеть его на своём обеденном столе, ощищенного, запечённого и с большущим яблоком прямо в... или как там обычно гусей подают?!

Однако шут бы с ним, с этим гусем. Шатёр, этот дивный шатёр, стоял прямо передо мной, маня к себе обещанными ответами. А ведь *ответы* мне сейчас нужны как никогда прежде. Я приблизился на шаг, протянул руку, но задержал её у самого полога. По улице прошёлся ветерок. Зашелестела ткань, меж многочисленных её складок пробились отблески тусклого света, донёсся аромат дурманящих масел. Мелькнули нагие плечи прорицательницы. Она сидела там,

спиною ко входу. Меня ожидала. Однако я отстранился. Неужто она и впрямь желала мне помочь? Едва ли, скорее хотела денег. Денег и, может, чего-то ещё. Услугу или пари? «Иначе б не завлекала к себе этими своими *женскими штуками*», – пришло мне на ум.

И тем не менее...

Я отступил ещё на шаг. Достал из-за пазухи кошель, ослабил обмётку и заглянул внутрь. С собой я прихватил около полусотни гион грязным серебром и чистой медью. И это – едва ли не последнее, что у меня оставалось. Потрачу сейчас, и придётся остаток времени лапу сосать, перебиваясь одной только соборной кашей с черствым хлебом.

И тем не менее!

Нет. «Нет!» – сказал я себе тогда. Хочется, но что-то здесь не так. Что-то мне приходится не по нраву. Не верилось в правдивые ответы за обычную плату, да и что это за *ответы* такие, которые не раздобыть самому, честным трудом и прозорливостью? И хотя меня будто кто-то в спину толкал к этому шатру, я развернулся и направился восвояси. И пока шёл, не единожды мне чудилось, будто бы ветер нашёптывал: «Зря, зря».

На вертеле, над коптящими углями, жарился поросёнок, неподалёку ароматно побулькивала в котле похлёбка из баранины, а в сооружённой прямо на площади лагерной печи картопля пеклась. Какая же ярмарка, да без сытного угощения? Жар тут стоял – ажно дыхание спирало, но никто не жаловался. Хотя оно и понятно: бочонки только и успевали, что меняться один за другим, а от желающих взять себе кружку пенного не было отбоя. Народу толпилось поболее, чем на всей остальной площади; сразу ясно, *чем* думали гости. А ещё проклятущих трубадуров тут не слышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.